

Ш5(5кз)5-4

(Абаб)А18.7

Д 225
К

Двадцать
стихотворений
Абаба

К Слову

... Впервые произведения Абая, неоднократно переводившиеся в течение семидесяти лет, представлены подобным изданием в нашей литературе.

Стихи в подлиннике – мгновение переживаемых чувств, мыслей и звуков, рождающее единственным словом образ почти невозможный перенести на другой язык.

Поэты-переводчики в большинстве своем работают с бескровными скелетами подстрочников и, чтобы вдохнуть в них жизнь, нужен огромный талант.

Потому и остается незнакомой русскоязычному читателю лучшая казахская поэзия.

Потому, до сих пор, мы не можем в полной мере представить поэтический гений Абая мировой культуре. А ведь его произведения стоят в одном ряду с “Божественной комедией”, “Королем Лиром”, “Фаустом”, стихами Райнера Марии Рильке.

Лишь сохранив форму оригинала, приблизившись в переводах к пророческой поэзии Гения во всей ее интеллектуально-чувственной многомерности, можно с уверенностью говорить, что мы, казахи, оправдали свое существование в истории уже только тем, что подарили миру Абая...

Фарица Унгарсынова

Ш:Б(БК 3715-А(4024)418.С

К 160-летию со дня рождения
Абая (Ибрагима) Кунанбаева
(1845-1904 гг.)

ДВАДЦАТЬ
СЛУХОПВОРЕННУ
АБАЯ

ББК 83.3 (2 Каз)
Д 22

Редакционная коллегия:

*З.К. Кабдолов, С.А. Каскабасов (главный редактор),
Г.К. Бельгер, Ф. Унгарсынова, З.С. Сериккалиев ,
Г.Е. Есим, В.В. Бадиков, Е.А. Раушанов, Ж.Б.
Налибаев, Д.А. Кунаев*

Составитель и переводчик *Марат Адибаев*

**выражает благодарность за всемерную поддержку в
подготовке и издании книги**

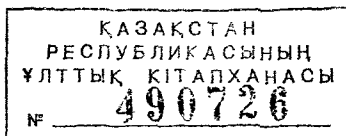
Булату Назарбаеву
Президенту ТОО “ФПХ”БМ инвест”

Д 22 **Двадцать стихотворений Абая/Сост. и пер. М. Адибаев. —**
Алматы, 2005. 288 стр.

ISBN 9965-27-472-X

Абай — это наше все Наше — вчера, наше — настоящее, будущее
Его поэзия как откровение, небесный свет — не оставляет равнодуш-
ных.

Д $\frac{4603000000}{00(05)-05}$

ББК 83.3 (2 Каз)

ISBN 9965-27-472-X

© М. Адибаев, 2005

*“Жүрегіңнің түбіне терең бойла,
Мен бір жұлбақ адаммын, оны да ойла!”*

АБАЙ

появился на этой земле вызволить народ из бездны братоубийственного грехопадения, указуя единственный путь к спасению — через сердце к Всевышнему.

Судьба народа, усугубляемая личной трагедией, стала судьбою Поэта, сфокусировалась в мощном ядре гениальной поэзии взрывающей чувства, потрясающей мысли.

Но ядро не распадается, а, уплотняясь, пронизает и раскрывает нас: мы — счастливый и трагический народ, мы так талантливы и так беспощадны друг к другу. Мы говорим с космосом, блуждая в отживающих устоях и дурных привычках. Мы можем так любить и так ненавидеть, что превращаем жизнь в смерть, а смерть в песню. Мы так неразрывны, зависимы друг от друга, что даже величайшие из нас молят о спасении.

Река жизни — мировая печаль и слезы мира наполняют ее. Абай знал — только Слово способно остановить мгновение и запечатлеть его навсегда. Здесь нет скидок на Время. И когда бы не было запечатлено это мгновение — семь тысячелетий назад или вчера — магия Слова, Цвета и Звука делает настоящее искусство живым и современным, ибо сущность человеческая в высочайших его проявлениях всегда была осмыслением между высотой ее взлета и бездной ее падения. Высота образцов, облаченных в блистательные формы, превращалась в пророчества и откровения божественного предназначения человека и блужданием его в потемках этого предназначения. Потому и принадлежали они единицам — отшельникам, мудрецам и поэтам-пророкам, трагическое одиночество которых — оторванность от толпы и осознание своей неразрывности с этой толпой.

Непонятые, униженные, убитые соплеменниками, только они, лучшие из нас, берут на себя искупление за наши грехи и пороки и ташат эту непосильную ношу сквозь бессмысленную жестокость и несправедливость, зажигая своим сердцем огонь надежды и закрывая ладонями свет трепещущей лампы. Иначе мрак раздавит всех — и близких негодяев, и любимых изгоев.

Абай стал одним из тех немногих, которые создали Илиаду, Божественную комедию, Короля Лира, Фауста. Он один из тех немногих кто знал, что “лишь реченья и в камне открывают вдохновенье”.

Марат Адибаев

ВОСХОЖДЕНИЕ К АБАЮ

Казахская литература в своем развитии никогда не замыкалась в узких национальных границах; наоборот, отличительной ее чертой было многообразие связей в разработке различных жанров, а также перекрещивание творческих биографий художников, что положительно сказывалось на обогащении национально-эстетического опыта.

Представляемая вашему вниманию книга включила двадцать произведений из наследия Абая Кунанбаева, в переводе на русский язык, которые вошли в сферу духовной жизни русского народа и оказали на нее эстетическое воздействие.

Изучению форм, характерных особенностей и своеобразию вхождения наследия Абая в духовный мир других народов, в данном случае русского, будет способствовать данное издание. Книга послужит укреплению человеческих взаимоотношений, взаимопониманию в чем первостепенна роль художественного перевода, призванного поддерживать нормальное кровообращение в организме мировой культуры.

Конечно, исследуя переводы произведений Абая на русский язык, мы видим, что многие из них не являются точной копией оригинала, это, говоря словами Гете, “нечто третье”, что возникает в результате “сближения чужого со своим, национальным, знакомого с незнакомым”. Художественный перевод полноправно входит в родную для переводчика литературу, обогащает ее идейно-тематически и жанрово-стилистически, становится одним из элементов национального литературного контекста.

Переводное произведение всегда становится рядом с оригинальной литературой, на язык который переводится. Переводчики обычно учитывают этот родной им, литературный национальный контекст, куда входят литературные традиции, сегодняшние достижения художественного слова — все то, что можно назвать культурной сокровищницей нации, которая и предопределяет необходимость перевода.

Чрезвычайно велико значение художественного перевода для развития национального литературного языка, его разнообразных стилей. Ибо перевод, как подчеркивали М.Ауэзов и М.Рыльский есть “не только способ обогащения духовного опыта читателей, но и способ обогащения языка, на который то или иное произведение переводится”.

Как это ни парадоксально, но на начальной стадии развития национальных литератур переводы в большей степени, чем оригинальные произведения, содействуют развитию литературных языков. оригинальные произведения основываются прежде всего на фольклоре, а следовательно, используют разговорно-бытовой языковой пласт. Потребности воспринимающей литературы предопределяют необходимость воссоздания произведений, написанных в ином идейно-тематическом, жанровом, а тем самым и языковым ключе. Остается одно: оттачивание родного языка на высших классических образцах. Само творчество Абая обогатилось благодаря его переводам, произведений восточной, русской, западноевропейской литературы.

Во всех предисловиях к сборникам Абая на языках народов СНГ преобладал прежде классовый подход. Так, меньше всего уделяется в них внимания тому, что творчество Абая вобрало в себя и религию, и литературу, и науку Востока. А ведь все это, взаимосочетаясь, и способствовало высочайшему уровню его поэзии. В этих же предисловиях сквозит также стремление авторов отделить творчество Абая, противопоставить его Шортанбаю, Дулату, Бухар-жырау как носителям “феодалной идеологии”.

Однако творчество Абая выросло не на пустом месте. Его предшественники были выразителями своего времени. Но Абай был намного образованнее их, в круг его интересов входила мировая культура, философия, оттого он и поднялся на качественно новую ступень. Порой, зная лишь свою национальную литературу, мы не замечаем ее особенностей, которые ясно видны представителям другой культуры. Постигая “чужой” образный мир, поэт-переводчик делает его и “своим”, оставляет его “след” в своей творческой памяти. Евгений Винокуров, много переводивший казахских поэтов начиная с дореволюционных акынов, пишет: “В казахской поэзии мне близко эпическое и героическое начало, ее красочные и эмоциональные описания, ее динамика и материальность. И мне кажется, мое собственное творчество обогащалось благодаря долгому содружеству с казахской поэзией. Казахские поэты помогли мне увидеть мир выпукло, стереоскопически, вечно. Описание скачек, степей, полноводных рек, зверей — все, чем насыщена казахская литература, пришлось мне по душе”*.

---

* Вопросы литературы. 1972. № 12. С. 70.

Известный белорусский исследователь В.П.Рагойша путем многолетних исследований пришел к интереснейшему заключению: “Обогащая национальный литературный язык, художественный перевод становится “средством охраны самобытности национальных культур и языков”*

Современный немецкий исследователь К.Фослер приходит к такому же заключению. “Всякий перевод осуществляется, так сказать, по велению инстинкта самосохранения языкового коллектива. Перевод – оружие в руках нашего языка. Художественно совершенные переводы всякой национальной литературы следует рассматривать и оценивать как стратегические аванпосты, на которых дух языка данного народа противоборствует чужому, отвоевывая у последнего хитростью так много. насколько это возможно”**. Попытаемся, отталкиваясь от мнений этих исследователей перевода, по-новому взглянуть как на роль перевода в творчестве Абая, так и на переводы его произведений на другие языки.

Поскольку перевод служит одним из объективных показателей характера и интенсивности культурного взаимообмена, то существенно возрастает значение отбора произведений, а также требования к качеству художественного перевода.

Разбор переводов, их объективная оценка, подготовка к печати должны исходить как от переводящей стороны, так и от литераторов, являющихся соотечественниками классиков.

Сейчас, в преддверии 160-летия Абая Кунанбаева, необходимо проследить, на каком уровне осуществляются его переводы на другие языки. Из приведенных в сборнике стихов Абая мы видим, что чем глубже и пристальнее переводчик вникает в сущность Абая, тем выше его мастерство, тем точнее изображение. Авторы переводов произведений Абая демонстрируют разный творческий уровень, но тем не менее все они в меру своего таланта стремились воссоздать Абая. И необходимо отметить, что те из них, которые творчески давно были связаны с Казахстаном, бывали на родине Абая, знакомы с историей, нравами и бытом казахской степи, оказались на уровне поставленной задачи.

---

* Рагойша В. П. Проблемы перевода с близкородственных языков Минск, 1980 С 28

** Из книги Копанев П. И. Вопросы истории и теории художественного перевода. Минск, 1972. С. 78.

К примеру стиху “**Қалың елім қазағым**”, который не входит в данный сборник одному из главных в творчестве Абая, не повезло в переводе на русский язык, хотя переводил его знаток восточной поэзии С.Липкин, в первую очередь из-за сложности перевода первой строфы:

*Қалың елім, қазағым, қайран жұртым,
Ұстарасыз аузыңа түсті мұртың,
Жақсы менен жаманды айырмадың
Бірі қан, бірі май боп енді екі ұртың.*

В русском переводе С.Липкина оно звучит следующим образом:

*О казахи мои, мой бедный народ!
Жестким усом небритым прикрыл ты рот,
Зло — на левой щеке, на правой добро...
Где же правда? Твой разум не разберет.*

Как видим, у Абая не говорится о народе как о бедном. **Қалың елім** — это многочисленный, большой народ, **қайран жұртым** — это обращение показывает особую близость и признательность к нему. Казахи говорят — “**қайран шешем**”, “**қайран әкем**”. Поэт страдает от того, что у народа нет единства, благополучия, искренности, а не из-за его небритости, о чем и речи нет в подлиннике, в котором говорится всего лишь о том, что опустили усы на... рот. А такое обычно случается, и это психологически точно подмечено Абаем, когда человек жадно слушает сплетни. Вот эта жадность к слухам, пустым разговорам и страшит поэта, а не небритость.

Но ведь тогда, когда речь заходит о верности воссоздания оригинала в переводе через подстрочник, особенно в переводе поэтическом, мы всегда отмечаем те или иные упущения, отклонения, натяжки, искажения смысла, допущенные соавтором “подстрочникиста”, т.е. переводчиком в собственном смысле этого слова. Такой перевод на поверку чаще всего оказывается уже вторичной копией, созданной по “мотивам” подстрочника. Таким образом, отклонения от оригинала, в художественном переводе, наслаиваются одно на другое, до неузнаваемости искажая порой и смысл, и поэтику первоисточника.

По-видимому, исходя из нетрадиционного, нового подхода к творчеству Абая будут проводиться исследования, приуроченные к 160-летию со дня рождения классика казахской литературы. Мы давно свыклись с тем, что на нашей планете есть разные климатические условия, разный уровень развития стран, что у разных народов разное историческое прошлое, но что в среде одного народа разные люди по-разному воспринимают действительность, а порой и мораль этого общества, с этим мы считаться не хотим и этого не исследуем. А ведь не только из огромного таланта, божьей искры, образованности возник Абай, а из неприятия окружающей его среды. Наша задача в период подготовки к юбилею — шире пропагандировать новаторские исследования об Абае. Освободить пишущиеся работы от одностороннего и догматического подхода к его наследию. Ведь давно известно, что Абай стал канонизироваться и отливаться в “бронзу”, хотя ценнее всего в нем именно поэтические и человеческие черты, а не политические и идеологические. Во всех вступлениях к произведениям Абая в литературах СНГ большая их часть посвящена разбору его творчества, которое составили так называемые “разоблачительные” стихи. Главное, на что нам необходимо обратить внимание при исследовании, это на общечеловеческую сущность творчества нашего классика. Вопрос этот поднимается уже на страницах нашей печати, но необходимо, чтобы от постановки он перешел и в нашу практику и исследования. Абай неисчерпаем, следующее поколение по-новому увидит его, так как его творчество уже принадлежит времени.

На первый взгляд кажется, что произведения Абая о природе — это наиболее легкие для перевода стихи. Но ведь “Зима” у Абая это не просто зима, а зима в казахской степи, воспринятая и переданная художественными образами казаха, и казаха определенного рода, времени.

Понимание инационального текста, понимание его смысла — в основном аналитическая работа, которая ведется преимущественно научными методами. Углубление в содержание текста, анализ его, привлечение вспомогательных средств — это научно-аналитический процесс. Но здесь играет роль и непосредственное, интуитивное восприятие. Возникновение нового языкового образа есть процесс синтетический и в основном творческий. Процесс отбора словесного материала, выбора синонимов и грамматических конструкций, порядок слов внутри предложения является интуитивным, творческим процессом. Теперь,

исходя из анализа переводов Абая на другие языки, яснее видно, что же обязательно для переводчика.

Во-первых, переводчик должен уметь проанализировать текст оригинала, понять все его тонкости. Это первое и основное условие. Переводчик должен знать язык и его особенности (на сегодняшний день – это возможно. В случае незнания языка материал нужно понять с помощью различных вспомогательных средств). Необходим “многоэтажный” подстрочник: для отдельных прилагательных, существительных и глаголов, т.е. запись над и под словом по несколько синонимов. Необходимо слышать звучание языка. Использовать звуковые записи для понимания мелоса стиха. И главный, на наш взгляд, в условиях незнания языка залог успеха в том, что переводчик должен знать реалии, связанные с материалом и темой переводимого произведения.

Во-вторых, переводчик должен уметь создать новый литературно-художественный текст, полностью используя богатства родного языка.

Абай стремился передать свое постижение философии, истории, свой взгляд на пути развития мира; он пытался привести человечество к взаимопониманию и контакту, к осмыслению национальных различий как явления, не только не противоречащего этому взаимодействию, но, наоборот, обогащающего всех духовной силой и мудростью. Конечно, поэтика Абая своеобразна, и его как всякого большого художника можно судить, по выражению Пушкина, по законам, им самим созданным.

Все созданное Абаем художественно своеобразно и удивительно созвучно нашему времени, проблемы, решаемые в его творениях, остаются острыми и актуальными, и мы все еще можем искать ответы на них в сложном поэтическом мире Абая. Абай на литературном горизонте других народов – одна из главных опор духовности.

Само абаеведение встало за последнее десятилетие на качественно новый путь развития. Началом этому послужило издание “Неопубликованных материалов по абаеведению” Мухтара Омархановича Ауэзова*. Много нового о постижении и постоянном восхождении М.Ауэзова к Абаю, нами почерпнуто из книги Мекемтаса Мырзахметулы “Әуезов және Абай”**. В дан-

---

* Мухтар Ауэзов. Неопубликованные материалы по абаеведению. Составители Л.М.Ауэзова. М.Мырзахметов. “Наука” Алма-Ата. 1988.

** Мекемтас Мырзахметулы. Әуезов және Абай. Алматы “Қазақстан”. 1997.

ном труде ученый прослеживает как великий казахский мыслитель, основоположник абаеведения, писатель-академик Мухтар Ауэзов скрупулезно находил, дополнял, научно выверял абаевские стихи. Благодаря его поискам изданный в 1933 году сборник произведений Абая состоял уже из 7113 строк (а в 1909 году их количество было 5899). Этот сборник был подготовлен М.Ауэзовым уже в 1924 году и в том же году была написана им первая научная биография Абая. С этого года всю свою творческую жизнь Мухтар Омарханович посвятил постижению бессмертных творений Абая в поэзии, в музыке, в общественной мысли, которые через его труды и эпопею “Путь Абая” поразили весь мир. “Горным кедром высылся он в истории своего народа”, – считал Мухтар Омарханович и сделал все возможное, чтобы величие и красоту этого кедра осознали другие народы. Он активно привлекал к переводам Абая много талантливых русских поэтов, кропотливо работал с ними, создавал подстрочки.

Сейчас уровень осознания Абая в мире стал настолько высок, что через Абая и Ауэзова пролегал путь ко всей казахской культуре. Это отразилось в книгах “Слово об Абае”*, “Мир Абая”** . Книжки эти показывают, что в мире есть стойкий читательский интерес к казахской классике. Конечно уровень и направленность этих интересов различна, у нас уже немало фактического материала о судьбе казахской литературы за рубежом и об отношении писателей XX века к казахской литературе и культуре XIX и прошлого века.

В поэтический космос Абая устремились поколения переводчиков и поэтов: Вс. Рождественский, В.Звягинцева, Д.Бродский, Лев Озеров и мн. др.

До сегодняшнего времени, большинство переводчиков Поэта не могли переступить два момента: казахские в досточной мере не владели образными нюансами русской речи, а русские переводчики, в свою очередь, были привязаны к расхожим клише и подстрочнику.

Второе – глубокая религиозная философичность Абая. Он не был фанатичным последователем ислама, но все его мировоззрение было пронизано духовной философией суфизма. Это,

---

* Слово об Абае. Алматы “Онер” 1994. Сост. С.Корабаев.

** Мир Абая. Сост. и редакторы. Маданова М, Машанова А. – Алматы 2004. “Международный клуб Абая”.

на наш взгляд, один из существенных моментов его пророческого мироощущения.

Абай открыл в родном языке такую художественную глубину, явил миру такие изобразительно-смысловые богатства и возможности казахского языка, что здесь уместна аналогия с Пушкиным и Лермонтовым — после этих Поэтов их языки стали другими. Абай оплодотворил казахский язык, явив искусству новые жанры и формы поэтического слова. Он возвел Слово к его божественному значению.

И эта безмерность, пронизывая всю поэзию Абая, бесконечно углубляет каждое его произведение, не только создавая впечатление бесконечности поэтического слова, а на самом деле являясь у него таковым.

Как сохранить мысль и не потерять форму стиха? Как сохранить поэзию и не растерять мысли облеченные в поэтическую форму? Ведь поэзия Абая совершенна — его стихи рожают мысль, а мысли сотворяют изумительную художественную форму. Вот главная задача переводчика, ибо у Абая нет пустого слова и рифма его стихов смыслообразующа. Его рифма — это ритм, с помощью которого происходит почти мистическая организация слов, сакральное проникновение и раскрытие тайного смысла Слова и Слова раскрывающего глубинные значения, проникающего в тайну бытия. Слова пророческого.

Появление новых переводов Абая всегда привлекает к себе внимание литературной, культурной общественности*. Вспомним, с каким интересом были восприняты переводы С. Санбаева “Қара сөз”. Учитывая все накопленное в переводческом освоении Абая русскими поэтами с 1936 года (первые переводы Всеволода Рождественского) известный поэт, писатель, переводчик Марат Адибаев собрал в единую книгу переводы таких маститых русских поэтов как Вс. Рождественский, М.Луконин, М.Дудин, А.Штейнберг, М.Касаткин, включив и свои переводы.

И вот, впервые, в одном сборнике идут двадцать оригинальных произведений Абая. затем их перевод (в том числе лучшие подстрочные переводы казахских литераторов) представленные разными поэтами за семьдесят лет.

---

* Бельгер Г. Обыкновенные заботы? (Заметки о переводах худож. Прозы на рус. Яз., в т. ч. о “Словах назидания” Абая в пер. С. Санбаева) // Бельгер Г. Мотивы трех струн. — Алма-Ата, 1981. —С. 140-202; Бельгер Г. Брат среди братьев. — Алма-Ата, 1981. —С. 121-180.

Вся переводческая практика поэзии доказывает, что искусство слова неразрывно связано со стихией родного языка, и оторвать литературное произведение от взрастившей его языковой среды, просто “пересадить” на другую почву невозможно; оно должно возродиться на другом языке заново, силою таланта переводчика. Просто формалистические переводы Абая – дело прошлого. Огромная эрудиция и трудолюбие переводчика не подменяют его таланта.

В переведенных Маратом Адибаевым 20 стихах Абая, звучит живой голос великого поэта. В них нет неестественной интонации, скованности в расстановке слов, нелепостей в угоду рифме, нет той переводной поэзии, по которой можно только догадываться, как, очевидно, хорош Абай в подлиннике. Красота

Бельгер Г. Кто допишет за Абая: (Анализируя состояние худож. Пер. и взаимосвязи в лит. процессе Казахстана. авт. Подвергает резкой критике пер. В. Киготь произведений Абая (Простор. –1986. -№9) // Лит. газета. –1988. –18 мая. –С. 5.

Жантикина А.М. О переводе ФЕ произведений Абая Кунанбаева на русский и английский языки // Пути оптимизации преподавания иностранных языков: Тезис докл. 1X респ. Науч. Конф. Предположений иностр. Яз., посвящ. 40-летию АПИИЯ. –Алма-Ата, 1989. –С. 61.

Жовтис А. Стихи нужны.: (О стихах как своеобразной системе худож. речи). –Алма-Ата: Жазушы. 1968. –272 с. –В содерж.: Гл. “Пульс перевода”, в которой авт., раскрывая пробл. Стихотвор. пер., обращается к переводам стихов Абая –С. 64-67.

Курдаков Е. Вперед, к Абаю: (Плохой пер. дискредитирует творчество классика каз. Лит.) // Ленинская смена. –1991. –21 авг.

Куспанов С. Из истории переводов Абая на русский язык и их критики // Вопросы казахского языка и литературы. –Вып. 4. –Алма-Ата, 1966. –С. 236-249. –Библиогр. в подстроч. Примеч.

Куспанов С. Душа подлинника и перевод: (О пер. С.Липкина произведений Абая) // Простор. –1965. -№7. –С. 77-80.

Куспанов С. Полноценность языка перевода (На пример рус. пер. произведений Абая) // Изв. АН КазССР. Сер. Обществ. Наук. –1996. № 4. –С. 73-80.

Мацкевич О. Первый переводчик Абая: (Очерк из кн. “Автограф на память”, посвящ. – Переводчику В.А.Рождественскому) // Иртыш. –1979. –24

Сагандыкова Н.Ж. Казахская поэзия в русском переводе: (Опыт крит. исследования) // Отв. Ред. И.Х.Габдилов. –Алма-Ата: Наука, 1983. –128 с.

Садьков Х. Абай ли это?: (О пер. на русс. яз. поэзии Абая Кунанбаева) // Простор. –1981. -№ 8. –С. 202-206.

Санбаев С. Чинар, выросший на скалах: К 125-летию со дня рождения Абая Кунанбаева (О работе над пер. “Смерть Абая” (Книжное обозрение. –1990. -№ 33. –17 авг.) // Иртыш. –1990. –13 окт.

Турлыбаев Е. О новых переводах Абая: (Письмо в ред. по поводу переводов произведений Абая Е.Курдаковым) // Простор. –1983. -№ 11. –С. 200-201.

Фаткуллин Ф. На языке собрата: (О пер. стихотворений Абая Кунанбаева) // Южный Казахстан. –1971. –27 мая.

этих стихов обращена к своему читателю, открыта для его восприятия; яркий и неповторимый поэтический мир Абая открылся через новые переводы и стал еще одним достоянием русской литературы.

Я не ставила себе целью детальный разбор переводов, профессия переводчика имеет сегодня не только огромное значение, но и огромное будущее. Если в прежние времена была практика делать переводы на заказ, почти всегда в спешке, то последние переводы “перевели” Абая через языковую границу, не растеряв заключенной в нем поэзии и разрешили три основных вопроса: перевод должен передавать идеи и образы оригинала; должен читаться как оригинал; должен читаться, как текст со-временный оригиналу.

В книге выявляется высокая культура издания, поскольку сначала идет подлинник, подстрочный перевод, а затем в хронологическом порядке все известные переводы его на русский язык и в конце переводы составителя. Авторы приведенных переводов демонстрируют разный творческий уровень, но тем не менее все они в меру своего таланта стремились воссоздать Абая на русском языке. Это издание послужит материалом для литературоведов, для более глубокого научного обоснования проблемы переводов Абая, проблемы верного и одновременно творческого перевода.

Особо хочется отметить нелегкий для перевода и осмысления стих Абая “Куатты оттай бүркырап” и особенно заключительные его строки (стр. 190):

Холодный ум –
Словами равнодушие сеет,
Лишь сердца зов
Взволнует в жилах кровь.
Слова без сердца, что пустое эхо –
Как будто имя есть, но нет там человека.

Передать какую-либо мысль тем же числом слогов трудно даже в прозе, что же говорить о поэзии, где концы строк должны еще и рифмоваться между собой?

Приведенный пример характерен для уровня переводов Марата. С одной стороны ему присуща суверенность при выборе средств выражения, с другой – уважение к оригиналу, желание без ущерба передать все богатство содержания и формы.

Очень ценны включенные в книгу, глубокие размышления Герольда Бельгера “Властитель – Слово”, о проблемах перевода поэзии Абая. Они свидетельствуют о высокой степени воздействия казахского классика на творчество Герольда Карловича Бельгера.

Известно, что Абай в поисках истины обращался к философам и мыслителям древнего Востока, Западной Европы и России, пытаясь в их философских взглядах найти разгадку духовной сущности человека, его призвания, тайн бытия, жизни и смерти. Об этом исследование-комментарий академика НАН Республики Казахстан Гарифолты Есима “Хаким Абай”, раскрывающее своеобразие интеллектуально-нравственного, философско-поэтического мира Абая.

Раушан Кайшибаева

قاف قنى ابراهيم قوناند اى
اوعى نىك اولانكى

باسرى كىسكطاي حراون موسى اولانلارى

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

*Первое посмертное издание произведения Ибрагима (Абая) Кунанбаева,
подготовленное Алиханом Букеехановым,
сыном поэта Турагулюм и двоюродным братом Абая Какитаем.*

1884

Қақтаған ақ күмістей кең маңдайлы,
Аласы аз қара көзі нұр жайнайды
Жіңішке қара қасы сызып қойған,
Бір жаңа ұқсатамын туған айды
Маңдайдан тура түскен қырлы мұрын,
Ақша жүз, алқызыл бет тiл байлайды
Аузын ашса, көрінер кірсіз тісі,
Сықылды қолмен тізген, іш қайнайды
Сөйлесе, сөзі әдепті әм мағыналы,
Күлкісі бейне бұл-бұл құс сайрайды
Жұп-жұмыр, ақ торғындай мойыны бар,
Үлбіреген тамағын күн шалмайды
Тақтайдай жауырыны бар, иығы тiк,
Екі алма кеудесінде қисаймайды
Сорақы ұзын да емес, қысқа да емес,
Нәзік бел тал шыбықтай бұраңдайды
Етіндей жас баланың білегі бар,
Әжімсіз ақ саусағы іске ыңғайлы
Қолаң қара шашы бар жібек талды
Торғындай толқын ұрып көз таңдайды

Қандай қызда ләззат бар жан татпаған
Сұлуы бұл заманның тек жатпаған
Он сегіз, он тоғызға келгеннен соң,
Алмасы өкпе болар қол батпаған
Бұлардың кей бірінің мінездері —
Еш нәрсе көрмегенсіп бұртақтаған.
Кейбірі жайдары, ашық боламын деп,
Орынсыз адамдармен жыртақтаған
Әуелде сұлу жайы бізге мәлім,
Жігітті жұрт мақтаған қыз жақтаған
Кей жігіт мақтан үшін қылық қылмай,
Бойына майдалықпен сыр сақтаған
Кей жігіт арсыздықпен ұятсынбай,
Қолы жетпес нәрсеге тыртақтаған

Орынды іске жүріп, ой таппаған,
Не болмаса жұмыс қып, мал бақпаған.
Қасиетті болмайды ондай жігіт
Әниегін құр бекерге бұлғақтаған

Лоб словно серебро, расплавленное над огнем,
 Светом блещут сияют глаза, в которых нет
 ненависти /нежный взгляд/.

Тонкие брови словно начертаны,
 Напоминают мне молодую луну.

Тонкий, урочный нос начинается от бровей,
 Лик как /восходящая/ заря, языком
 невозможно описать.

Ротик открыт, зубы белые без изъяна,
 словно нализанные вкрутку, нутро спаят.
 Заговорит — речь благозвучна, нет пустого,
 Смах, словно песня, трель соловья.

Щеки щеки — бархатистую, округлую —
 не задетую, не спаленную лучами солнца.

Лопатки — прямые как дощечки —

Основа благородной осанки,

Грудь не обвислая, а как два яблока.

Талия ни длинная, ни короткая,

А гибкая, как молодое деревце.

Кисть как у младенца,

Белые, гладкие пальчики без морщин —
 предназначены для шитья.

Черные, густые волосы — шелковые нити,

Струятся, волнуются — радуга глаз.

У нынешних красавиц сон пропадет,
Если она никого не прельстила.
Яблоки грудей обмякнут (как легкие) *,
Если в восемнадцать-девятнадцать лет их
никто не попробовал.

Их характер и нрав – делать вид –
Как-будто ничего не видели и не знают.
Хотят казаться открытыми, чистыми,
Ни к шесту не велятся и флиртуют со всеми подряд.
То, что на уме у красавицы мы давно знаем,
Парней, которые на устах у народа,
Они не оставят без внимания.
Есть парни, чья суть /поступки/ добро,
Все что они делают, не для бабальства.
А есть некоторые, без совести и чести,
Мезуют, хватают то, что им не позволено.

Не совершают значимые дела, не делают вывод,
Не работают, не пасут скот они.
Нет в них нравственности,
Развезано болтаются впустую без дела.

Подстрочный перевод и примечание
К. Досбран

---

* У Абая выражение “өкпе болар” имеет двойное значение
а) яблоки- груди, если их трогают, превращаются в вялые легкие (внутренний орган животного), на которых сразу видны следы прикосновений,
б) яблоки-груди обидятся, увянут, если их не приласкают

* * *

Словно месяц, изогнутый в небе ночном,
Отливает сверкающий лоб серебром
Свет струится из черных, как полночь, очей,
Брови вскинули иссиня-черный излом.

Нос точеный у ней легок, узок и прям.
Розов отсвет ланит – удивленье очам,
Сердце, видя улыбку, пьянеет, когда
Блещут зубы, подобны во всем жемчугам.

Речь нежна и умна – тонкий лепет ручья,
Смех заливчато длится, как трель соловья,
Шея – шелк белоснежный – гибка и тонка,
Чист и свеж подбородок, прохладу тая.

Средний рост у нее, но величествен вид,
Тонок выгиб спины, взор открыто глядит,
Камышинкою легкой сгибается стан,
И два яблока зреют у ней на груди

По-ребячески нежен ее локоток,
Пальцы гладки, проворны, блестит ноготок,
И, погулясь, смущенно туманится взгляд,
Если косы рассыплют свой черный поток.

Наши девушки нежной цветут красотой,
Но ненадолго дан им душевный покой –
На прекрасной заре восемнадцати лет
Жизнь направит пути их суровой рукой.

Затаили лукавство, притворство одни,
Будто вовсе о страсти не знают они,
И уж слишком отважны другие, плетя
Сеть кокетства, ужимок, пустой болтовни.

Мы же хитрости девичьи знаем давно:
Тот им мил, кто всегда уважаем людьми.

Так и юноши: эти, про стыд позабыв,
К недоступному своей устремляют порыв,

Те – скромны и тщеславия вовсе чужды,
Терпеливы, и каждый из них молчалив.

Но ценнее всех тот, кто в упорстве своем
Не растратил себя на тщеславье пустом,
Кто свой дух воспитал на полезном труде
И давно научился ходить за скотом.

Перевод Вс. Рождественского

* * *

Подобен серебру чеканному широкий лоб резной,
Глаз черных крупные зрачки кидают зной.
А брови так тонки, как будто кто нарисовал,
Напоминают новый месяц в вышине сквозной.
Точеный носик продолжает лба умного овал.
Волнует щек живым румянцем, шеи белизной,
Рот приоткрыт – блещут зубы, как белоснежный вал,
Как будто жемчуг, связанный ниткою одной.
Смех – соловьиный перешелк в чаше теневой.
Шея круглая бела, нежна, как шелк.
Ровны лопатки, как дощечки, плечики прямы.
Два яблока грудей не тронуты кривизной.
Как тело нежное мальчика, рук линии нежны,
Пальцы легкие в работе плещутся волной.
Густые волосы черны и шелковисты так,
Что льются, радуя сильнее, чем атлас иной.

Есть девушки, что сохраняют невинность? Извини!..
Ветрены красавицы в наши нынче дни.
Восемнадцать, девятнадцать едва минует лет –
Обмякнут яблоки грудей, как их не затыни.
А нравом таковы: укор считают за навет,
Прикинутся невинными: – “Стой, повремени!”
Иные же – веселье, ласка и привет,
Кокетничают сразу, к ним только заверни.

Иные же джигиты, утратив совесть, честь,
Рвутся к недоступному для себя, одни,
Нет времени на разум, на дело нету сил,
И для добра не трудятся бездумные они.

Перевод М. Луконина

Белый лоб – серебро, чей тонок чекан,
Он глазами лучистыми осиян.
Тонко вычерчен двух бровей полукруг.
Облик юной луны красавице дан.

Нос ее – словно выточен на лице.
Кто расскажет, как цвет ее щек румян!
Ожерельем жемчужных ее зубов
Я люблюсь, от жгучих желаний пьян.

Смех журчащий ее – как дробь соловья.
В мудрой речи ее не гостит обман.
Шелк завидовать может шее такой.
Кто в ее подбородке сыщет изъян?

Как тонки очертанья точеных плеч!
Туг и свеж этих юных грудей шафран.
Безупречен налив этих двух плодов,
И маняще упруг тростниковый стан.

Эти гладкие пальцы ловки в шитье,
Локоть – нежный младенец, что всеми ждан,
А смолистые косы – волнистый шелк,
Что для радости взора прилежно ткан.

Чей же цвет не увял от ранних страстей?
Вероломны красавицы наших дней,
И годам к восемнадцати желт и вял
И уже не желанен шафран грудей.

Лицемерны личины иных блудниц:
Добродетельней нет, мол, и нет святей.
Но немало таких, что всем напоказ,
Щеголяют распущенностью своей.

Знаем скромниц мы этих, забывших счет
Удальцам, что недолго ждут у дверей.
А иной – пусть бесстыжий. грубый хвостун, –
И таких принимают девы гостей.

Хоть таким не сойти за честных людей,
Хоть такие к безделью всего склонней,
Хоть иной разглагольствующий жигит
Не дороже хвастливых своих речей.

Перевод М. Тарловского

Высокий лоб — живое серебро,
 Лучами черных глаз озарено.
 Очерченный пером бровей разлет,
 Двум лунам молодым подобен их полет.
 Нос совершенной линией манит,
 Язык мой онемел от розовых ланит.
 Свеж ротик, зубы белые чисты,
 Как жемчуга нанизаны — душа горит.
 Заговорит и речь умна, тонка,
 Смех звонкий словно трели соловья.
 Округла шея — бархат, а не бязь,
 На кожу нежную и солнцу не упасть.
 Плечи и стан прямее чинара,
 Груды налиты как спелых два яблока.
 Ни коротка, не мерено длинная,
 Талия будто лозиночка гибкая.
 Нежная обликом, словно дитя,
 Белые пальцы ее для шитья.
 Черные волосы шелком искрятся,
 Очи чаруя, волною струятся.

Красавицей ли назовется та,
 Что в восемнадцать все еще цела?
 Грудей коль не коснется страсть,
 Увянут два обиженных плода.
 Нрав — будто и не знают ничего,
 Кокетничают, все пройдя давно.
 Ни к месту, неприлично веселятся,
 Открытыми хотят и чистыми казаться.
 Все хитрости девиц известны нам,
 Джигитов предпочтут, достойных похвалам.
 Хотя среди парней не счесть,
 Кого без дела раздувает спесь.
 Другие же без совести и чести,
 Хватаются за то, что не по чести.

Коль не трудился знания обрета,
 В работе тяжелой не найдет скота.
 Порядочным ли назовут джигита,
 Что жил впустую и болтался зря.

1886

Қартайдық, қайғы ойладық, ұйқы сергек,
Ашуың – ашыған у, ойың – кермек
Мұңдасарға кісі жоқ сөзді ұғарлық,
Кім көңілді көтеріп, болады ермек?

Жас қартаймақ, жоқ тұмақ, туган өлмек,
Тағдыр жоқ өткен өмір қайта келмек
Басқан із, көрген қызық артта қалмақ,
Бір құдаудан басқаның бәрі өзгермек

Ер ісі – ақыға ермек, бойды жеңбек,
Өнерсіздің қылығы өле көрмек
Шыға ойламаи, шығандап қылық қылмай,
Еріншек ездігінен көпке көнбек

Жамандар қыла алмаи жүр адал еңбек,
Ұрлық, қулық қылдым деп қағар көлбек
Арамдықтан жамандық көрмеи қалмас,
Мың күн сынбас, бір күні сынар шөгімек

Адамзат тірікті дәулет білмек,
Ақыл таппақ, мал таппақ, адал жүрмек
Екеуінің бірі жоқ, ауыл кезіп,
Не қорлық құр қылжаңмен күн өткізбек?

Наданға арам – ақылды құлаққа алмек,
Бұл сөзден ертегіні тез үйренбек
Рас сөздің кім білер қасиетін,
Ақылсыз шынға сенбеи, жоққа сенбек

Қызыл араи* ақ күміс, алтын бергек
Қызықты ертегіге көтерілмек
Ақсақалдың, әкенің, білімдінің,
Сөзінен сырдаң тартып, тез жиренбек

Ақылды қара қылды қырыққа бөгімек,
Әр нәрсеге өзіндеи баға бермек

Араи (парсыша) – آرای көркем әдемі

*Таразы да, қазы да өз бойында,
Наданның сүйенгені – көппен дүрмек.*

*Алашқа іші жау боп, сырты күлмек,
Жақынын тіріде аңдып, өлсе өкірмек.
Бір-екі жолы болған кісі көрсе,
Құдай сүйіп жаратқан осы демек.*

*Ел бұзылса, құрады шайтан өрмек,
Періште төменшіктеп, қайғы жемек.
Өзімнің иттігімнен болды демей,
Жеңді ғой деп шайтанға болар көмек.*

*Сырттансынбақ, қусынбақ, өршілденбек,
Сыбырменен топ жасап бөлек-бөлек.
Арамдықпен бар ма екен жаннан аспақ,
Өзімен өзі бір күн болмай ма әлек?*

*Қолдан келе бере ме жұрт меңгермек,
Адалдық, арамдықты кім теңгермек?
Мақтан үшін қайратсыз болыс болмақ,
Иттей қор боп, өзіне сөз келтірмек.*

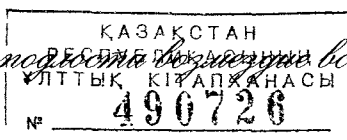
Постарели, печали душой, сон чуток,
 Тнев — прокисший яд, мысли — жемч /зловонны/.
 Поделиться дружеского нет человека, способного понять,
 кто же будет наперсником /забавой/, способным
 душу видеть?

Молодые состарятся, нет второго рожденья,
 родившийся — ухнет
 Судьбы нет, прошедшая жизнь чтобы вернуться снова.
 Оставленный след, пережитые радости останутся
 позади,
 Кроме одного бога, все остальное изменится.

Дело мушкетера последует за раздулом, победив себя,
 Неумелого попытки обречены на гибель /забвение/.
 Не умея думать глубоко, делать настоящее,
 Молдырь от собственной вялости с иногим смирится.

Дурные /плохие/ живут /ходят/ не умея делать
 честный труд,
 Творят, что воровство, плутовство совершили,
 и хвастая.

Но от пошлости в жизни все равно увидят:

Тысячу дней не молившийся, человек /от машинки/
сломается в один день.

Человечество живое существование не считает
улке богатством.
Желает найти мудрость, скопить скот, жить честно.
Но не имея из двух одного, бродя /шатаясь/ по аду,
лишается уважения, желая в безопасности, пустом
веселе проводить дни.

Невежда подмыи своего мудрость вешает на уши,
а этот вкесто слов быстрее выучит /научится/ сказке.
Правдивого слова кто знает цену /достоинство!/?
Безозлмый скорей правде не поверит, поверив в то,
чего нет.

Красная заря /лучи/, белое серебро, золотая диадема
могут поднаться до высот интересной сказки.
От слов аксакала, отца, ученого /знающего/
утомляются, быстро они вызывают отвращение.

Умный может вдоль рассечь чернмый волос на сорок
частей, дать каждой вещи своего истинного цену.
И весы и судья в нем самом,
Невежда же опирается на слухи.

Народу враг внутри, наружность сияется,
Ближнего при жизни преследует, а по смерти его
— рыдает.
Если увидит человека, которому раза два повезло,
то готов сказать, что его с любовью создал бог.

Если разрознён народ, то шайтан найдёт узору
/доросёвку/,
Ангел отступитесь упрямый, будет в печали
/чрезуть тоску/.
Не говоря, что все случилось из-за собственной
подлости /собачьего нрава/
Сказав, победили, станет помощником /помогать/
шайтану.
/находить виноватого где-то, только не в себе/.

Могущества, хвастая, плутова, чванясь,
шепотком сколачивая группы, отдельные, разобщённые
есть ли такой, что сморсет превзойти все подлости,
коварства, возвысая душой,
Не будет ли занят однажды ведь сам с собой?

Разве каждому по плечу руководить народом?
Кто управляет честность и человечность?
/кто это делает?/
Из-за лести неправедным будет бымыс /властной/.

*!не стойким, не принципиальным!
Лишь бы его самого не задели словом,
В собачьих терзаниях, не допустит,
чтобы его имя было задето.*

*Подстрочный перевод
Бахитжана Мамчи-улы*

* * *

Вот и старость. Скорбны думы, чуток сон,
Ядом гнева дух угрюмый распален.
Мыслью не с кем поделиться! Кто поймет,
Кто ободрит, услышав твой тяжкий стон?

Всем рождение и кончина суждены,
Дней минувших не вернуть из тишины,
Радость где-то остается позади,
Все проходит, все деянья непрочны.

Будь благоразумен, укрепляй свой дух в борьбе,
Лишь бездарный покоряется судьбе,
Лишь ленивец потрафляет большинству,
Скуден мыслью, неуверен сам в себе.

Людам низким не по нраву честный труд,
Самохвальством, плутовством они живут,
Но за подлость, расплатиться срок придет:
Разбивается не в год, а в миг сосуд.

Должно жизнь свою сокровищем считать,
Разум острый и добро приобретать.
Не позор ли по аулам день-деньской
Время в шутках да кривлянье коротать?

Чужд невежде разум ясный, он скорей
Верит бредням, мыслью брезгует моей;
Разве каждый может правду оценить,
Небылице верит глупый — только ей.

Бредит дурень о багрянце заревом,
Об одеждах, шитых чудо-серебром,
С отвращеньем он относится к словам
Аксакала, что осведомлен во всем.

Мудрый зорко проникает в глубь вещей,
Расщепляет волос на сорок частей,
Он и судит, он и взвешивает грех,
А невежда вторит толкам площадей.

Враг народа шлет ему любви слова,
Ближних сгубит и оплачет, а едва
Свет удачи озарит кого-нибудь,
Восклицает: “Вот любимец божества!”

Тяжким бедам всенародным рад шайтан,
Ангел изгнан, ангел скорбью обуян,
Твердо знаю — не покается подлец,
Перейдет он к сатане в победный стан.

Властелина нагло корчит плут любой,
Рать вербует втихомолку, с хитрецей,
Но не будет подлый первым среди людей,
Он себя же гонит к яме роковой.

Ведь не всякий путь указывать рожден.
Тот, кто честен и правдив, блюдет закон.
Волостным все норовит безмозглый стать, —
Будет всеми, как собака, проклят он.

Перевод Д. Бродского

Старость, тяжкие думы, стал чуток твой сон,
Яд и горечь — твой гнев, желчью ум поражен.
С кем печаль разделить, кто бы слово ценил?
А найдется такой, не утешит и он.

Юность старится, тот, кто рождается, - умрет.
Нет судьбы, чтоб закат превращался в восход.
Твоя радость в былом, как следы за спиной.
Кроме Бога, изменчиво все, что живет

Честь мужчины — свое побеждать естество,
Бьется бездарь вслепую — вот участь его.
Мысль ленивца пуста, легковесны дела,
И его подчиняет себе большинство.

Честный труд не влечет низкородных людей,
Вот и хвастается хитростью ловкой своей.
Но за подлость настигнет их кара небес.
Бьют сосуд в один миг, а не в тысячу дней.

Для того, кому жизнь — достояние, тот
Ищет в мире добра и разумно живет.
Кто ни добр, ни умен, тот гуляет и пьет.
Что за низость — гулять день и ночь напролет!

Принимает невежда недобрый совет.
А что верит он в сказки, давно не секрет.
Кто оценит достоинство искренних слов?
Глупый верит не в правду, а в то, чего нет.

Алый жар, златом-серебром шитый платок,
Этот сказ и сегодня его не увлек.
К слову старца, ученого или отца
Он брезглив; эти речи ему невдомек.

Умный может рассечь вдоль на сорок частей
Тонкий волос, и трезв он в оценке своей.
В нем самом весы правосудья и суд.
Шум толпы для невежд — всех истин верней.

Людам недруг в душе, он улыбчив лицом
Свою жертву способен оплакать потом.
Двух удачливых встретит и верит, что Бог
На земле их отметил всевышним перстом.

Когда в людях раздор, черт узоры творит,
Принижаются ангелы, небо скорбит.
Чертов служка себя победителем мнит,
Там крадет, там ловчит, там хитрит, там дерзит.

Чтит себя ловкачом, хоть он просто наглец,
Шепотком он сеет вражду меж сердец.
Разве подлостью можно возвысить себя?
Как возьмется он душу спасать наконец?

Всяк ли может народ за собой повести?
Человечность и искренность вместе свести?
Ради славы ничтожество бьется за власть,
Но хулы и позора ему не снести.

Перевод Ю. Кузнецова

Где старость, там скорбь, там тревожнее сон,
Досада — отравой, вкус мыслей — солен.
Людей не найти разумеющих слово,
И нечем взбодриться, когда утомлен.

Состарится юность, умрет, кто рожден.
Прошедшая жизнь не вернется в загон.
На свете меняется все, кроме Бога
И каждый твой шаг забвению обречен.

Не надо, чтоб ленью ты был побежден,
Умом недалекие видят вдогон.
Ни мыслей полета, не дерзких поступков,
Ленивый всецело толпой поглощен.

Трудом недостойный всегда обделен,
Проделками грязными явно смущен.
Сосуд из стекла разобьется однажды,
Так подлость его подведет под закон.

Жизнь есть достоянье для тех, кто умен,
Кто скот умножает, кто честью взращен.
В тебе не найти ни того, ни другого,
Бродя по аулам, ты в смех свой влюблен.

К урокам прохвоста твой слух обращен,
Тебе напоят только вымыслы он.
Откуда понять тебе истины цену,
Рад верить тому, чему не научен.

Платок золотой и серебряный звон
До прелести чуда тобой вознесен.
От слов аксакала, отца, грамотея,
Давно отвратясь, ты готов бежать вон.

Разумный со всех поразмыслит сторон.
Им будет, как должно, любой оценен.
В себе он находит и суд свой, и меру,
Невежда же мнением толпы лишь силен.

Он злобу таит, но на вид — умилен.
Сжив со свету брата рыдает как он!
Людьми, что удачей отмечены как-то,
Как Бога любимцами он восхищен.

Раздором народа шайтан вознесен,
А ангел, повергнутый, терпит урон.
Невежда признаться в вине не умеет,
Поддержит шайтана вознесшийся трон.

Как важен, таинственен, как разъярен!
Вражду разжигая, собой упоен.
Но можно ли в жизни возвыситься злобой?
Когда же себя разглядит, поражен?

Освоить легко ли правления тон?
И, честный с бесчестным когда уравнен?
Пусть он волостным из тщеславия станет,
В бездарности будет, как пес, уличен.

Перевод А. Кодара

Сон чуток, думы старость гложет,
И мысли — смрачны, гнев — прокисший яд.
Нет близкого, наперсника где взять,
Кто исповедь способен воспринять?

Всех старость ждет, второго нет прихода,
Судьба не возвратит прошедшие года.
Исчезнет все, лишь Бог пребудет,
К следам побед уж не вернуться никогда.

Себя преодолев — за разумом мужи пойдут,
Кто слаб, те навсегда уйдут.
Что сотворишь без мысли вдохновенной,
Ничемный смирится с тем, что дадут.

Иной живет неправедным трудом,
Гордясь и кичась наворованным добром.
Возмездия никто не избежал,
Столетний дуб в мгновенье стал бревном.

То, что ты есть, что может лучше быть,
Как мудрость, честь и деньги совместить?
Но, одного хотя бы не имея, пустые,
Потеряют уваженье, в весели хотят прожить.

Невежде — голову лукавый закружит,
Другой, к нелепицам от мудрости бежит.
Кто правде слова цену знает?
Глупец не истине — вранью внемлит.

Лучи зари и слитки серебра, и золотом отделанные тоги
Украшают могут сказочные слоги.
Тогда как слово мудреца, и аксакала, и отца,
Вдруг отвращают от ума и утомляют на пороге.

Мудрец вдоль черный волос рассечет,
Третьейский суд, его души оплот.
Даст каждой вещи истинную цену,
Невежд дорога — слухи и подмёт.

Народ, твою улыбку зависть жрет,
Готов ты ближнего загнать в могилу,
А если брату в чем-то повезет,
И Бога мой народ сведет.

В народ разрозненный шайтан найдет тропу,
И ангелу придется грызть тоску.
Собачий нрав виной всему – не скажешь,
А бесу в руку – свалишь на толпу.

Ты чванишься, хвастун спесивый,
Твой шепот собирает люд плутливый.
Возвысится ли кто над подлостью душою,
Не превратятся ли дела его в пустое?

Коль сможешь власть ты в руки взять,
Сумеешь ль правдой ложью управлять?
От каждой твари слышать, что ничтожный,
Но волостным стремится всякий стать.

Перевод М. Адибаева

*Қартайдық, қайрат қайтты, ұлғайды арман,
Шошимын кейінгі жас балалардан.
Терін сатпай, телміріп, көзін сатып,
Теп-тегіс жұрттың бәрі болды аларман.*

*Бай алады кезінде көп берем деп,
Жетпей тұрған жеріңде тек берем деп.
Би мен болыс алады күшін сатып,
Мен қазақтан кегіңді әпперем деп.*

*Жарлы алады қызметпен өткерем деп,
Елубасы шар салып *, леп берем деп.
Жалаңқая жат мінез жау алады,
Бермей жүрсең, мен сені жек көрем деп.*

*Дос алады бермесең бұлт берем деп,
Жауыңа қосылуга сырт берем деп,
Бұзылған соң мен оңай табылмаспын,
Не қылып оңайлықпен ырық берем деп.*

*Сұм-сұрқия – сұмдықпен еп берем деп,
Сүйер жансып, сүйкімді бет берем деп.
Жүз қараға екі жүз аларман бар,
Бас қатар бас-аяғын тексерем деп.*

*Ел жиып, мал сойыңыз ет берем деп,
Ет берсем, сен мендік бол деп берем деп.
Қара қарға сықылды шуласар жұрт,
Кім көп берсе, мен соған серт берем деп.*

*Бұзыларда ойламас бет көрем деп,
Ант ішуді кім ойлар дерт көрем деп.
Қабаған итше өшігіп шыға келер,
Мен қапсам, бір жеріңді бөксерем деп.*

---

* Елу үйдің атынан сайланған елубасылар кішкене тасты (шарды) екі ұялы жәшікке салу арқылы болысты сайлауға дауыстарын беретін болған Оны жұрт сол кезде “шар салу” деп атаған

*Орыс айтты өзіңе ерік берем деп,
Кімді сүйіп сайласаң, бек көрем деп.
Бұзылмаса, оған ел түзелген жоқ,
Ұлық жүр бұл ісіңді кек көрем деп.*

*Жұрт жүр гой арамдықты еп көрем деп,
Тоқтау айтқан кісіні шет көрем деп.
Бар ма екен жай жүрген жан қанағатпен,
Құдайдың өз бергенін жеп көрем деп?*

*Атаны бала аңдиды, ағаны – іні,
Ит қорлық немене екен сүйткен күні?
Арын сатқан мал үшін антұрғанның
Айтқан сөзі құрысын, шыққан үні.*

*Алыс-жақын қазақтың бәрі қаңғып,
Аямай бірін-бірі жүр гой аңдып.
Мал мен бақтың кеселі ұя бұзар,
Паруардигәр жаратқан несін жан қып!*

*Ант ішіп күнде берген жаны құрсын,
Арын сатып тіленген малы құрсын.
Қысқа күнде қырық жерге қойма қойып,
Қу тілмен қулық сауған заңы құрсын.
Бір атқа жүз құбылған жүзі күйгір,
Өз үйінде шертиген паңы құрсын.*

Постарели, души и печали, выросли мечты,
 Пугалось нынешних молодых ребят.
 Не продавая пота, а продавая заискивающие глаза,
 цельного-единого народа все стали рвачами.

Бай берет, "в свое время больше отдай", говоря.
 "Когда не будет хватать, бесплатно дай", говоря.
 Ты /судья/ и байыс /властной/ берут, продавая силу свою,
 "Твоего обиду, твоего места я возьму с казахов", говоря.
 /Ты будешь удовлетворен местом/ за тебя отомщу.

Бедняк берет: работой отдай, говоря /страдательо/
 Глава пятидесяти выборов берет, говоря,
 что положит белый шар,
 создаст нужную атмосферу на выборах.

Ачные рвачи, чужеродные по духу враги берут,
 "если не дашь, то возненавижу тебя", говоря.

Друг берет, "если не дашь, дам тебе", говоря,
 К врагу перейду, к тебе спиной повернусь, говоря.
 Если разрушится все, то меня будет трудно
 найти /легко не найдешь говоря/.

Почему я легко должен давать тебе свое сердце
 /расположение/, говоря

"Ужасный = коварный берет", дам силу /совет/
ужасный, говоря.

"Понимает тебя, давая вид, что любит, покажу ему
красивое лицо /привлекательное/ лицемерия, говоря.

На сотню скота /крупного/ есть двести
хвостатей,
голова выскочит, если попытаешься все сосчитать
/с ног до головы/

Собирай народ, зарежь те скот, говоря.

Если дам скот, то будешь моим, говоря.

Словно черные вороны, замучит народ:

"Кто больше даст, тому и принесу присягу", говоря.

Во время розни /раздора/ не думают, как завтра
в лицо посмотрят.

Принесение клятвы: кто думает, что это болезнь?

Выскочат, словно кусачие псы, разъяренные на тебя:

"Если я укушу, то вырву кусок твоего мяса
/сделаю больно/ говоря.

Русский сказал: дам тебе твоего вола, говоря.

Кого бы ты не избрал любя, того и я буду видеть
бекам, говоря.

От этого народ если не испортился, то совсем
не исправился,

Чиновник /начальник/ ходит, говоря, что считает
это твоей местью.

Народ ходит, подлость считая за доблесть,
того, кто пытается остановить, "ненавидя",
говоря, /считая чужими, вне их интересов!/.
Есть ли в этом мире душа, которая довольна всем,
удовлетворяясь тем, что посылает в нишу Бог?

Отца сын преследует, за старшими братьями
младший следует.

Что за ужасные собачьи дни такие у них проходят?
/вся жизнь!/
У того, кто клятву преступил, продав стыд за скот,

пусть слово будет проклято, пропадает голоса звук!

Ближние и дальние казаки все разбрелись,
не жалея друг друга, ходят и выслеживают.

Разрушающей мездо /дом/, счастье и благополучие,
подверженными этой белезни зачем
Создателем сотворил душу?

Пусть будет проклята душа, дающая каждый день,
принося клятву!

Пусть будет проклят скот, собранный путем
унижения, продажи совести.

В короткие дни поставивший в серока-местах склады,
хитрым языком сосущий лукавством пусть будет
проклят закон.

Одной славой сотни раз переживающийся
/стекумизующий, лицом обсервный/
Пыжущийся в своем даме, чванливец, да будет
проклят /пропадет!/
Подстрочный перевод

Бахытжана Мамыш-улы

Там ловкостью часто похвастать стремятся, где подлость одна,
А скажешь об этом — мошенники злятся, и месть их страшна.
Бывает ли кто-нибудь в мире доволен своей судьбой,
Той долей, которая волей господней, ему суждена?

Брат брата стремится упрятать в могилу, а дети — отца.
И злой этой жизни, бесстыдной, собачьей не видно конца.
Будь прокляты те, кто доволен и занят одним лишь собой,
Кто ради наживы продать не стыдится живые сердца,

Кто нагло ворует и лжет со святым выраженьем лица,
Кто губит, и лжет, и людей разоряет во имя мощны!
О боже, зачем ты вселил в человека нутро подлеца?

Душа, что клянется и лжет ежедневно, да сгинет в огне!
Да сгинет бесследно, кто честь продает наяву и во сне,
Кто горы сулит нам, чтоб нас половчей облапошить вконец,

Продав молоко немолочной кобылы по сходной цене.
Не зол я, но было бы очень приятно и радостно мне
Воочью увидеть, что сгинул навеки чванливый гордец.

Перевод Л. Длигача

Вот и старость... Свершиться мечтам не дано!
Поколение новое вижу. Оно
Научилось ловчить, но не хочет трудиться,
И повсюду стяжательство только одно.

Бай залезет в карман, говоря: “Дорогой!
В черный день все тебе возвращу я с лихвой”.
Волостной и судья, поживясь, обещают:
“Если, мол, кто обидит, защитник я твой”.

Всякий нищий берет: “Я трудом отплачу”.
Избиратель: “Заплатишь — я шар опущу”.
“Берегись, коль не дашь!” - заявляет пройдоха.
Вымогать удастся такому рвачу.

Друг нашептывает: “Коль не дашь, я готов
Перекинуться в стан твоих лютых врагов.
Не могу же тебя я обслуживать даром!..
И рассоримся мы до скончанья веков”.

Убеждает пролаза: “Рублей не жалея,
Чтоб задабривать ловких, полезных людей”.
Есть охотников двести на сотню баранов...
Голова пошла кругом от мерзости всей!

Что же, мясо готовь и на пир приглашай
И того, кто стоит за тебя, угошай!
Все закаркают черною стаей вороньей:
“Кто щедрее, тому я слуга, — так и знай!”

Обещанья пустые — лжецам не в укор.
Забывать свою клятву — у нас не позор.
И рычит человек, словно злая собака:
“Искусая тебя!” — вот и весь разговор.

“Избирайте любого! — начальник твердит, —
Так, чтоб выборный не наносил вам обид”.
Но от этого лучше не стало народу,
И начальник, глядишь, недоволен, сердит.

Все уловкой прожить норовят плутовской.
Упрекнешь ловкачей – изведут клеветой.
Разве душу найдешь хоть одну, что довольна
Тем, что бог человеку дарует, – судьбой?

Сын отца предает, брата старшего брат.
Этой жизни собачьей кто может быть рад?
Те, кто совестью из-за наживы торгуют,
Будьте прокляты! Беды вас пусть поразят!

Все – родня и чужие – теперь на ножах.
Все друг друга преследуют, злоба в сердцах.
Гибнут гнезда людей, одержимых корыстью...
Ах, зачем ты их создал такими, аллах!

Сгинь, душа, коль источена ложью дотла!
Сгинь, добро, что бесчестья рука принесла!
Сорок раз тебе горы сулят золотые, –
Но добиться ль тебе молока от козла?
Сгинь, наглец, что, стократно меняя личины,
Ждет еще похвалы за такие дела!

*Перевод А. Гатова
(1 вариант)*

Жизнь уходит, и сбыться мечтам не дано,
Всюду — зависть, стяжательство вижу одно.
Молодое пугает меня поколение.
Развращенное, труд презирает оно.

Бай берет, говоря: “Не останусь в долгу,
Я с лихвой заплачу, я в беде помогу”.
Волостной или бий, поживясь, обещают:
“Твоему насолить мы сумеем врагу”.

Занимает бедняк: “Я трудом отплачу”.
Сотенный: “Слухи я по аулу пушу”.
Вымогает и тут же грозит, проходимец:
“Отойду — не разыщешь, след мой протынет.
Буду действовать против тебя. Я таков”.

И хитрец расточает иные слова:
“Расхвалю тебя, — знаешь, что значит молва?”
Он себе на уме — пожитьяся бараном...
Как подумаешь, кругом идет голова!

Что ж, барашка зарежь, угошай им полдня.
“Мяса дам, если голос отдашь за меня!”
Все придут и поднимут галдеж, как вороны:
“Кто даст больше, тому я и друг, и родня”.

Кто изменит, — встречаясь, не склонен краснеть.
Нарушителей клятвы привыкли терпеть.
Вот один из них лает, как злая собака:
“Я кусок оторву — будет сытная снесь”.

Осчастливит начальник округу свою:
“Выбирай кого хочешь, свободу даю”.
И от этого много пошло беспорядка.
А начальство грозит: “Растопчу! Истреблю!”

Тот, кто предал, останется с грязной душой.
Упрекнешь — огрызнется: “Я в ссоре с тобой”
Человека не вижу, который сказал бы:
“Я доволен своей справедливой судьбой”.

Сын отца предаёт, брата старшего – брат.
Я устал, я измучен и жизни не рад.
Если совесть и честь раболепствуют злату,
Пусть уста очерствеют, слова не звучат.

Заблудились казахи – и злость в их сердцах.
Строят козни друг другу, темно в их глазах.
Все корыстны, все ищут богатства и славы.
Ах, зачем ты их создал такими, аллах?

Так проклятье тому, кто клянётся и лжет,
Кто за золото душу и честь продает,
Кто, вертясь в один день в сорока околотках,
Добывает себе и доход, и почет,

Кто в домашнем кругу у себя благороден,
А потом за коня он тебя предаёт.

*Перевод А. Гатова
(2 вариант)*

Где старость, там скорбь, там мученья одни,
Боюсь я юнцов в эти страшные дни.
Кого не увижу, с глазами собак,
Давно все продажны и алчны они.

Берут богачи: “Возвращу, мол с лихвой!
Подкину в нужде тебе хлеб дармовой...”
А бий с волостным напирают на то,
Что могут помочь во вражде родовой.

Клянясь отработать, берут бедняки,
Берет надзиратель за легкость руки.
Наглец откровенный берет ни за что,
Страшая враждой, чьи тяжки тиски.

Берут и друзья за поддержку свою,
За то, что тебя не покинут в бою.
“А если покинем, - читаешь в глазах, -
Надолго ты нас не увидишь в строю!”

Прожженный прохвост за интриги берет,
За то, что тебя уберег от забот.
На сотню скота двести жаждущих ртов,
От дум голова твоя кругом пойдет.

Народ созывают и режут свой скот,
Чтоб был попокладистей с ними народ.
Сбегаются люди шумней воронья,
Склоняясь к тому, кто щедрее дает.

Пред тем, как предать, дела нет до стыда.
От клятвы былой нет в душе и следа.
Напомнишь, накинется злей всех собак,
Грозя, что куснет так, что будет беда.

Чиновник сказал: “Вот свобода, бери!
Ты чтимых тобою людей избери!”
Но нет улучшений, чтоб тешили взор,
В досаде орус, упрекает: “Смотри!..”

Стараются люди подлей стать, ловчей,
Чураясь разумных и трезвых речей.
Пожалуй, им всем с богом жить не дано,
Довольствуйся мерой отпущенных дней.

Следят брат за братом и сын – за отцом,
Зачем по-собачьи стыть в страхе таком.
Зачем свою честь за корысть продавать,
Чтоб быть до конца своих дней подлецом?!

Казахи из ближних и дальних округ
Враждуют друг с другом повсюду вокруг.
И все из-за тех, чья больная душа
Довольству и счастьем готовят путь мук.

Пусть прокляты будут за душ своих дрожь,
За скот, что собрали, продавшись за грош.
За то, что усеяв подвохами дни,
Избрали кумирами хитрость и ложь.
Будь проклят гордец, что заради коня,
Юлил и свербил, как последняя вошь.

Перевод А. Кодара

Уходят силы, старость, уж мечты иные,
Страшусь я молодежь — они совсем другие.
Глаза продажные от лести запотели,
Толпа все растащила в дела свои дурные.

“До сроку” — говоря, немерено богач берет,
“Все даром пораздам” — и глазом не моргнет.
Начальство и судья берет, торгуя властью,
“С казахов все сдерем” — не врет.

За взятое бедняк расплатится трудом,
Старшины рассчитаются на выборах шаром.
Хватают ненасытные, враги души, крича —
“Давай! Иначе ненависть моя сотрет тебя”.

И друг берет, не дашь — надует щеки:
— “К врагу уйду, и покажу всем когти!”
Коль рухнет все, найти вас будет трудно,
Легко ли сердце подстилать под ваши ноги.

Ни перед чем коварный, взяв, не постоит,
Двуликий, лицемера, любовью одарит.
На сотню животин лихих найдется двести,
Захочешь все узнать — ум вряд ли устоит* .

Округу собери, зарежьте скот, всех обнеся,
Коль скот раздам, ты мне отдашь себя.
Вороньей стаей зашумит мой черный люд:
“Кто больше даст, тому присягну я”.

Когда война, кто думает, как завтра быть,
Переругавшись, можно ль клятвы приносить?
И сворой псов озлобленно ко мне несутся,
Вгрызаясь, с мясом рвут — могу ли я так жить?

Тебе твою же волю дам — орыс сказал,
Тех беком буду чтить, которых ты избрал.

---

* Сойдешь с ума, если захочешь узнать правду (М А)

От воли лишней портится народ ленивый,
Чиновник косится, не слишком ль мало взял.

За доблесть подлости давно народ считает,
И ненавидит тех, кто это отвергает.
Есть в мире ли душа согласная с собою,
Чтоб принимала все, что Бог нам посылает.

Сын на отца, на старших младший брат косит,
Ну почему в постыдных сварах жизнь бежит?
Кто клятву преступил, продав и стыд, и скот,
Будь слово проклято у них, и голос пропадет!

И дальние и ближние казахи разбежались,
До смерти не жалея друг с другом передрались.
Зачем разрушившим гнездо и потерявшим счастье,
Им, завистью больным, ты душу дал, Создатель!

Будь проклят, кто сто раз приносит клятвы,
За совесть купленную, пусть пропадет богатство.
В дни бед, склады поставивший для жатвы
Закон — пусть сгинет, языком лукавым обобравший.
Чем кичишься, одной победой сотни раз бахвалясь,
Душой заклятою лишь подаяний домогаясь.

Перевод М. Адипбаева

* * *

*Қыран бүркіт не алмайды, салса баптап,
Жұрт жүр ғой күйкентай мен қарға сақтап.
Қыран шықса қияға, жібереді
Олар да екі құсын екі жақтап.
Қарқылдап қарға қалмас арт жағынан,
Күйкентайы үстінде шықылықтап.
Өзі алмайды, қыранға алдырмайды,
Күні бойы шабады бос салақтап.
Тиіп-шығып, ыза қып, ұстатпаса,
Қуанар иелері сонда ыржақтап.
Не таптық мұныменен деген жан жоқ,
Түні бойы күпілдер құсын мақтап.
Басқа сая, жанға олжа дәнеме жоқ,
Қайран ел осынымен жүр далақтап.*

Чего только не возьмет орел, если его обучить
/и вальса и мосу/?
Существует народ, храня ястребов и ворон.
Если орел /беркут/ вознесется ввысь /над утесом/,
отпустят /выпустят/
и они своих двух птиц с двух сторон.
Каркая, не отстанет сзади ворона,
Будет сверху пицать ястреб.
Сами не осмелят /добычу/ и орлу не позволят взять,
целый день будут скакать попусту, болтаясь.
Вагевая, мешая, вызвав раздражение /злость,
кожи не дадут поймасть/
тогда будут довольны их хозяева, станут радоваться
и смеяться.
Ни одной души нет, кто бы спросил, а чего
достигли эти /что нами/
ночь напролет будут раздуваться от важности,
хваля своих птиц.
Таков покоя, душе ползы /прибыли/ ничего нет,
с этим живёт суетливо мой бедный народ.

Подстрочный перевод
Валентина Мамми-зы

* * *

Хоть любую добычу беркут берет —
Люди возятся с птицей других пород;
Лишь беркут к поднебесью взмлет, они
Пустельгу и ворона гонят в полет.
Ворон каркает, бьет крылом тяжело.
Пустельга от ворона не отстает.
Сами дичь не ловят, мешают орлу
А хозяева скачут взад и вперед
И, любясь, как птицы дразнят орла,
Доупаду смеются, разинув рот.
И никто не скажет: “К чему это все?”
Хвалят этих пичуг всю ночь напролет.
Ты отрады и пользы здесь не найдешь, —
Забавляется этим глупый народ.

Перевод А. Штейнберга

* * *

Быстрый беркут любую добычу возьмет.
Пустельгу ценит этот, а ворона — тот.
Когда беркут взмывает высоко, то вслед
Запускают они своих птиц в небосвод.
Ворон, каркая, кружит, а где-то над ним
Пустельга свои песни пустые поет,
Но самим им добычу вовеки не взять.
Так и носятся в воздухе взад и вперед.
Только портят охоту, дразня и шумя.
Тот и этот хозяин в восторге ревет,
А что проку в том нет, никому невдомек.
Хвалят птиц своих после всю ночь напролет.
Пользы нет никакой ни уму, ни душе,
Но, доволен потехою бедный народ.

Перевод Ю. Кузнецова

* * *

Орел-кыран* везде возьмет добычу,
Иным ворону с пустельгой держать в обычи.
Коль беркут вознесется над утесом,
Те, тут же выпускают двух своих навстречу.
Во всю кричит, не отставая, ворон глотку.
И пустельга пищит ему вдогонку.
Мешая, скачут целый день впустую,
И сами не возьмут, и не дадут другому.
Потеха лучшая – с собой равнять достойных,
В кыране вызывая гнев и злобу.
Кто спросит с них, какой достигли цели,
Всю ночь бахвалятся, чей выкормыш подлее.
Ни радости душе, покоя голове неумной,
С тем суетливо и живет народ мой неразумный.

Перевод М. Адибаева

---

* Орел-кыран – зоркий, матерый Сверхптица (М А)

*Бір дәурен кемді күнге — бозбалалық,
Қартаймастай көрмелік, ойланалық.
Жастықта көкірек зор, уайым жоқ,
Дейміз бе еш нәрседен құр қалалық.*

*Бар ойы - өлең айтып, ән салалық,
Біреуді қалжың қылып қолға алалық.
Қызды ауылға қырындап үйір болса —
Көңіліне зор қуаныш бір бадалық*.*

*Демеңдер өнбес іске жұбаналық,
Ақыл тапсақ, мал тапсақ, қуаналық.
Қызды сүйсең, бірді-ақ сүй, таңдап тауып,
Көрсө қызар, күнде асық — диуаналық.*

*Жастықта бір күлгенің — бір қаралық,
Күлкі баққан бір көрер бишаралық.
Әуелі өнер ізделік, қолдан келсе,
Ең болмаса еңбекпен мал табалық.*

*Той болса, тон киелік, жүр, баралық,
Бірімізді біріміз аударалық.
Ат арықтар, тон тозар, қадір кетер,
Күлкіні онша күйлеп, шуламалық.*

*Уайым — ер қорғаны, есі барлық,
Қиыны бұл дүниенің — қолы тарлық.
“Ене-еһеге” елірме, бозбалалар,
Бұл бес күндік бір майдан ер сынарлық.*

*Салынба, қылсаң дағы сан құмарлық,
Алдыңда уайым көп шошынарлық:
Жарлылық, жалынышты жалтаң көздік,
Сүйкімі, икемі жоқ шалдуарлық.*

*Әсем салдық өлгенше кім қыларлық,
Оған да мезгіл болар тоқталарлық.*

Бада (парсыша) — بادا — мақтаншылық

Ұрлық қылар, тентіреп тамақ асырар,
Болмаған соң жұмыс қып мал табарлық.

Басында әке айтпаса ақыл жарлық,
Ағайын табылмаса ой саларлық,
Қалжыңбассып өткізген қайран дәурен,
Түбінде тартқызбай ма ол бір зарлық?

Осы елде бозбала жоқ сөзді ұғарлық,
Үзілмес үмітпенен бос қуардық.
Әйтеуір ақсақалдар айтпады деп
Жүрмесін деп, азғана сөз шығардық.

Одна пора /возраст/ скучеет с каждым днем /таеет/
— это юность.

Не будем считать, что не состарились, а подумаем.
В молодости много самоуверенности
/самоуверенности/ печали нет,
говорили так и не делали ничего, чтобы остерегься,
уберечься.

Все мысли — песни петь, стихи читать,
Над кем-то шутить и насмехаться, сделав
его объектом насмешек.
Если в девичий аум попадет, пококетничает,
поухаживает,
то в душе огромная радость, самодовольство,
звастовство.

Не говорите, что можно прикасаться безнаказанно
к пустым делам, /которые не принесут
результата/

Давайте радоваться, если найдем мудрость,
в труде приобретем достаток /найдем скот/
Если будем целовать девушку, то целуй одну,
выбрав и найдя,
Валераться от каждой, легковлюбленности,
каждодневная страстность

это фродофилчество дуаны /девушка/ всегда спешащего.
Свех в гонности ценен, равен лошади /крупному скоту/,
но тот, кто гонится за одними свехами /стережет свех,
веселье/ в конце концов увидит падение, унижение
Давайте прежде искать умение /ремесло/,
искусство, если способны,
Но крайней мере, давайте трудом добывать свой скот.

Если свадьба, шубы надевали, едем дружно,
будем шутить, веселиться, состязаться друг с другом.
Конь похудеет, шуба советщает, уважение уйдет
со временем,
не будем слишком воспевать свех и шутить по этому
поводу.

Переживания, мысли — ограда души, наличие разума,
Тяжелым в этом мире является бедность /нужда/ -
"короткие руки
Ва хиханьками = хиханьками не следует
/не увлекайтесь/, гонимы,
Это все пятидневный фронт, где проходят
испытания.

Не увлекайтесь, даже если много наслаждений /обязнов/
Впереди много печалей и страданий, утрачивающих душу.

Бедность, заискивающий молящий взгляд
/трусливый, прижженный/
отсутствие скрытной /приятной/ одежды —
рубище, ветхость.

Кто может сохранить до смерти прекрасное
знание петь и развлекать /невгачество/
Придет и этому время /фрок/ остановиться.
Воровать будет, бродя по свету, чтобы
прокормиться,
раз не будет работы, чтобы сконить свой скот.
Если сначала не скажет отец, то бедность ума.
Если не найдется родичей, способных образумить
/дать мысли/.

В беспечных шутках проведенное несчастное время:
разве в конце концов это не заставит страдать?
В этом народе нет помощи, способного понять слово,
не рвущейся надеждой измучен, истощен впускуро.
В общи, чтобы не сказали, что аксакалы мал не
говорили, сказал, сочинил и я неинного слов.

Подстрочный перевод
Вахитжана Молмы-уми

Только юность одна — жизни счастливый цвет,
Но не думай, что ты так и не будешь сед.
Мы только в юные годы веселы и бодры,
Старость пришла — и вдруг видишь, что счастья нет.

В юности всем легко песенки распевать,
Острым словцом своим, шуткою задевать,
Гордо в аул входить, к девушкам нежно лнуть, —
Высшего счастья нам будто бы и не знать.

Мудрый такую жизнь лишь пустяком сочтет —
Лучше учитесь вы и собирайте скот.
Девушку любишь — люби только свою, одну,
Непостоянству в любви предан лишь сумасброд.

Но выхаживать скот ленится молодежь.
Если всю жизнь гулять — и до беды дойдешь.
В юности прежде всего надо учиться нам.
Если ж не удалось — и честный труд хорош.

Бродишь ты по гостям, лучший надев наряд,
На удалом коне век гарцевать ты рад,
Но отощает конь, быстро пройдет почет.
Пусть же суетный пир твой не прельщает взгляд!

Сдержанность — вот наш щит, верный признак ума,
Трудности побеждать учит нас жизнь сама.
Стоит ли быть рабом праздных, пустых забав?
Пусть же воля твоя будет всегда пряма!

Как не велик соблазн — не доверяй ему,
Встретишь ты на пути страшных несчастий тьму,
Будешь скитаться ты, хлеба просить кусок,
Вот беспечность твоя может вести к чему!

Нас до седых волос уродует щегольство.
Ставь же ему предел, не поощряй его.
Может и вором стать. нищий в лохмотьях тот,
Кто не хочет трудом добыть себе ничего.

Разуму не научил нас с юных лет отец,
Опыта у родни не приобрел молодец,
Вот, глядишь, и ушла молодость в пустоту, —
Рад бы и умным стать, да уж всему конец.

Нет уж юношей тех, кто бы мне здесь внимал,
А от тщетных надежд я уж давно устал.
Чтобы никто не мог старцев, нас, упрекнуть,
Эти простые слова я для других писал.

Перевод Вс. Рождественского

Мир целый – юности мгновенье краткой,
Что старость не придет, надеется украдкой.
И дерзко думает, нужды не будет,
Беспечна молодость – печали их не тяжки.

Все мысли – песни петь, читать стихи,
И потешаться, обращая все в смешки.
В аул девичий коли попадаем,
Кокетство душу распирает в похвальбы.

Не говорите, что пустое безнаказанно,
Ум обретя, найдешь и радость и богатство.
Коль целовать, так лучшую девицу,
Чем похотливо, без разбору волочиться

Смех молодого – стоит скакуна,
Но лишь в веселье жизнь – обречена.
Не лучше ль в ремесле достичь искусства,
Коль не дано – трудись, найдешь блага.

На свадьбы шубы дружно надеваем,
Между собою споры затеваем.
Конь отощает, уваженье... и доха облезет,
Не предавайтесь праздному веселью.

Печаль – мужчины знак, печать ума,
Несбывшихся желаний – жизнь скудна.
Пустопорожный смех, погибель молодежи,
Миг испытанья жизнью, как война.

Не забывайтесь, в наслажденьях и пирах,
Страданья впереди развеют душу в прах.
Несчастной бедностью молящий взгляд унижен,
Никчемный, всех ты отвратишь в летах.

Петь может кто, до смерти веселиться,
Как мы?! Срок этому придет проститься.
Коль не трудился, скот скопить свой чтобы,
Пойдешь ты воровать, бродяжкою кормиться.

Без наставления отца – короток ум сначала,
Без близких не найдешь разумного начала.
И юность в шутовстве безумном канет,
В конце ли не постигнет раскаяние?

Измученных надежд пустое поколение,
Ни для кого нет в Слове вдохновенья.
Что старики не говорят – молва напрасна,
В моих словах найдете откровенья.

Перевод М. Адибаева

* * *

*Патша құдай, сыйындым
Тура баста өзіңе.
Жау жагадан алғанда,
Жан көрінбес көзіме.
Арғын, Найман жиылса,
Таңырқаған сөзіме.
Қайран сөзім қор болды,
Тобықтының езіне.
Самородный* сары алтын,
Саудасыз берсең алмайды
Саудыраған жезіне.
Саудырсыз сары қамқаны,
Садаға кеткір сұрайды
Самарқанның бөзіне.
Кеселді түйін шешілсе,
Кердең мойын кесілсе,
Келмей кетпес кезіне.
О да — құдай пендесі,
Түспей кетер деймісің,
Тәңірінің құрған тезіне?*

---

* Самородный (орысша) — таза, қоспасыз деген мағынада

- а 7 Владыка бол, к тебе вызываю,
 б 7 На путь истины приведи!¹
 в 7 Когда хватается враг за ворот,
 г 7 Не заступится никто.²
 д 7 Армын, Найман³, если соберутся,
 е 7 Изумленно внимают моим словам,
 ж 7 Для ничтожных тобыктынуев
 з 7 Красной тратой они стали.⁵
 и 7 Самородное чистое золото
 й 7 Не торгуясь, дашь — не берут,
 к 7 Предпочитая звень меди.
 л 7 Шелестящую драгоценную парчу
 м 7 Будь они неладны, обманивают
 н 7 На самаркандскую безе.
 о 7 Когда бамной узел развяжется,
 п 7 Когда срубят спесивую голову,
 р 7 Тогда лишь обретут истину.⁶
 с 7 Они ведь тоже создание божье,

¹ “Путем прямым к себе веди”.

² Букв. “Душа в глаза не попадается”, т.е. “живой души вокруг не вижу”

³ Названия казахских родов

⁴ Род, к которому принадлежал сам Абай

⁵ Точнее: бедные мои слова для ничтожеств тобыкты стали посрамлением.

⁶ Вар. “Тогда вернутся на стезю праведную”.

и 7 Не избегут — попадутся
Э 7 И выправят их Творец.⁷

Стихотворение написано в 1886 г. В нем Абай выразил свою обиду на своих соплеменников, не внимающих словам рассудка.

Подстрочный перевод и примечания
Т. Белгера

---

⁷ Точнее: “попадутся в ТЕЗ создателя, т.е. в станок, в котором, выправляют, придают нужные формы унинам, жердям юрты.

* * *

О, помоги к стопам твоим
Найти, создатель, путь прямой.
Когда за горло схватит враг —
Дрожу от ярости немой.
Аргынцам и найманцам, тем
Мои слова — родник живой,
А для сородичей моих
Их вещей смысл — лишь звук пустой.
Им слиток золота даю,
Но так уж повелось, что им
Он медью кажется простой.
Дай им из Самарканда бязь,
И, ею тотчас же прельстясь,
Они расстанутся с парчой.
Конец их чванству положи.
Когда ж, создатель, узел лжи
Разрубишь ты своей рукой?
О милосердия отец,
Когда безумцы наконец
Падут, повержены тобой?

Перевод В. Бугаевского

* * *

Тебе я вверился, мой бог.
Веди к себе, я — твой во всем.
Не вижу рядом ни души,
Когда за горло взят врагом.
Вождей родов Аргын, Найман,
Пронял я слов своих огнем.
Но низкой черни Тобыкты,
Что значат слова град и гром?
Словами в слитках золотых
Соришь пред ними, не берут
Сколь не проси, за медный лом.
С базара грешного, за бязь,
Сорвать хотели бы парчу,
Стараясь вас надуть притом.
Но если узел разрубить,
Надменных головы срубить,
Назначит время перелом.
Возможно ль кары избежать
Пред божьей ярости лицом?!

Перевод А. Кодара

* * *

Владыка наш, к Тебе зываю,
К тебе я руки воздеваю,
Иной не ведая души.
Когда хватает враг за горло –
Желанье-враг и разум-враг,
Мой брат, надувши щеки злобно,
Безжалостный свой перит взгляд.
Моих речей не понимают,
Напрасно трачу я слова,
Аргын, Найман – им несть числа,
Не благородная парча, а
Сартов бязь их привлекает,
И золото чистое меняют
На медь заезжего купца.
Но час пробьет. Их час расплаты,
Когда наступит Высший суд,
На божий ТЕЗ их поведут...
Но станет ли прямым горбатый,
Спесивый станет ли приятным?..
Там, истину они найдут!

Перевод М. Адибаева

Өкінішті көп өмір кеткен өтіп,
Өткіздік бір нәрсеге болмай жетік.
Ойшылдың мен де санды бірімін деп,
Талап, ойсыз, мақтанды қалдым күтіп.

Үлгісіз жұртты үйретіп, қалдық кейін,
Көп надандар өзіне тартар бейім.
Арылмас әдет болды күлкішілдік,
Біржаң-қылжаң ит мінез дегендейін.

Тура тілді кісіні дейміз орыс,
Жиреніп, жылмаңдықты демес бұрыс.
Жылпылдақтан айрылып, сенісе алмай
Адамдықты жоғалтар ақыр бұл іс.

Сенімі жоқ серменде* сырды бұзды,
Анық таза көрмейміз досымызды.
Қылт етпеге көңілдің кешуі жоқ,
Жүрегінде жатады өкпе сызы.

Дос-асықтың болмайды бөтендігі,
Қосылған босаспайды жүрек жігі.
Біздің доспыз, асықпыз дегеніміз —
Жалғандықтан жасалған көңіл жүгі.

Сеніскен досым да жоқ, асығым да,
Ақыры өлең қылдым, жасасыдым да.
Көрмеген көп дүние көл көрінді,
Кірлемеген көңілдің ашығында.

Құдай берген бұл достық — кәннің* * бірі,
Мұндасқанда қалмайды көңіл кірі.
Қолдан достық жасап ем болар-болмас,
Итмұрындай наданның жырты бірі.

Сол досты сая таппай іздейді жан,
Жоқтайды күңіреніп, қозғалып қан.
Жау жабылса бұзылмас жан көрмедім,
Артық жолдас таппадым татулықтан.

---

* Сенделіп босқа жүрген адам Негізгі парсының шаһрбант — كائنج — деген сөзінен шыққан

* * Кән (арабша) — كَنْز — кән. кеніш (рудник) Ауыспалы мағынада. мейірімділік бастауы, қайырымдылық, ізгілік, негізгі мағынасында Құлайдың эпитеті

Лно и чисто не можем видеть своего друга.
Нет у души прощенья даже пустякам,
лезжит на сердце царапина обиды /горечи/.

Не бывает друг посторонним, чужим,
Не могут ослабнуть узлы, связывающие сердца.
Но что мы называем перушиной дружбой —
узел сердца /души/, сделанный из фальши /лицемерия/.

Нет друга сердечного, надежного, которому можно
верить до конца.
В конце концов сделал поверенным стихии и молодость
отдал.
Не виданный доселе мир показался озером,
на просторе незапятнанной, незагрязненной души.

Данная Богом дружба эта — одна из редких радостей,
Когда поделишься сокровенным, не останется
гвозди в душе.
Сделал быю своими руками небольшую дружбу,
как собачьими зубами /испильным рылом, носом/
разорвал ее один из невежд.

Не зная покоя того друга ищет душа,
Призывно отлакивает двиреющая кровь:

тоскуя /хмурясь, печалась/.

Не видел я души, которая не разрушилась бы, когда
скопом напал враг.

Лишнего друга не нашел в шире и согласии.

Подстрочный перевод
Бахитерана Мамыш-улы

Бестолково учась, я жизнь прозевал.
Спыхватился, но поздно. Вот он, привал!
Полузнайка — я мнил себя мудрецом
И заносчиво ждал наград и похвал.

Я отсталых мечтал за собой вести,
А они меня сами сбили с пути.
Я — один, а наглых невежд не сочтешь,
И нелепые шутки ныне в чести.

Прямодушному злобно кричим: “Урус!”
Знать, милее нам лицемерный трус.
Задушив человечность в наших сердцах,
Рвем своим недоверием дружбы союз.

Недоверье, как вихрь, ворвалось в наш дом.
Даже лучшему другу верим с трудом.
Нет прощенья ошибкам его! Залегла
В глуби сердца обида холодным льдом.

Нет для подлинной дружбы нигде межи,
Плещут волны любви через все рубежи.
То, что мы любовью и дружбой зовем, —
Лишь силоч для сердец, что соткан из лжи.

Ни друзей у меня, ни любимой нет.
Я устало пою на исходе лет.
О, каким необъятным казался мир
Той порой, как встречал я жизни рассвет!

Дружба — дар миродержца, вечная связь,
Речи друга с души твоей смоят грязь.
Я взлелеял дружбу, но злобный глупец
Растоптал ее, надо мною глумясь.

Я ищу эту дружбу — нет никого.
Кровью сердца зову — повсюду мертво.
Я приятелей тьму обрел без труда,
Но любимого друга — ни одного!

Ушли тьмы жизнью, канув в сожаленьи,
Минули, не осилив главной цели.
Считал себя избранником судьбы, без мысли,
Устремления, любви — остался в ожидании похвалы.

Сам потерялся я, беспутный наставляя люд,
Невежды многие дурным к себе влекут.
Неодолимая привычка — смех пустой,
Паясничать и рвать — собачий нрав их суть.

Мы кличим “русскими” язык чей прям,
Их отвращает лживых фимиами.
Приблизив скользких, и не веря никому,
Теряет человечность всякий дар.

Пустой, без веры, сокровенное разбил,
Я друга чистым, светлым уж не зрил.
И ничего душа прощать не хочет,
Мне сердце будто бы налет покрыл.

Любовь и дружба могут ль быть чужой,
Для слившихся сердец — награды нет иной.
Но, то что дружбой и любовью зовется —
Несправедливость, ложь — что сотворят с душой?

Нет друга верного, кому б открылся я,
Стихам доверился — ущербна жизнь моя.
Мир необъятный показался озерком,
Безмерна в откровении душа.

Нам дружба — божий дар, родник любви,
Печаль смывает грязь души.
Каким трудом я дружбу созидал,
Терновником* невежда все порвал.

Найдет ль наперсника душа, ища покоя,
Стенает и скорбит, вскипает кровь от боли.
Когда же враг пойдет — любой дух рухнет,
Согласья нет, ты лучшего побойся друга.

Перевод М. Адибаева

---

* Итмұрындай (итмұрын — терновник), а не “собачьи зубы, рыло” как трактуют большинство переводчиков, т.е. Абай подразумевает — библейский “терновый венец”— Иудино предательство (М А)

1887

Өлең — сөздің патшасы, сөз сарасы,
Қиыннан қиыстырар ер данасы
Тілге жеңіл, жүрекке жылы тиіп,
Теп-тегіс жұмыр келсін айналасы

Бөтен сөзбен былғанса сөз арасы,
Ол — ақынның білімсіз бишарасы
Айтушы мен тыңдаушы көбі надан,
Бұл жұрттың сөз танымас бір парасы

Әуелі аят*, хәдис** — сөздің басы,
Қосарлы бәйітмысал*** келді арасы
Қисынымен қызықты болмаса сөз
Неге айтсын пайғамбар мен оны алласы

Мешиттің құтпа**** оқыған ғұламасы,
Мүнәжәт***** уәлилердің***** зар наласы
Бір сөзін бір сөзіне қиыстырар,
Әрбірі келгенінше өз шамасы

Өлеңге әркімнің-ақ бар таласы,
Сонда да солардың бар таңдамасы
Іші алтын, сырты күміс сөз жақсысын
Қазақтың келістірер қай баласы?

Бұрынғы ескі биді тұрсам барлап,
Мақалдап айтады екен, сөз қосарлап
Ақындары ақылсыз, надан келіп,
Көр-жерді өлең қыпты жоқтан қармап

* Аят (арабша) — آية — құран сөзі

** Хәдис (арабша) — حَدِيثٌ — Мұхаммед пайғамбардың сөзі

*** Бәйіт (арабша) — بَيْتٌ — өлең “Бәйіт мысал” — мысал өлең үлгі-өнеге өлең

**** Құтпа, хотбә (арабша) — حُطْبَةٌ — уағыз оқу, сөйтеу мағынасында

***** Мүнәжәт монәжәт (арабша) — مُنَاجَاةٌ — Аллаға жалбарыну, мақтау сөз айту

***** Уәли (арабша) — وَهْلِيٌّ — әулие пайғамбар

Қобыз бен домбыра алып топта сарнап,
Мақтау өлең айтыпты әркімге арнап.
Әр елден өлеңменен қайыр тілеп,
Кетірген сөз қадірін жұртты шарлап.

Мал үшін тілін безеп, жанын жалдап,
Мал сұрап біреуді алдап, біреуді арбап.
Жат елде қайыршылық қылып жүріп,
Өз елін бай деп мақтар құдай қарғап.

Қайда бай мақтаншаққа барған таңдап,
Жиса да, бай болмапты, қанша малды ап,
Қазаққа өлең деген бір қадірсіз,
Былжырақ көрінеді солар даңдақ.

Ескі бише отырман бос мақалдап,
Ескі ақынша мал үшін тұрман зарлап.
Сөз түзелді, тыңдаушы, сен де түзел,
Сендерге де келейін енді аяңдап.

Батырды айтсам ел шауып алған талап,
Қызды айтсам, қызықты айтсам қыздырмалап,
Әншейін күн өткізбек әңгімеге
Тыңдар едің әр сөзін мыңға балап.

Ақыл сөзге ынтасыз, жұрт шабандап,
Көнгенім-ақ соған деп жүр табандап.
Кісімсінген жеп кетер білімсіз көп,
Жіберсем, өкпелеме, көп жамандап.

Амалдап қарағайды талға жалғап,
Әркім жүр алар жердің ебін қамдап.
Мақтан құған, малқұмар нені ұға алсын,
Шықпаса мыңнан біреу талғап-талғап.

Мал жиып арамдықпен ұрлап-қарлап,
Қусың десе, қуанып жүр алаңдап.
Қақса-соқса бір пайда түсе ме деп,
Елдің байын еліртіп “жау мұндалап”.

Ынсап, ұят, ар, намыс, сабыр, талап —
Бұларды керек қылмас ешкім қалап.
Терең ой, терең ғылым іздемейді,
Өтірік пен өсекті жүндей сабап.

Стихи — надуманная слова, основа /смысл, содержание/
 слова
 из трудного /от тяжелого/ сплетения, связи
 муфта чепухи.

Для языка /речи/ легкий /легко/ сердцу тепло касаясь
 /трогая/,
 Ровными и гладкими пусть будет все вокруг /стихи/.

Если чуждым словам будет испачкана среда слов,
 Это — поэта незнание: он самый последний
 и несчастный.

Многие из говорящих и слушающих — невежды.
 Это народа, не знающего слова, одна цена.

Сначала аят, хадис — глава /начало/ слова,
 Прибавлением бейт пришел в их среду /вошел в них/.
 Если логикой /смыслом/ не интересно слово,
 то зачем говорить бы стали его пророк и амаи.

Знающего, ученого богослова мечети, читающего
 молитву /кутбу/,
 Молва святых пророков, полная укора —
 связывающих одни слова, прибавляя к другим,
 каждый по мере своих сил и возможностей.

В стихах у каждого есть спор,
но и в этом случае из всех есть избранные.
Внутри золотое, снаружи серебряное лучшее слово
кто из детей казахов сможет создать /сделать
связными и красивыми!/?
/Для переводчика: серебро не так блестит, как золо-
то: внутреннее содержание ценней, хотя оболочка
строжее – серебро!.

Если буду стоять и наблюдать за прежними
/старыми/ бывшими
/старейшими, мудрецами, народными судьями/,
Поговорками говорят и пословицами, обогащая речь.
Посты, приближаясь к глуповатым и
невежественным,
из чепухи, из мусора, из ничего выловив что-то,
делают стихи.

Взяв кобыз и домбру, голоса на собирающая,
хвалебные песни пели, посвящая кому погало
/каждому, всякому!/.
В каждом народе /земле, племени/ песнями
просили милостыню,
Получили уважение к слову, Еродея среди людей
/болтались в народе/ по земле, по свету!.

Изюмом пустомеля ради скота, продавая, отдавая
взаймы душу,
Выращивая скот /подарки/, обманывая одних,
интенизируя, колдуя,
В чужих народах совершая нищенство,
звасит свой род за богатство, проклятый Богом.
/говоря, что его народ богат!.

Куда бай хвастун ходил, выдрав его,
Лоть и собирав, баем не стал, взяв столько скота.
Для казаки стили — малоуважительное, недостойное дело.
Болтовней все кажется и пустословием,
когда слушает.

Подобно старому Било сурфу, попусту пересылая
речь пословицами и поговорками
Словно презрший акын стого, олашая округу песней
ради скота.
Речь исправилась, исправься же и ты, слушающий,
подожду теперь и к вам, не спеша, неторопливо.

Если рассказал бы о батыре, в битвах
захватывающими земли,
если бы сказал о девушке, о красе и интересных
вещах о ней, горяча кровь,

то пустым, ради превращения времени
заведенными беседами
ты бы внимал без устал, давая высокоуро оценку
/оценивая в тысячу/.

К мудрым речам не ится охоты, обезноженный,
важный, обескрыленный народ,
говоря, что напрасно послушался /смирися/
точет меня.

Важнящихся, высокомерных, готовых счесть,
не имеющих знаний, много /темных/.
Если пошло, то не обижайся, не говори плохо об мне.

Найдя способ, присоединив сосну к иве,
каждый ходит думая о месте, где можно взять.
Тонущийся за хвалой, ачмый до скота чего поймет
/сможет понять/,
если вдруг не выйдет один из тысячи избранный.

Собирая скот, подлостью призрачная достаток,
воруя, грабя,
"если хитрыми назовут", радуясь и хвастая этим,
живут на свете.
Рассчитывая на барыши /пользу для себя/ от того, если
стравить людей,

пурает бая какаго-то народа, говоря, "враг здесь"
/биззок/.

Совесть, стыд, честь, терпение, устремления,
никому это не нужно, никто этого не выберет
своей волей.

Глубокие мысли, глубоких научных знаний не ищут,
ложь и сплетни взбивая как шерсть.

Подстрочный перевод
Бахытжана Мамыш-улы

Стих – это вождь среди слов, ценнейший их убор,
Талантливый поэт слагает речь в узор,
Где все слова ровны, густы, округлены,
Легки для языка, ласкают слух и взор.

Излишнему в стихе, конечно, места нет,
И слов не бережет ничтожный лишь поэт.
Из тех, кто говорит иль слушает, он тот,
Кому напрасно бы давал ты свой совет.

Сперва Корана стих, пословицы потом,
За ними ставь байт – и речь пойдет шитьем.
Не стоило б ее к пророку обращать,
Лишенной разума и бедную стихом.

Пусть каждый борется, чтоб стих создать живой,
И пусть избранных он радует собой.
Но редко может кто составить звонкий стих,
На вид – серебряный, по сути – золотой.

Коль вспомнить, что за речь была у стариков,
Увидишь, сколько там пословиц между слов.
Поэты прошлого невежды и глупцы,
Ничтожны их слова и мысли прост покров.

И слово и душа выклянчивали скот –
Кого обманом взять, кому воздать почет.
Так, в нищете бродя среди чужих племен,
Они, презренные, лишь свой хвалили род.

Искали богачей, у коих гордый нрав,
Но сами баями не стали, скот собрав.
Казахам кажутся пустыми их стихи,
Утратившими смысл для суетных забав.

Пословиц стариков в моем запасе нет,
Я выть из-за скота не стану, я поэт,
Иные у меня слова, иная цель,
И тот, кто слушает, сейчас мне даст ответ.

Когда б я пел о тех, кто грабит бедняков,
Иль девушек красу восславить был готов,
Меня бы слушали, дыханье затаив,
Не находя цены для легковесных слов.

К реченьям разума упорно глух народ,
Пренебрегая тем, что нас к добру ведет.
Невежд, захватчиков, ленивых – не сочтешь.
Не обижайтесь же, коль стих мой больно бьет!

Иные там и тут из кожи лезут вон
И к тепленьким местам ползут со всех сторон.
Но что они поймут, пока хотя б один
Из тысячи – умом не будет вознесен?

Стремленье к скромности, терпенье, совесть, честь
Никто здесь нужным уж не желает счесть,
Не ищет знания, не хочет жить умом,
Злословие и ложь взбивая, словно шерсть.

*Перевод
Вс. Рождественского*

Стихи — жемчужины меж слов, в них блеск владык...
Творить из хаоса миры мудрец привык:
Да веселят они сердца, да нежат слух,
Да будет ими упоен и горд язык.

Стих, не взыскательный к словам, — лишь тлен и хлам.
Собой убожество певца он выдал сам.
Но многим ли дано постичь усладу слов?
Средь слушателей и певцов — простор глупцам.

Зато в словах “Аят”, “Хадис”^{*} — пей каждый слог!
В них — первожданность, и они — стиха залог.
Не будь великолепя в них и красоты,
Ужели б выгремел их бог и рек пророк?

Читает проповедь свою старик-мулла,
В ней слиты возгласы святых, скорбь и хвала;
Стремился каждый богослов по мере сил,
Чтоб форма лучшая из всех их облекла.

Заложена любовь к стиху в нас исстари,
Но все ж избранничества сан лишь тем дари,
Кто слово льет, что серебром горит извне,
А золота чистейший сплав таит внутри.

Припомним биев тут, чью речь с давнишних пор
Пленил пословиц пестрый рой и притч узор.
Акын же прежний был горазд счесть за стихи
Лохмотья мысли, стертых слов пустой набор.

С кобызом влившись в гушь толпы, с своей домброй,
Он песней лживо славил всех, он льстил игрой!
Аул меня на аул, он — клянчить рад —
Словесной щедро вкруг себя сорил трухой.

---

^{*} Аят — одно законченное предложение. Первая сура — Фатиха, состоит из 7 аятов; вторая — Бахара из 286 аятов. В Коране насчитывается 6666 аятов.

Хадис — позднейшие предания в которых содержатся истолкования из чудесного ниспослания пророку Мухаммеду. (М.А.)

Он, сердце запродав, сдавал язык в наем,
Одна лишь страсть — алчба к скоту — горела в нем;
На брюхе средь родов чужих он к баю полз,
Чтоб подлым отщепенцем стать в роду своем.

Он перелетный свой излить стремился пыл
Лишь там, где нюх его прельщен подачкой был, —
И осквернился ложью той казахский стих.
И рвенье к слову, жар к стиху казах забыл.

В напыщенности бийской петь я не хочу,
Не тот акын я, что, юля, льстил богачу.
Слова новы, и, внемля им, переродись!
К тебе певучею стезей теперь лечу.

Когда б восславить я хотел, как встарь иной,
Набег батыра-удальца, размах степной,
Завороженный, ты б ловил мой каждый звук,
В восторге замер бы ты сам передо мной.

Но мудрость лишь незванный гость здесь на земле;
Привольней людям вековать во зле, во мгле...
Так не суди меня за то, что я стихом
Проныр чванливых и невежд предам хуле.

Такие, наспех сочетав ель с тростником,
Спешат жирнейшим завладеть зато куском,
Что им — стяжательства рабам — до красоты?
Из тысячи просвет найдешь едва ль в одном.

Такие влюблены в обман да в барымту,
Такой польщен, коль приравнишь его к плуту;
Создав шумиху, под шумок такой спешит
Наусыкать бая на других, вопя “ату!”

Никто не жаждет черноты омыть позор,
Ничей ни в глубь не устремлен, ни к выси взор,
Но каждый, совесть позабыв, и стыд, и честь,
Взбивает, как верблюжью шерсть, злословья сор.

Перевод Л. Руст

Поэзия — властитель языка,
Из камня чудо высекает гений.
Теплеет сердце, если речь легка,
И слух ласкает красота сравнений.

А если речь певца засорена
Словами, чуждыми родному духу, —
Такая песня миру не нужна,
Невежды голос люб дурному слуху.

Коран с хадисом славны вязью слов,
В них мысль узорно вплетена в реченья,
Когда б не рифмы, не соблазн стихов,
Пророки бы молчали, без сомненья.

Молящийся в мечети мудрый муж,
Ученые, чьи в полночь пылки споры, —
Все любят красноречие. Кому ж
Не любо ткать словесные узоры?

К стихам стремятся смертные равно,
Но лишь избранника венчают славой,
Того, чьей мысли золотой дано
Блистать стиха серебряной оправой.

На старых биев ныне погляжу:
Пословицами речь отягощали.
Иных певцов глупцами нахожу —
Из мусора стихи они слагали.

В толпе с кобызом пели и с домброй,
Хвалили всех, скитаясь по дорогам.
Бродили попрошайками порой,
Позоря песню, проклятые богом.

Бродяга за подачку расточал
Душевный жар свой, теща встречных лестью,

На стороне чужой, ценой похвал,
Он добивался невысокой чести.

Он шел туда, где бай и где хвастун,
Но подаяньем не менял удела.
И дешевели звуки звонких струн,
И жажда песни в людях оскудела.

Как старый бий, пословиц не леплю,
Не бормочу, на грош меняя душу.
Слова скупые, верные люблю,
И ты простую речь мою послушай.

Кичливых мог бы славить богачей,
Красавиц легкой веселить забавой.
Бряцание пустых моих речей
В их жизни было б сладкою приправой.

Немногим по душе благой совет,
Иной безумец лишь упрямству верен.
Надеждой лишь для знати полон свет.
Простите, если мой укор чрезмерен.

Все норовят связать сосну с лозой,
Все жаждут жить спокойно и привольно.
Хвастун и льстец поймут ли оклик мой?
Найдется ли из тысячи достойный?

Плутам одна нажива дорога,
Иному хитрецом прослыть охота.
Затеяв драку, “Бей, кричит, врага!” —
Авось, он под шумок ухватит что-то.

Терпенье, совесть, гордость — не в цене,
И к мудрости и к чести люди глухи.
Не ищут знанья — лишь в слепой возне,
Как шерсть, прядут пустую ложь да слухи.

*Перевод
В. Звягинцевой*

Поэзия — царица языка,
Она во власти только знатока.
В ней слову вольно и душе тепло.
Округлы формы, поступь так легка.

Кто допускает сор чужих словес,
Тот вовсе не поэт, а мелкий бес.
Читатели — все больше из невежд,
И не дано им слова знать на вес.

Аят и Хадис дали слову сок,
Чтобы расцвел поэзии цветок.
Когда бы слово не являло мощь,
Не стал бы словом говорить Пророк.

Пророка, праведника, певца,
Ученого, святого мудреца —
Влекли слова, они слагали стих
По мере сил и милости Творца.

Стихи кропают многие шустро,
Но где избранник? Где его перо?
Кто может стих переложить, чтоб был внутри
Он золото, снаружи серебро?

Мой взгляд — в былом, я вижу старый быт,
Речь биев поговорками пестрит.
Что ни поэт, то неуч и глупец.
Из пустяков свои слова кроит.

Кобыз или домбра в руках у них,
Но служат недостойным песни их.
Прошли сквозь мир, кормясь за счет стиха —
Так на чужбине унижали стих.

И тот и этот петь и выть привык,
Продав за хлеб и душу и язык.
Как попрошайка выть в чужой земле
О том, что край его родной велик.

Тщеславных обирали похвальбой.
Но впрок не шла нажива, и порой
Тому кто слушал их, разинув рот,
Стихи казались праздной болтовней.

Не буду поговорками играть,
И горло, как акын, срывать.
Стих стал другим, так стань другим и ты,
Мой слушатель, чтобы меня понять.

Когда бы стал я славить старину,
Богатырей, красавиц и луну,
Ты бы внимал пустым моим словам,
Пуская восхищения слюну.

В цепях судьбы влачась за годом год,
К благим советам слеп и глух народ,
Зато плодит бродяг, пройдох, невежд,
Прости, увлекся, сей ругая сброд.

Сосну связавши с вербой, так сказать,
Всяк думает, чтоб где-нибудь урвать.
Из тех, кто ищет славы и добра,
Избранника судьбы не отыскать.

Кто воровством богатство нажил, тот
Гордится тем, что ловкачом слывет.
Нагнав на баев страхи мнимых бед,
Он выгоду свою и тут найдет.

Талант, терпенье, совесть, доблесть, честь —
Все не по ним, хотя и выбор есть.
Бегут от знания, от глубоких дум,
Но ложь и сплетни теребят, как шерсть.

Перевод Ю. Кузнецова

Поэзия — слов благороднейших царь,
Свести несводимое должен твой дар.
Пусть радуется он и язык нам и сердце,
Повсюду неся одинаковый жар.

Но если слов чуждых затешется грязь,
То этот поэт — неумеха среди нас.
Сказитель и слушатель стоят друг друга,
Как пара невежд без ушей и без глаз.

Аяты, хадисы — основа основ.
Вкрапленье двустипший, как некий покров,
Но если не красится речь содержанием,
Аллах и пророк обошлись бы без слов.

Имам, что в мечети читает хутбу,
Святой, что молясь, проклинает судьбу,
По мере уменья пытается каждый
Слагать на свой лад из того, что во лбу.

Любой себя числит умельцем стиха,
Поэзия часто к их зову глуха.
Стихов дорогих без наружного блеска,
Никто не сложил из казахов пока.

Всмотрелся я в биев седой старины,
Для них поговорки в реченьях важны.
Акыны и вовсе в невежестве темном,
Несут чепуху, ни на что не годны.

В толпе завывая с кобызом, домброй,
Восхвалят любого, кто виден собой.
Продажностью жалкой унизили слово,
С домброю шатаясь в округе любой.

Корыстью зажженные, лезли из шкур,
Смотря на хозяев сквозь хитрый прищур.
В чужой стороне без стыда побираясь,
Свой край воспевали, мудры чересчур.

Шли к баю, который был падох на лесть,
Надеясь побольше скота приобрести.
Казах не питает к стихам уваженья,
Жевать небылицы считая за честь.

Как бии, не буду я речь украшать,
И лстя, по-акынски, не буду рыдать.
Мой слушатель, видишь, очистилось слово,
Сумей быть и ты ему духом под стать.

Когда б за набеги батыров вознес,
О девах бы спел, разжигая к ним спрос.
Рад время убить в интересе досужем,
Ты каждому слову внимал бы всерьез.

Разумное слово народ не влечет,
Коснеет в своем неприятьи народ.
Невежд в нем хватает, что наглы донельзя.
Прости, если это тебя проберет.

Стараясь на цыпочках куст скovyрнуть,
Пытается каждый урвать что-нибудь.
И им ли постигнуть — спесивым, корыстным,
Для редких из редких открытую суть?!

Бесчестным путем умножая свой скот,
Слыть хитрыми рады они наперед.
И мирного бая страшат врагами,
Надеясь, что тот попадет в переплет.

Спокойствие, совесть, стремленье и честь?
Никто не захочет из них предпочесть.
Не ищут ни знанья, ни мысли глубокой,
Наветы и сплетни взбивая, как шерсть.

Перевод А. Кодара

Поэзия – властитель слов, ее глубины
И мыслей вязь, доступны только гению мужчины.
Достойные слова согреют сердце,
Лишь реченья и в камне открывают вдохновенье.

Последним станет тот поэт несчастный,
Убогим словом ранивший язык прекрасный.
Невежды многие кто говорит и внемлет,
Толпа достойна их, здесь все напрасно.

Коран священный, речь пророка – словам начало,
И в бейтах-притч смешались все начала.
Когда бы слово не имело глубины
Аллах не говорил устами Пайгамбара.

В мечети и ученый хутбу читает,
И уали Всевышнему молитву посылает.
Здесь каждый всяк на свой манер,
Слова к словам как может подбирает.

Стихи незримо всех влекут,
К вершинам избранные лишь взойдут.
Мысль – золото, звук слова – серебро,
Казахам сотворить такое ль суждено?

К предшествующим биям обратись,
Витийством речи исказили.
Бездумные поэты собрались,
Чушь всякую уподобляя песне.

Домброй и кобызом трясут, голоса,
Хвалу воспевают кому почем зря.
Өлен, превратив в попрошайку, бредут,
Слова погубили – народ оберут.

Душу продаст за скотину, наговорит,
Обманет за скот, закружит, заговорит.
Богатства рода хваля, в чужих краях,
Проклятый богом, клянчит – бродяжка я.

Где бай хвастун и тот бежит туда,
Богатым он не будет никогда.
Казахам, все стихи не стоят и гроша,
Нужды в них нет, пустая болтовня.

Не пустословлю, биям уподобясь старым,
Не красобайствую, выпрашивая даром.
Возвысился глагол и ты возвысь с ним,
Я слово истины пришел сказать вам.

Скажу ль о батыре, зорившем чужую страну,
О девице ль красной скажу — преукрашу, присочиню,
Зная, в пустом разговоре время убить свое,
Слушали б вы, замирая, каждое слово мое.

К мудрому слову люди ленивы,
В мыслях привычных упрямо застыли.
Не знающих толпы себя возвышают,
Не обессудьте — в лицо говорю я.

Могу сноровкою лозу с сосной связать,
Но всякий ищет путь где даром взять.
Наживы жаждущие, что поймут,
Достойного из тысяч — поискать.

Своруют скот, присвоят, приберут,
От счастья распирает, коль хитрым назовут.
Лишь выгоду узрев, столкнут всех лбами,
Натравят, будто враг, с ума тебя сведут.

Нет совести, таланта, чести, меры —
Никто достоинство не выберет, уверав.
Глубоких мыслей, знаний здесь не ищут,
Без устали взбивая ложь и сплетни.

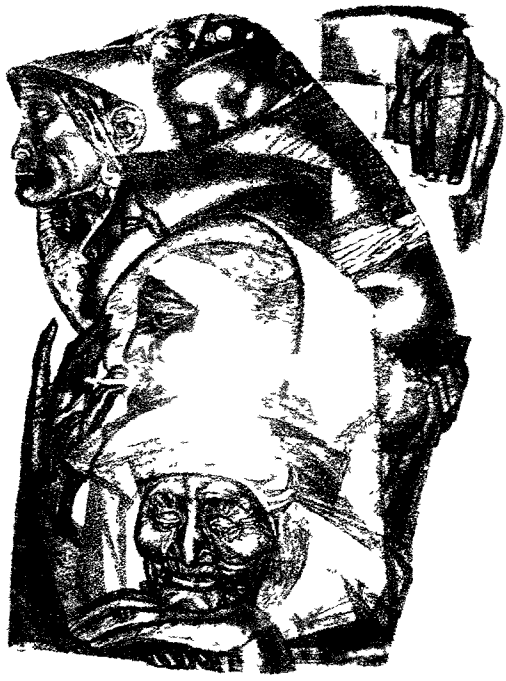
Перевод М. Адибаева

1888

Біреудің кісісі өлсе, қаралы — ол,
Қаза көрген жүрегі жаралы — ол.
Көзінің жасын тыймай жылап жүріп,
Зарланып неге әнге салады ол?

Күйеу келтір, қыз ұзат, тойыңды қыл,
Қыз таныстыр — қызыққа жұрт ыржаңшыл.
Қынаменде, жар-жар мен беташар бар,
Өлеңсіз солар қызық бола ма гүл?

Бала туса, күзетер шілдеhana,
Олар да өлең айтар шулап жана.
Бұрынғы жақсылардан өрнек қалған,
Биде тақпақ, мақал бар, байқап қара.

Туғанда дүние есігін ашады өлең,
Өлеңмен жер қойнына кірер денең.
Өмірдегі қызығың бәрі өлеңмен,
Ойлансаңшы, бос қақпай елең-селең.

Өлеңді айтпақ түгіл, ұға алмайсың,
Айтсаң да, үдасынан* шыға алмайсың.
Сен білмейді екен деп айтпасын ба,
Неге мұнша сіресіп құп алмайсың?

Өлең деген — әр сөздің ұнасымы,
Сөз қосарлық, орайлы жарасымы.
Сөзі тәтті, мағынасы түзу келсе,
Оған кімнің ұнасар таласуы?

Қарны тоқ хасса** надан ұқпас сөзді,
Сөзді ұғар көкірегі болса көзді.
Қадірін жақсы сөздің білер жанға,
Таппай айтпа оған да айтар кезді.

---

* Үдда (арабша) — عُدَّة — шек, шегі деген сөз. Бұл арада ауыспалы мағынада Яғни шегіне жетер, жеріне жеткізу деген ұғымда қолданылған.

** Хасса (арабша) — حَاسِنٌ — бір нәрсеге не бір кісіге ғана тән нағыз ерекшелік сипат мағынасында.

*Сый дәметпе, берсе алма еш адамнан,
Нең кетеді жақсы өлең сөз айтқаннан?
Сүйсінерлік адамды құрмет қыл,
Аулақ бол әнін сатып нәрсе алғаннан.*

*Көп топта сөз танырлық кісі де аз-ақ,
Ондай жерде сөз айтып болма мазақ.
Біреуі олай, біреуі бұлай қарап,
Түгел сөзді тыңдауға жоқ қой қазақ.*

*Шортанбай, Дулат пенен Бұқар жырау,
Өлеңі бірі — жамау, бірі — құрау.
Әттең дүние-ай, сөз таныр кісі болса,
Кемшілігі әр жерде-ақ көрінеу тұр-ау!*

*Мақсұтым — тіл ұстартып, өнер шашпақ,
Наданның көзін қойып, көңілін ашпақ.
Үлгі алсын деймін ойлы жас жігіттер,
Думан-сауық ойда жоқ әуел баста-ақ.*

Если у кого-то зирет человек, в трауре он,
 гибель видевшее сердце, ранено оно.

Не утихая слез, живя плача,
 Почему записки с горечью на песни кладут?

Вятя вводи, дочь отдавай, свадьбу делай,
 Невесту знакомы — люди, смеясь, последуют
 за развлечением.

! Невеста, прежде чем покинуть дом отца, объез-
 жает, прощаясь, аулы близких и дальних родичей —
 для переводчика!.

Последний день проводов невесты подружками,
 песня-напутствие
 свадебный "жар-жар", открывание лица невесты
 /бет-ашар/ есть
 разве расцветут они цветком без песен, станут
 ли интересными?

Если ребенок родится, буду ждать праздника
 рождения /камыбел/,

И на этом веселии станут снова петь песни, шутки.

Оставшийся узор от прошлых хороших людей
 /след, образцу/,

есть и для присказки, стихи, пословицы, приговора и увидишь.

При рождении двери мира открывает песня,
с песней в лоно земли войдет твое тело.
Все радости /все интересное/ в жизни тоже
неразрывно с песней,
подумай же об этом, чем суетиться попусту.

Не то чтобы петь песни, /читать стихи/ ты
и почитать их не сможешь.
Если и станешь петь, не сумеешь донести ее мощь.
Разве можно не петь, только потому что ты
не знаешь,
почему ты так напыжился и не принимаешь
/не одобряешь!/?

Песня /стихи/ - это украшение каждой речи
/каждого слова/,
Прибавляющее слово /мысль/ гармоничное единство,
что уместно и к слову.
Слово сладко, если смысл /содержание/ верно,
придет к месту,
Кто с этим сможет спорить /к слову к слову
оспаривать это!/?

Слытый слухом, настоящий невежда вряд ли поймет слово,
слово поймет лишь тот, у кого зрячее сердце
/у кого глаз в душе!.

Душе, хорошо знающей достоинство слова,
даже ему не воверяла, не выбрав момент, свое слово
/не выскажи/

Не надейся втайне на подарок, если дадут, не бери
ни от кого /ни от одного человека/.

Что у тебя убудет от того, что ты прочтешь
хорошие стихи?

Почитай человека надежного, на которого
можно опереться,
держишься подальше от тех, кто продает стихи,
берет вещи.

В большой толпе, понимающих слов, людей-то мало.
В таких местах, говоря слово, не будь посмешищем.
Один так поносит, другие по-другому глумят.
ведь выслушать полностью слово не может казах
/нет казах/.

Шертанбай, вместе Дулатом Бухар-жырау
/поэт-певец-коллежистор/,
все песни у них в заплатах, все из лоскутов.
Ох, душе /вселенная/, если бы был человек
понимающий слово,
только ведь всюду и везде видны недостатки.

Макоут мой хотел слово дать /разъяснить/
разбросать искусство /щедро раскидать/
Оставив душу невежды, /забыв о душе/ хочет
открыть глаза ему.

Хочется, чтобы думающие дожилы взяли пример
/в образце/,
ведь в шутках веселье нет мысли /чем гнуть
попусту/.

Подстрочный перевод
Бахытжана Машиш-улы

Родич умрет у кого, траур по нем глубок:
Сердца в родной груди кровоточит клубок.
Слезы тогда текут горестною рекой...
Разве не песня в русло скорбный введет поток?

Дочери дав жениха, устраивай свадебный той;
Проводы справь: склонны люди к забаве той...
Чти бет-ашар и жар-жар*, за обрядом верши обряд;
Разве без песни сверкнет кынаменде красотой?..

Сын ли родился, — всю ночь длится шильдекана.
Звонкая песня и здесь — желаннейший гость она!
Не отрекайся от притч и от бийских пословиц ты:
Много достойного нам сберегла старина.

В мир ли приходишь ты, песня встречает в дверях...
В землю ль отходишь ты, песня напутствует прах...
В радости каждой твоей пестует песня тебя.
Вдумайся в то, не скользи поверху, вертопрах!

Часто не только что петь, не умеешь внять голосам,
А иногда и поешь — да не чувствуешь песни сам.
Смолкнуть ли и другим в угоду твоей глухоте?
Что же артачишься ты, мешая упрямством нам?

Из драгоценнейших слов мастера заплетают стих;
Все обаянье стиха — в сочетаньи уместном их.
Если ж и мысль верна, и певучи слова,
Кто их отвергнуть дерзнет, кто ополчится на них?

Слов не почувствует, знай, пресыщенный олух-богач.
Льнет к вдохновенному тот, кто душой от рожденья зряч!
Но и ценителю все ж не навязывай песни ты,
Пристальный час улучи и до времени пыл свой прячь.

От подношений себя и от всяких даров отреши:
Песня — сама по себе воздаяние для души.

---

* Бет-ашар, жар-жар, кынаменде, шильдекана — названия свадебных песен и обрядов, празднество рождения дитя (М А)

Только достойных любя, неустанно следи, певец,
Чтобы не могли замутить песню твою торгаши.

Истых ценителей ты в разношерстной толпе не найдешь.
Лучше молчать пред людьми, чем посмешищем сделаться все ж.
Песне внимала ль когда благоговейно толпа?
Ей бы судить да рядить, перекрестный подняв галдеж.

Вот погляди: Шортанбай, и Бухар, и Дулат* ..
Сколько в стихах лоскутков, и пустот, и заплат!
Кто, если бы люди и впрямь понимали в искусстве толк,
Не укорил бы стиха, что изъянами столь богат?

Истины сеять зерно я хочу и крылить язык,
Чтобы не только в глаза, но и в души чтоб свет проник.
Пусть же берет молодежь достойный пример с того,
Кто не унизит стиха, кто в нем высшую мудрость постиг.

Перевод Л. Руст

---

* Имена поэтов, предшественников Абая (М А)

Если умер близкий — скорбен человек,
Сердце злой утратой ранено навек.
Почему ж он в песню облакает боль,
Жемчуг слез роняя с увлажненных век?

Свадьба — женят сына, дочку отдают —
Радуются люди, от души поют.
Сколько есть обрядов: беташар, жар-жар —
Разве мы без песен обойдемся тут?

Родился младенец — пир, шилдехана,
И ночами песня звонкая слышна,
Вспомни поговорок звонкие стихи —
В песне мудрость предков нам сохранена.

Двери в мир открыла песня для тебя.
Песня провожает в землю прах, скорбя
Песня — вечный спутник радости земли.
Так внимай ей чутко и цени, любя!

Если не откроешь ей любовно слух,
Если не постигнешь сокровенный дух, —
Не споешь ты песню, не поймешь ее,
Но молчать ли песне, если ты к ней глух?

Стих — узор словесный, стих — что кружева,
Пригнанные тесно, в нем поют слова.
Если слово звучно, если мысль верна, —
Не отвергнуть песни, песня век жива!

Слово не взволнует сытого глупца.
Видят мудрость только зрячие сердца.
Но и тем, кто ценит слово, песню пой
В час, когда открыты души для певца.

Не проси за песню денег и наград:
Ты ж, пропевший песню, не понес утрат!
Продающих песню дальше обходи, —
Песню пой пред теми, кто ей сердцем рад.

Средь толпы немного ты найдешь таких.
Ты не отдавай ей на потеху стих:
Отвернется вскоре для других забав, —
Мало кто услышит мудрость слов таких.

Шортанбай, Бухар-жырау и Дулат...
Песни их — обноски из сплошных заплат.
О, когда б нашелся хоть один знаток, —
Вмиг изъяны б эти обнаружил взгляд!

Мастерство и правда — в этом цель певца,
Чтоб раскрыть не только очи, но сердца,
Дать примеры юным, просветить невежд.
Даже нет и в мыслях — забавлять глупца!

Перевод П. Карабана

Уйдет ли близкий — скорбь заточит,
Смерть видевшее сердце — кровоточит.
Не унимая слез, живем и плачем,
Зачем-то горечь мы на песни ладим?

Зятя бери, дочь отдавай, свадьбы играй,
Невесту представь — лучшим народ привечай.
Все по порядку: жар-жар, беташар,
Без песен цветок распухнет ль, ай?

Дитя родится, буду празднеств ждать,
На пире этом будут петь, плясать.
Оставшийся узор от прошлых поколений,
Попробуй биев в них реченья распознать.

Рожденному дверь мира песня открывает,
И песня прах твой в землю провожает.
Все связано по жизни с песней,
Не суепись и вдумайся — ей все внимает.

Не то чтоб петь, постигнуть невозможно,
Запев всю мощь не сможешь донести.
Не петь, лишь потому что ты не знаешь,
Уже напыжился, зачем все отвергаешь?

Слова и мысли — украшение речи,
Стихи и песни украшают встречи.
Коль смысл есть — и слово сладко,
Хоть этому в ум не придет перечить?

Для сытого невежды слово звук пустой,
Лишь сердцем зрячему его открой.
Но даже до конца постигшим слово,
Язык свой придержи, всеу не беспокой.

Даров не жаждай, а дают — беги,
Не потеряешь, коль прочтешь стихи.
Ты благородным отдавай почтенье,
Продавших стих, на веру не бери.

В толпе немногие воспримут слово,
Посмешищем невольно станешь снова.
Одни посмотрят так, другие по иному,
Чтоб выслушал казах все – нет такого.

Шортанбай, с Дулатом Бухар-жырау певец,
Из лоскутьев их песни – где начало? Конец?
Слово знающий, о мирозданье, был бы один,
Лишь изъянов одних виден кругом венец!

Максут мой – нес слово, искусство дарил,
Про душу пустую, глаза открывая невеждам, забыл.
Хочется, чтоб молодые взяли его в пример,
В глупом веселье пустом кто ж себя сотворил?

Перевод М. Адибаева

1892

Не іздейсің, көңілім, не іздеуісің?
Босқа әуре қылмай, шыныңды айт
Шарқ ұрып, тыныштық бермейсің,
Сырласалық, бермен қайт

Абұйыр, атақ сол жанда,
Кімді көп жұрт мақтаса
Ол мақтаудан не пайда,
Көп мақтауын таппаса?

Көп тәңірі атқан мақтай ма,
Ол тәңірі атқан болмаса?
Жоқты-барды шатпай ма,
Көптің өзі оңбаса?

Мақтау — жел сөз жанға қас,
Қошеметшіл шығарған
Бір мақтаса боқтамас
Ел табылса, құмарлан

Жұрттың бәрі сөз сатқан,
Сатып алып не керек?
Екі сөзді тәңірі атқан —
Шыр айналған дөңгелек

Сатып алма, сөз сатса,
Ол асылды аңдамас
Бләткенің байы — ақша,
Ер жақсысын таңдамас

Мен мақтанның құлы емес,
Шын ақылға зорлық жоқ
Антұрған көп пұл емес,
Өлім барда қорлық жоқ

Өмір, дүние дегенің,
Ағып жатқан су екен
Жақсы-жаман көргенің,
Ойлай берсең, у екен

Чего ты ищешь, душа, чего ты ищешь?
 Не ввергая в заботы, выскажись прямо?
 Метаясь, не даешь мне покоя,
 Давай поговорим, иди сюда.

Достоинство и слава имеютя у того человека,
 Кого хвалят больше народу.
 Что толку от этой похвалы,
 Если толпа неправильно хвалят.

Проклятая Богом толпа разве будет хвалять,
 Если она не проклята Богом.
 С чего ей не судачить о том, о сем,
 Когда она и сама негодуйка.

Похвала – пустословие противное человеку,
 Прудыка подлиз-подхалимов.
 Если найдется народ, который раз похвалив,
 Не будет ругать, возрадуйся.

Если люди продают свое слово,
 Зачем покупать?
 Негодай говорящий то так, то этак
 Подобен безумно вертящемуся колесу.

Не покупай, если тебе продают слово,
Не приметит такой благородного.
Упроститутки муж — деньги,
Не будет она выбирать лучшего среди достойных.

И не радъ похвами,
Настоящий разум выше насилия.
Проклятая толпа ничего не стоит,
Лучше смерть, чем унижение.

То, что называется жизнью или миром,
Оказывается, как протекающая вода.
Все, что увидел в жизни плохого или хорошего,
Если призадуматься, не что иное, как яд.

Подстрочный перевод
А. Кодаира

* * *

Душа! Чего ты ищешь? Что с тобою?
Не нужно мучить, правду мне скажи!
Ты постоянной занята борьбою,
Давай поговорим, забыв о лжи.

Толпою честь и слава нам даются,
Но разве так нужны дары толпы?
Ведь ей недолго вовсе обмануться —
Ужели нам зависеть от толпы?

И разве ты дождешься от негодных
Хвалы тому, кто сохраняет честь?
Толпа порочных и неблагородных
Лишь мелет вздор и злым сплетает лесь.

У нас хвала звучит какой-то бранью,
Она — льстецов нахальных торжество.
Когда народ отыщешь постоянный
В своей хвале — ты полюби его.

Словами все торгуют в суматохе,
Кто купит их? Ведь пользы нет в таких.
Двуличные, коварные пройдохи —
Гляди, гляди, гляди, как много их!

Продажных слов не покупай, иначе
Получишь ты одну лишь дрянь;
Блудницы ищут мужа побогаче,
У них меж злом и благом стерта грань.

Рабом хвалы я никогда не буду,
Признание ум и так себе найдет:
Пускай пустые люди есть повсюду,
Но смерть ломает унижения гнет.

Перевод А. Штейнберга

Что ты ждешь, душа, что ты ищешь?
Беспокойно вести жизнь такую?
Все стремишься куда-то, все рыщешь...
Сядь-ка рядом, дружок — потолкуем.

Лишь о ком зашумят без умолку —
Глядь — и слава бежит повсеместно.
Но от этой хвалы много ль толку,
Коль причина ее неизвестна?

Не помянет глупца добрым словом
Тот, кто разум имеет в запасе.
Справедливым внимай да толковым —
Вот и станет глупец не опасен.

Восхваленья льстеца все лукавы,
И душе есть в них польза едва ли.
Добиваются многие славы,
Чтобы больше уж их не ругали.

Все продажно — и слово, и дело, —
Покупать не спеши — жди подвоха.
Кривда вновь колесо завертела,
И в чести у ней лжец и пройдоха.

Коль продажны слова, то к чему же
Покупать их. А так ведь бывает,
И продажная женщина мужем
Лишь того, кто ей платит, считает.

Никогда меня лесть не прельщала,
Как меня бы порой ни хвалили.
От глупцов на земле толку мало,
Смерть придет — станут все горстью пыли.

Жизнь, богатство и почести эти
Как вода утекают лукаво.
И в плохом, и в хорошем на свете,
Коль подумать — одна лишь отрава.

Перевод М. Касаткина

О чем душа моя томишься?
Скажи и зря не беспокой.
Чего ты ждешь, куда стремишься?
Давай поговорим с тобой.

Есть честь и слава, и свобода
У тех, кто возлюбим толпой.
Но без признания народа
Прок в этом, право, небольшой.

Хвала — небожеское слово,
Придумка лести, звук пустой.
Найдешь ли среди людей такого,
Чтоб не сплетал хвалу с хулой?

И чтоб хвалить сердца убогим,
Как не убогие сердца!
Толпа, как проклятая Богом,
Шумит, и нет тому конца.

Толпа купить-продать готова,
Лишь только было что по чем.
У окаянного два слова —
Их так и вертит колесом.

Продажных слов тебе не нужно,
На них не купишь бытие.
Деньга для шлюхи — вроде мужа,
Достойный муж не для нее.

Я сам не раб хвалы словесной.
Тьма не осилит ум и свет.
Будь проклят человек бесчестный!
Пока есть смерть, позора нет.

Благие годы на просторе.
Как воды пенятся, шумят.
В былом все радости и горе,
Когда задумаешься, — ад.

Что ищешь, душа, кого ищешь?
Не мучай, всю правду скажи.
То рвешься, то бьешься, трепещешь,
Поверимся тайной, вернись.

Какая честь и званье в том,
Кого толпа так восхваляет?
Какая польза в той хвальбе,
Когда народ не прославляет?

Похвалит ли тебя изгой,
Коль он Всевышним отлучен?
Не те ли проклятой толпой,
Болтают попадая о чем?

Хвала – враг слова и души,
Ее придумали льстецы.
Кто истинно тебе воздаст,
Того всем сердцем возлюби.

Торговцев словом тьмы, толпа,
Кому же покупать слова?
Их даже Бог не приберет,
Без чести кружат и стыда.

Продажных слов не покупай,
Их драгоценность не поймут.
Біләткенің байы - ақша*
Не выберет достойного она.

Не раб бахвальства я,
Высокий ум насиловать нельзя.
Где смерть – позора нет,
Клятвоотступники не стоят и гроша.

---

* Бляди. блудницы муж-хозяин – деньги (прямое заимствование Абаем буквально адаптируется в структуру казахской грамматики придавая фразе, образу необыкновенную экспрессию и точность) (М А)

Богатство – жизни мишура,
Водою быстрой утечет.
Все видел, мысли – яд,
Задумался, предъявят счет.

Перевод М. Адибаева

* * *

*Жүрегім, ойбай, соқпа енді!
Бола берме тым күлкі.
Көрмейсің бе, тоқта енді,
Кімге сенсең, сол – шикі.*

*Жетім қозы – тас бауыр,
Түңілер де отығар.
Сорлы жүрек мұнша ауыр,
Неге қатты соқтығар?*

*Сенісерге жан таба алмай,
Сенделеді ет жүрек.
Тірілікте бір қана алмай,
Бұл не деген тентірек?*

*Жоқ деп едің керегің,
Топ жиып ең бір бөлек.
Кезек келер демедің,
Ендігі керек қай керек?*

Сердце, не бойся, приостановись!
 Стало ты посмешищем, пойми.
 Не видишь разве, не бойся,
 Кому доверился — подлецami стали все.

Душенька сиротливый — бьет (ища мать),
 Бьет — щиплет сочную траву.
 Сердце, куда ты торопишься так,
 Что тебя заставляет стучать сильнее?

Верность ты искало повсюду,
 Не нашли — пролило слезы.
 Не насытилось дружбой ни разу
 И бродишь, как заблудший эгипетск.

Мной ты пренебрегало, не хватило,
 Искало приюта в бездушной толпе.
 Не знало ты, что настанет и мой час.
 Теперь я нужен тебе? А зачем?

Подстрочный перевод
 С. Мелубаева

* * *

О сердце мое, замри, застынь!
Не нашлось приюта для нас.
Зачем трепетало и билось ты,
Обманутое столько раз?

Утихнет и примется травку щипать
Одинокий ягненок-малыш.
А ты, мое сердце, томишься опять,
Тоскуя, стучишь и стучишь.

Приветить — кругом никого не нашлось
Никого не нашлось — прильнуть,
Зачем же ты, сердце, бродячий пес,
Опять порываешься в путь?

Ты вольною волей хотело пожить.
Зачем тебе нужен я?
О сердце мое, игрушка лжи,
Напрасная мука моя!

Перевод Л. Нечая

* * *

О сердце, не стучись ты в грудь,
Для них посмешищем не будь.
Остановись! Гляди — сумели
Доверчивое обмануть.

Ягненок, матку оттолкнуть
Решив, травы не смог щипнуть.
Так почему такая тяжесть?
Зачем же в сердце грусть и жуть?

Души мне друга не вернуть,
В страданиях сердцу не уснуть.
Ты, сердце, не достигло цели,
Так дай себе передохнуть.

Ты выбрало отдельный путь,
Само искало жизни суть.
Но дни иные прилетели —
Ты поиски свои забудь!

Перевод М. Луконина

* * *

Сердце, не бейся тяжело в груди!
Стало для них ты смешным, пойми.
На прежних друзей своих погляди:
Можно ль назвать их людьми?

Блеет ягненок, зовет к себе мать,
Но стихнет — и снова щипает порей.
Сердце, куда ты рвешься опять,
Чаще стучишь и сильней?

Верности тщетно жаждало ты
И много пролило горьких слез —
Что же опять, среди темноты,
Бродишь как брошенный пес?

Мной помыкало ты — помнишь? — всегда,
Бросить хотело меня совсем:
Скоро придет моя черед...
Нужен тебе я... зачем?

Перевод М. Касаткина

* * *

Не бойся сердце, чересчур,
Будь общей долей живо.
Несовершенен мир и хмур,
Все в этом мире лживо.

Ягненок, потерявший мать,
Опять в траве пасется.
Не надо сердце надрывать —
Пускай нормально бьется.

Чего же, сердце, ищешь ты
В тревоге неумной?
Куда средь этой немоты
Бредешь, как пес бездомный?

Нет ныне в верности нужды,
Ты ничему не радо.
Среди тревоги и вражды
Что еще тебе надо?

Перевод М. Дудина

* * *

Боже, сердце, не бейся!
Посмешищем не будь толпы.
Все смерды те кому доверился,
Остановись, ослепло ты!

У сироты ягненка – сердце камень,
Теряет веру, но пасется.
О, бедное, какая тяжесть,
Зачем оно так сильно бьется?

Довериться я не найду кому,
И сердце не находит места.
И жизнью не насытиться вовек,
И цели нет, что за бессмыслица?

Говорил, что нет нужного, собирая доверенный круг,
И не думал, что вдруг твой настанет черед.
А когда наступил, ты в смятении стоишь,
Нужен ль этот черед, этот час что пробил?

Перевод М. Адибаева

1894

Әсемпаз болма әр неге,
Өнерпаз болсаң, арқалан.
Сен де – бір кірпіш, дүниеге
Кетігін тап та, бар қалан!

Қайрат пен ақыл жол табар,
Қашқанға да, қуғанға.
Әділет, шапқат* кімде бар,
Сол жарасар туганға.

Бастапқы екеу соңғысыз
Біте қалса қазаққа,
Алдың – жалын, артың – мұз,
Барар едің қай жаққа?

Пайданы көрсең бас ұрып,
Мақтанды іздеп, қайғы алма.
Мініңді ұрлап жасырып,
Майданға түспей бәйгі алма.

Өзіңде бармен көзге ұрып,
Артылам деме өзгеден.
Күндестігін қоздырып,
Азапқа қалма езбеден.

Ақырын жүріп, анық бас,
Еңбегің кетпес далаға.
Ұстадтық** қылған жалықпас
Үйретуден балаға.

---

* Шапқат, шәфхат (арабша) – شَفَاعَةٌ – аяу, рахым ету.

** Ұстад, өстад (парсыша) – اُستاد – 1) үйретуші, оқытушы, тәрбиеші;
2) ұста; 3) профессор.

Форма: традиционный восьмисложник
с рифмой АБАБ

*Не рисуйся попусту,¹
Еси талантлив — опоры найди²
И ты веде — киртич в широзданни,
Найди в нем зазор и определись³*

*Днерица и раззи откромот путь
И убегающему, и настагающему.
Справедливость и благоразумие
Украшаюот пришедшего в мир.*

*Еси первые два /достижения/ без последних
Варур выпадут на долго казага,
Впереди тебя — огонь, позади — лед —
В какую сторону б ты подался?*

*Коль корысть узрел, не набрасывайся
Поквал ища, не огорчай себя зря.⁴*

¹ Оттенки: “Не увлекайся внешним лоском”, “Не прихорашивайся зазря”, “Не увлекайся внешней красотой”, “Не поддавайся разным соблазнам”.

² Вар.: “коль искусен — воодушевись”.

³ Т.е. “ложись на это место” или “определи свое место в кладке”.

⁴ Вар.: “не ввергай себя в печаль”, “не обрекай себя на печаль”.

⁵ Букв.: “крадя, скрывая свои огрехи”.

⁶ Смысл “не сражаясь, приз не бери”.

*Утаивая свои недостатки⁵,
Не выйдя на поле битвы, наград не бери⁶.*

*Тем, что имеешь, бросаешь в глаза,⁷
Не стремишься быть выше других,
Возбуждая зависть /иных/,
Не обречай себя на муки.⁸*

*Медленно иди, но твердо ступай,
Труд твой будет не напрасным.⁹
Кто наставничает, тому не в тягость¹⁰
Учить молодых.*

*Подстрочный перевод и примечания
Белогера*

---

⁵ Смысл. “Подчеркивая то, что имеешь /чем обладаешь/, не стремись брать верх над другими /не добивайся превосходства/.

⁶ Вар.: “Не мучай себя, отстав от ничтожных”.

⁹ Вар. “усердие твое не пропадет”.

¹⁰ Смысл: “кто наставничает, тому не наскутит учить детей”.

* * *

Будь разборчив в пути своем;
Если ты талантлив — гордись
И надежным лишь кирпичом
В стену строящуюся ложись.

Убегающий — видит путь,
Догоняющий — вслед спешит.
Воля с разумом их ведут.
Справедливость — вот свет души.

Если воля есть, ум живет.
Доброты же и правды нет, —
Впереди огонь, зади лед,
И никак не уйти от бед.

Удержи корысти порыв,
Похвалы не ищи — смотри,
Недостатки искусно скрыв,
Лишь в борьбе победу бери.

Волю дав хвастовства словам,
Не мечтай других превзойти.
Возбуждая зависть, и сам
Оступиться можешь в пути.

Тверже ногу, шагай смелей, —
И тогда не погибнет труд.
Речи тех, кто учит детей,
Как зерно, в земле прорастут.

Перевод Вс. Рождественского

* * *

Не упивайся праздной красотой,
Талант — от Бога, в нем ищи опору,
Господний замысел открой,
И миру ты придешься в пору.

И пылкий разум указывает путь,
Не потерявшему надежды,
Пусть справедливость и любовь
Откроют сомкнутые вежды.

Пусть справедливость и любовь
На долю выпадут казаха —
Куда б судьба не повела,
С тобой всегда рука Аллаха.

Не наживайся на беде,
Награды добывая в битвах,
Похвал не жди, ибо оне —
Тщеславия зыбкая обитель.

Тем, что имеешь — дорожи,
Быть выше всех — пустая слава,
Не унижай своей души —
Глупцам ни в чем не потакая.

Путь долог, но уверен шаг,
Дела не могут быть напрасны,
Когда б хотя один прекрасный
Взрастишь в пустыне этой сад.

Перевод М. Адибаева

1895

ӘБДІРАХМАННЫҢ ӘЙЕЛІ МАҒЫШҚА АБАЙ ШЫҒАРЫП БЕРГЕН ЖОҚТАУ

*Айналайын, құдай-ау,
Қапалық салдың жасымнан.
Шешенің зарын тарттырдың
Бес жасымда басымнан.
Сөйлемей пенде шыдамас
Қайғы отына ашынған.
Жарымды көрмей неше жыл,
Қапалықты асырған.
Жарымды алып қор қылдың
Жас өмірде тасынған.
Айырып, от қып өртедің,
Әбиш сынды асылдан.
Әбишти алып күл қылдың,
Қызылды гүлді жасылдан.
Тым болмаса қызмет қып,
Өткізбедім қасымнан.*

*Жиырма екі жасымда
Мен айрылдым жарымнан.
Жарық сәуле көрмедім
Шыққалы ана қарнымнан.
Күйік күшті түскен соң,
Кетеді екен сабырдан.
Қызықты күнім қалмады
Жылаған айтып зарымнан.
Көре алмай зар боп айырылдым
Құдай қосқан жарымнан.
Өзгеше болып жаралған,
Таныған жан қалпынан.
Тілеуді кесіп құдайым,
Зарлатып қойды артынан.*

*Құдай салды жүрекке
Жалғанда бітпес жараны.
Көре алмай қор боп қалған соң,
Кете ме іштен арманы?
Сәулемді құдай алған соң,
Сарнамасқа шара не?*

*Кез келтірді құдайым
Құтылмас маған дараны.
Қалқамды алып, құдайым,
Басыма салдың қараны,
Өзі түгіл көрмедім,
Ізі жоқ басқан табаны.
Күйдіріп, құдай алмады,
Пенденің құрыр амалы.*

*Қылығыңа жете алман,
Қаншалық тілмен айтқанмен.
Басыңа құдай беріпті
Өлшеусіз қылып ақылын.*

*Сабыр мен талап беріпті,
Ақылың, рахымың қиын-ды.
Өткен күнгі қызығым
Ұйықтап көрген түстен кем.
Қараңғы түнде қапалық
Жүректі басты, шықпас күн.
Қолдан келген қайратым –
Барымды айтып шыққан үн.
Көңілімнің күні өшкен соң,
Қайғылы қара болар түн.*

*Жыламай пенде шыдамас,
Қарағымды алған соң.
Сағынып көрген қызықты
Көре алмай зарлап қалған соң.
Ашадың, алла, қабақты,
Қылмадың қабыл тілекті,
Өле алмай шыдап отырмын
Зор құдайым салған соң.*

*Шықтым ба деп ем, құдай-ау,
Қызықты күннің шетіне.
Өшірмек алла болған соң,
Пенденің қоймас еркіне.
Өлмектен басқа дауа жоқ
Алланың салған дертіне.
Құтылмас құл жол таппас*

Иенің салған өртіне.

*Жалтыр құздан құладым,
Қолымнан кетіп сүйеніш.
Көңілімні? күні өшкен соң,
Жалғанда болмас жұбаныш.
Өмірді ылдың, құдайым,
Қызығы жоқ күйініш.
Үмітсіз өмір бітірді
Жүрекке мұз боп ерімес.*

*Өзгеше болып жаралған
Айырылдым қалқам жарымнан.
Сол қалқамды қоймаған
Замана неткен тар еді?
Жасымнан өтті демегің,
Күн шыққандай қараңғы
Кешегі түннің жарығы.*

*Сабыр қылып шыдарға,
Қайғы оты асты күшімнен.
Қызықты күнім қалмады
Әбішті көрген түсімнен.
Сағыныш зарын білдірмей
Жүруші едім ішімнен.
Қылығың, қалқам, кетер ме
Жалғанда менің ойымнан?*

*Сағынсам да алыстан,
Жүруші ем күнше жылынып.
Қызықтың заңғар басынан
Қорлыққа кеттім жығылып.
Құдай қосқан қосақтан
Жалғанда қалдым жырылып.
Қайғыңда қалдым қамалып,
Қызығым кетті сырылып.*

*Көре алмай қалдым қалқамның
Дәл екі жыл қызығын.
Жүректегі жазылмай,
Тағдырдың салдың сызығын.*

Өмірдің, алла, беріңсің
Күнде өртерлік шыжығын
Баяны жоқ, байлаусыз,
Тілекте жоқ бұзығын.

Сағынсам да үміт бар,
Болушы еді қуаныш.
Қалқамнан қалдым қарс ұрып,
Қайткенде болар жұбаныш?
Алла берген арманға
Аһ ұрсам болмас алданыш.
Сабыр, тағат қылуға,
Қоймады күйк бойыма ес.
Әбіш сынды жарымнан,
Айырылған соң барымнан,
Жалғанда болмас жұбаныш!

Пояснение: “Тяжелым испытанием для Абая явились болезнь и смерть его сына Абдрахмана, который окончил Михайловское артиллерийское училище в Петербурге и служил поручиком артиллерии в Верном. Свои переживания, связанные с болезнью и смертью сына (он скончался от туберкулеза легких в 1895 г.), Абай воплотил в стихах, составивших особый цикл”.

(М.С. Сильченко. Творческая биография Абая.
А-Ата, изд. АН КазССР, С. 183.)

На смерть Абдрахмана

Ритуальный плач-жоктау, сочиненный Абаем для жены
Абдрахмана Магыш

Форма: традиционный семи-восьмисложник с формой
рифмовки “АБВВГБДБ”, хотя рифмы соблюдаются не строго,
в стиле казахского фольклора.

* * *

*О, милостивый создатель,¹
С детства ввергнул меня в печаль.²
Из горечи испить заставил,³
Матери лишив в пять лет.
Смертный умолчать бессилем,
Огнем горя спаленный.⁴
Любимого⁵ не видя столько лет,
В смятении моя душа.
Унизил, любимого забрав,*

¹ Вар “О, боже, мой милый”

² Вар “С малых лет обрушил горе”

³ Вар “обрек на муку”

⁴ Оттенок “в огне горя отчаявшись”

⁵ Желанного, возлюбленного, супруга

Погасив радость юных лет.¹
В огне сжигаешь, разлучив
С драгоценностью по имени Абхи.²
Васрав Абхиша, испепели
Цветок жизни прекраснотивный.
Хотя бы, супруга ему,
Не смогла в путь последний сама отправить.

В двадцать два года
Я лишилась возлюбленного,
Света белого невзвидела³
Как выщипа из лона матери.
Когда скорбь одолевает,
Лишаешься поддержки-терпенья.
Не осталось радостных мне дней,
Доля моя – скорбь и плач,
Не надеждавши, я лишилась
Богом данного супруга.
Особым сотворен он был,
Метой избранника отмечен.
Бог, обрвав дязниш нить,
Неутешной меня оставил.⁴

---

¹ Оттенюк: “В юной жизни бурлившего-переливавшего через край”.

² Ласкательная форма имени Абдрахман.

³ Букв.: “Светлого луча не видели”.

⁴ Вар.: “скорбеть заставил по нему”.

Нанес создателю в сердце мне
Незаживающую в жизни рану.
Не суждено его мне видеть —
Разве развеется блях души?
Амбившись светлого луча —
Разве могу не причитать я?¹
ты уготовил мне, Творец,
Удел безвыходный, несчастный.
Суженого моего забрав,
Черным голову покрыв мне.²
Не только его — но и следов
Не дано было мне увидеть.
Нестесно наказание божье,
Бессилен смертный перед карой.

Всех достоинств твоих я
Не смогу словами выразить.
Одарил тебя создателем
Щедро разума несметным.
Дал терпенье и стремленье,
Отвечил умом, милосердием.
Все радости прошлых дней
Дивными снами мне померещимся.

---

¹ Вар.: “не вынуждена ль заунывно плакать?”.

² “Обрушил горе мне на голову”.

Горечь черной ночи
Обратила сердце — уж день не взойдет.
Голос горечи безмерной —
Все, на что я еще способна.
Когда утас день души моей —
Обрушилась ночь скороби черной.

Нет утешенья мне, несчастной,
Возлюбленного лишеньной!¹
Незанной радости не изведавшей,
В тоску-печаль погруженной.
Насутили брови ты, всевышний,
Не внял мольбам моим, жаланиям,
Умереть готовая, терпимо я,
Покорная веле Творца могучего.
Мне мнилось: дожила я, божь,
До дней своих благословенных.
Но коль на то нет аллага воми,
Безваген уповать раб божий.
Нет выхода, пошломо смерти,
Если хворь навлек создатель.
Пути не смещет обреченный
Из вселенского огня господнего.

---

¹ Точнее “Раба божья не утешится, Уж коль лишили ее зрачка глаз”.

С голого утеса я рухнула,
Выскользнула опора из рук.
Демь души моей потух,
Нет мне в мире утешенья.
Ты жизнь мою, о Боже, сделал
Безрадостной и беспросветной.
Безнадежностью в моем сердце
Льдом нетающими намерзла.
Сотворенного особенными
Супруга верного лишилась я.
Моего любимого не пощадивший
До чего же скучен этот мир?!
Обернулась тоска воши —
Будто черный день взошел.
Свет прошлых ночей
Взывает к терпелиго рассудок.
Огонь горя превышает моих сил,
Не осталось радостей других,
Кроме слов о моем Адыше.
Тоску несодошную о нем
Я в душе от глаз чужих скрывала.
Поступки-выходки твои, мой милый,
Разве я смогу забыть на этом свете?
Тоскуя по тебе вдаль,
Я созревалась, как на солныце,

С вершины радостей высоких
Вшиг сорвалась я в унизенье.
От сопряженной Богом пары
Я оказалась стлупченной,
В плену печам ослупчилась,
Все радости меня покинули.

Не изведала любимого ласк
Двух целых долгих лет.
Неизгладимую в моем сердце
Оставил ты судьбы стлупчину.
Жизнь, амаж, мне стлупчила
Каждодневно пожиратющий огонь,
Непостоянные, зыбкие
Души смятенной тлупные порывы.

Тоскую, я надежду питала
И в душе теплилась радость,
Вшиг лишилась я желанного,
Кто и как меня утешит?
Мечта, что мне внушили создатели,
Меня увлечь уже не может.¹
Как проявить терпенье, выдержку,

---

¹ Те “не может быть самоутешением, забавой”

*Как рассудка лишью горе?
Потерявшего всего на свете, —
Сутруга милого Абима
Нет на земле мне утешения!*

*Подстрочный перевод и примечания
Т. Беллера*

Создатель! Сколько горьких слез
Ты захотел мне ниспослать!
В младенчестве мне довелось
Оплакивать родную мать.

Огонь мне душу сжег дотла,
Мне этой боли не снести,
Я счастья столько лет ждала,
А ты пресек его пути.

Меня терпению ты учил,
А я еще так молода,
Теперь меня ты разлучил
С моим Абишем навсегда.

Увял красы моей цветок,
Сухой травой стала я.
Печали ты меня обрек.
Увы, вдовою стала я.

Мне только двадцать две весны,
А с милым я разлучена.
Нет, не были мне суждены
Безоблачные времена.

Огонь мою сжигает грудь,
Терпеть мучения невмочь,
Дней пролетевших не вернуть,
Печали горькой не помочь.

Души глубокой лишена,
Мечты высокой лишена,
Любви до срока лишена,
Быть одинокой я должна.

Не осушу отныне глаз,
Изранена душа моя:
Был не со мной он в смертный час,
С ним даже не простилась я.

Невысказанные слова
Теснят мне грудь. Я слезы лью.
Покуда я еще жива —
В слезах топлю тоску мою.

Творец! За что ты мне послал
Неизлечимую печаль?
Зачем туманом ты застлал
Земных дорог глухую даль?

Под черным покрывалом я
Бреду с поникшей головой.
У опустевшего жилья
Супруга след зарос травой.

Не передать мне вещей дум,
Которыми томился он,
Не описать высокий ум
И то, к чему стремился он.

С рожденья скромен, справедлив,
Был многодумен мой супруг.
Со всеми ровен, не кичлив —
Был так разумен верный друг.

Умчалось наше счастье прочь,
Пришел лихой беды черед.
На сердце скорбь сошла, как ночь,
А солнце больше не взойдет.

Все выплачу, все расскажу:
Пускай узнает целый свет,
Что я в глубокой тьме брожу,
Что солнца в мире больше нет.

Бежит река горючих слез.
Как мне ее остановить?
Ждала я счастья... Не пришлось
Гнездо в холодном мире свить.

Мы в мире только раз живем.
Зачем же стало так темно?

Жить с горькой долею вдвоем
Мне до могилы суждено.

Увы... я тщетно смерть зову,
Она не слышит, не идет,
Ужель не знает, что вдову
Отныне только горе ждет?!

Не вожделением томим
Мой дух, но нет душевных сил.
Ты дуновением одним
Надежды светоч погасил.

От смерти лишь спасенья жду,
Одна лишь смерть развеет тьму, —
Я исцеленья не найду
Мученью, горю моему.

Лечу с горы быстрее, быстрее,
Опору потеряв, лечу.
Погасло все в душе моей, —
Нет места светлому лучу.

Под черным солнцем я жила —
Так с детских лет мне суждено,
Мне с милым ночь была светла,
А нынче мне и днем темно.

Душой бескрылой не взлетишь,
Не жду я завтрашнего дня.
Как сон явился мне Абиш,
Как сон покинул он меня.

Разлуки час не вмоготу, —
Как вечную мне пережить?
Чем мне заполнить пустоту?
Чем раны сердца залечить?

И вдалеке от мест родных
Он, словно солнце, грел меня,
С вершины чаяний моих
Упала в бездну я, стена.

Все, что отрадой было мне,
Земной усладой было мне,
Зеленым садом было мне, —
Ушло... Жизнь адом стала мне.

Два года с ним мы жили врозь,
Два долгих года, полных тьмы!
И свикнуться нам не пришлось,
И вот уж разлучились мы.

За что, за что, создатель мой,
Ты землю превращаешь в ад?
Не ты ль нас одарил мечтой?
Чем бедный смертный виноват?

Безрадостно на свет гляжу,
Томит меня разлуки грусть.
Листком березовым дрожу,
Вот-вот и с веточки сорвусь.

Прощай навеки, радость дня,
Я утешенья не ищу.
Нет больше силы у меня,
Как жаворонок, трепещу.

В огонь метнусь — в огне сгорю,
А в воду — захлестнет вода,
Ничтожно то, что говорю,
Но велика моя беда.

Перевод В. Звягинцевой

Всевышний, Господи, Создатель!
За что Твоей десницы кара,
Яд горечи испить заставив,
Обрек на вечное страданье.
В пять лет я потеряла мать,
Огнем сжигается печали,
Бессильна, смертная, воспрять –
Желанного, лишил дыхания.
Скорбит невестка и вдова,
С любимым разлучив вначале,
Теперь – до старости печали,
О, как жестока ты – Судьба!
Душа униженно молчит,
Со мной ты, Господи, что сделал?
Какую я дала бы цену –
Абиш, любимый мой супруг,
С тобой уйти в последний круг.

В двадцать два – вдова,
Я лишилась возлюбленного,
Света белого невозвидела,
Ты на скорбь народил меня.
С детства матери отлученная,
На страдания обреченная,
Доля – плач моя и печали,
Не осталось мне дней венчальных.
Богом данного мне супруга,
Унесла злая стужа – вьюга.
Ненаглядный, ты избранник мой,
Сотворен был ты, словно свет зарёй,
Метой боговой с детства отмеченный,
Отобрал тебя в свою вечность Он.
Отобрал мою нить желанья,
Безутешна я, бездыханная.

Разбил Создатель сердце мне,
Незаживающею раной
Душа зияет. В пустоте
Не суждено увидеть мне

Лучистых глаз твоих сиянье.
Ты уготовил мне, Творец,
Удел безвыходный. Несчастной,
Покрывши голову платком,
Лишь причитать осталось мне,
И вспоминать твой образ ясный.
Жестоко божье наказание,
Бессилен смертный перед карой,
И я следы твои напрасно,
Ищу в пустыне безоглядной.

Всех достоинств твоих
Не смогу я в словах передать.
Щедро разумом светлым
Одарил тебя Бог.
Отличая умом, дал упорство
В стремлении к пути.
Милосердным терпением наделил
Твой, как вспышка, полет.
Дивным сном промелькнула,
Радость канувших дней.
Горечь черных ночей,
Разрывает нутро.
Голос скорби моей,
Отразившись от тысячи звезд,
Опрокинул весь мир —
Этот день мне, теперь, для чего?!

Нет утешенья мне, раба —
Лишенная зеница ока,
Когда возлюбленный далеко —
В тоску — печаль погружена.
Желанной радости изведать
Не довелось. Прости Господь.
Не внял мольбам Ты одинокой,
И только грозно супишь бровь.

Мне грезилося, что дожила я,
До дней своих благословенных.
Но если нет Господней воли,
Безволен уповать блаженный.

Нет выхода, помимо смерти,
Коль прогневили мы Аллаха.
Пути не сыщет обреченный,
Огонь вселенский — божья плаха.

Лишенная опоры рук,
Я рухнула с утеса вниз.
Угасший день души моей,
Над мраком пропасти повис.
Безрадостной и беспросветной
Ты сделал жизнь мою, Господь.
Льдом вечным охладилось сердце,
В нем поселилась только скорбь.

Супруга верного лишилась,
Второго больше не найдешь,
Любви моей не пощадил Ты,
Что в мире этом обретешь?!
Моя весна увяла вмиг —
День ясный превратился в ночь,
Рассудок теплит свет луны,
Той, первой — что волнует кровь.

Огонь печали душу жжет,
Мне сны остались об Абише,
Такою радостью грудь дышит,
Мой милый, снова ты идешь!
В душе от глаз чужих скрывала,
Тоску — печаль мою о нем,
Черты родные призывала —
Одним теперь живу я днем.

Тоскуя по тебе вдали,
Я согревалась надеждой,
С вершины радости блаженной
В такое вверхглась униженье —
Господь, врагам не приведи.
В плену печали и Судьбы,
Вмиг Птица счастья упорхнула,
Какие ж злые ветры дули,
Что божью пару развели?!..

Двух долгих лет любимого
Не знала ласк.
Неутихающей раной –
Покрыто сердце страшным шрамом,
Перечеркнувшей все Судьбы.
О, Боже, что осталось мне –
Смятенье, темные порывы?
Душа – в пылающем огне,
Терзают плоть мою надрывы.

Я так ждала – тоскуя и любя,
В груди теплилась радость встречи,
Но вмиг утратила дар речи,
Кто мне теперь вернет тебя?
Мечта, что мне внушил Господь,
Увлечь несчастную не сможет,
Кто, потерявшему рассудок и любовь,
Достойно в мире жить поможет?
Мне, потерявшей свет – надежду –
Супруга, милого Абиша,
Зачем теперь все блага свыше,
Нет на земле мне утешенья!

Перевод М. Адибаева

1897

Көк тұман — алдыңдағы келер заман,
Үмітті сәуле етіп көз көп қадалған.
Көп жылдар көп күнді айдап келе жатыр,
Сипат жоқ, сурет те жоқ, көзім талған.

Ол күндер - өткен күнмен бәрі бір бәс,
Келер, кетер, артына із қалдырмас.
Соның бірі — арнаулы таусыншақ күн,
Аргысын бір-ақ алла біледі рас.

Ақыл мен жан — мен өзім, тән — менікі,
“Мені” мен “менікінің” мағынасы — екі.
“Мен” өлмекке тағдыр жоқ әуел бастан,
“Менікі” өлсе өлсін, оған бекі.

Шырақтар, ынталарың “менікінде”,
Тән құмарын іздейсің күні-түнде.
Әділеттік, арлылық, махаббат пен —
Үй жолдасың қабірден әрі өткенде.

Малға сат, пайдаға сат қылығыңды,
Блайла ылай оймен тұнығыңды, —
Сонда өмірден алдамшы бола алмассың,
Ол білдірмей ұрламақ қызығыңды.

Адам гапыл* дүниені дер менікі,
Менікі деп жүргеннің бәрі оныкі.
Тән қалып, мал да қалып, жан кеткенде,
Сонда, ойла, болады не сенікі?

Мазлұмға** жаның ашып, ішің күйсін,
Харекет қыл, пайдасы көпке тисін.
Көптің қамын әуелден тәңірі ойлаған,
Мен сүйгенді сүйді деп иең сүйсін.

---

* Гапыл (арабша) — غافل — қапы қалу, баикамау

** Мазлұм (арабша) — مظلوم — зұлымдыққа ұшыраған адам

*Көптің бәрін көп деме, көп те бөлек,
Көп ит жеңіп көк итті күнде жемек.
Ғадәләт* пен мархамат** - көп азығы,
Қайда көрсең, болып бақ соған көмек.*

*Әркімнің мақсаты өз керегінде,
Біле алмадым нысығын, зерегін де.
Саяз жүзер сайқалдар гапыл қалар,
Хақиқат та, дін дағы тереңінде.*

---

* Ғадәләт (арабша) – عَدَالَةٌ – әділет, шындық.

** Мархамат (арабша) – مَرْحَمَةٌ – рақым, жақсылық, жаны ашушылық.

* * *

Сизый туман — грядущие времена,
Далеко вглядывались в надежду-луч глаза.
Многие годы вереницу дней погоняют,
Нет не черт, ни мика в них, измемогли глаза.

Те дни — ушедшие в небытие навсегда,
Прими, уйми, не оставив за собой след¹.
В каждом дне заложен извечный свой предел,
А что за ним — ведомо одному алмазу.

“Х” — разум и душа, “мое” есть плоть,
“Х” и “мое” — понятия разновеликие.
Для “я” судьбой предначертано бессмертие,
“Мое” обречено и пусть, с тем согласи².

Любозные, все ваши помыслы в “мое”,
Лишь уклад для плоти ищите и днем, и ночью.
Справедливости, совестливости и любви —
Три товарища твоих за чертой мощи.

Мир изменчивый человек “своим” считает,
Но все, что полагают “своим”, принадлежит ему³.

¹ Вар.: “Те дни равны ушедшим навсегда дням”.

² Точнее: “Ничего за собой не оставив”.

³ Вар.: “то не оспаривай”, “на том стой”, “с тем смири^{сь}”.

⁴ Т.е. Творцу, создателю. Иначе говоря, человек заблуждается, принимая за “е” то, что в сущности “Его”.

Когда останется и плоть, и скот¹, а душа стоиша,
Тогда подумай: что же это "ное"?

Униженному посочувствуй, пусть болят души²,
Твори добро, принеси людям пользу.
Создателем изначально заботимся о большинстве³,
Да помодит тебя Творец за любовь к тем,
кого модит он.

Не считай большинство единым, и оно — разное,
Много шавок, победив сивого пса⁴, терзает
его каждодневно.

Справедливость и милосердие — благо людей,
Где встретим их, скажи им подмогу.

Цель каждого — в мигнати побуждении,
Не смог я различить шустрыя⁵ и способныя⁶,
Трехводника на мелководье введут в смятение⁷,
И истина, и вера обитают в глубине.

Подстрочный перевод и примечания
Т. Белгера

¹ Синоним богатство

² Вар "пусть горит твоя душа"

³ О людях

⁴ В оригинале созвучно — көк ит (сивый пес) и көп ит (много собак, свора шавок), т е , сильная, но одинокая личность и толпа, единица и большинство

⁵ Синоним пройдохи, пробивалы, расторопные

⁶ Одаренных, талантливых, смысленых

⁷ Лицемеры, коварные искусители, что плывут по мелководью

Грядущее скрыто туманом от нас,
Надежды лучом озаряясь подчас.
Ты смотришь в упор: время гонит часы,
Безлики они – не порадуют глаз.

Подобно минувшим, грядущие дни
Приходят, уходят, друг другу сродни.
Меж них и тебе предназначенный срок,
Аллаху лишь зрима судьба искони.

“Я”, – разум промолвит. Плоть скажет – “Мое”,
Различно у плоти с душой бытие.
Бессмертное “я” никогда не умрет.
“Мое” – это только земное жилье.

Зачем же “моим” ты так жадно живешь?
Сладка тебе плотская краткая дрожь.
Добро, справедливость – вот наши друзья.
Могильный порог с ними перешагнешь.

Ты можешь за золото душу продать,
Грехом замутишь безупречную гладь,
Но жизнь твою радость похитит, поверь,
Коварнее жизни не сможешь ты стать.

Напрасно своим мыслит мир человек.
“Мое”, – это капля воды среди рек.
Подумай: что плоть и земное добро,
Коль дух оторвется от тела навек?!

Беспомощных лучше жалей и сирот,
Деяний твоих не испортится плод;
О людях заботился даже творец,
Полюбит тебя он, коль любишь народ.

Но помни: толпа и народ – не одно.
Есть люди и волки – уж так суждено.
Так будь справедливым, как истинный муж,
Коль сердце твое милосердья полно.

Всем смертным удача и благо нужны,
Но зло от добра отделить мы должны:
Пройдохи с невеждами сядут на мель,
Лишь вера и правда — на гребне волны.

Перевод В. Звягинцевой

Время — пряди тумана вдоль гребней гор.
Ты с надеждой глядишь в туманный простор,
Ты следишь за потоком безликих дней,
Вечной сменой их утомляя взор.

Дни — один в один, словно серая мгла,
Прилетят-улетят, расправив крыла;
Притаился меж них твой последний день,
Но узнать его в силах только аллах.

“Я” — душа и сознание, а плоть и кровь —
Оболочка души, их к смерти готовь.
Пусть бессмертна душа, но тело умрет,
Так терпи же, крепись и не прекословь!

Ищет плоть наслажденья ночью и днем,
Но какая же малость сокрыта в нем!
Совесь, правда, любовь — лишь к ним ты стремишь
До поры, как заснешь непробудным сном!

За богатство — собой придется платить,
За почет — клеветою душу мутить;
Не обманешь ты жизнь! Оборвет она
Все довольство твое, как прелую нить.

Человек полагает: весь мир его,
Но вселенной владеет лишь божество,
Людам плоть их и вещи принадлежат
Неотъемлемо, кроме них — ничего.

Жаркой жалостью к страждущим наделен,
Ты работай для блага людских племен!
За любовь к любимым созданиям творца
И тебя, словно сына, полюбит он.

Люди — разные, в каждом свой смысл и толк!
Помни это: пред сворой бессилен волк.
Милосердьем и правдой всех наделять,
Всем на помощь спешить — вот наш первый долг!

Кто хорош, кто плох? Не поймешь до конца.
Зачастую ложь прикрывает сердца.
Только плуты себя восхваляют вслух,
Истый праведник о себе - ни словца!

Перевод А. Штейнберга

Грядущее скрыто в тумане сплошном,
С надеждою ждущих глаз много кругом.
Пыль дней поднимая проносятся годы,
Не зная ни рода, ни вида ни в чем.

Дни эти, как те, что прошли навсегда,
Пройдут и уйдут, не оставив следа.
И где-то в чреде их настанет День Судный,
Всевышнему ведомо, где и когда.

Знай: *Я* — это разум, а тело — *Мое*,
В двух сущностях разных мы мирно живем.
Бесплотное *Я* изначально бессмертно,
Мое не спасти, не горюй же о нем.

Однако, вас жар обладанья влечет,
Вы радостям плоти теряете счет.
Но честь и любовь, справедливость и совесть,
За смерти порогом воздвигнут свой свод.

Продай хоть усердье свое ты за скот,
Хоть грязью скверни чистоту своих вод.
Не сможешь, ты, все же, быть призрачной жизни,
Все радости тихо она украдет.

Бесчестный весь мир почитает своим,
Владеет азарт присвоения им.
Но если душа отделится от тела,
Что толку в азарте? Он неутолим.

Имей состраданье к изведавшим крах
И людям служи, разбиваясь во прах.
За то, что любил ты любимое богом,
Возлюбит тебя благодарно Аллах.

Служи, да не всем. Не сливайся с толпой.
В толпе, что ни день, погибает изгой.
Добро, справедливость — основа сознанья.
Везде, где они, не пройди стороной.

Пусть кто-то проворней, а кто-то умней,
Но каждый охвачен заботой своей.
Прохвосты стараются зря в мелководьи,
И вера, и истина глубже морей.

Перевод А. Кодара

Грядущие лета — неведомый туман,
Надежды луч теряется в столетях,
Дней вереницы, годы — без следа
Развеет Время, как осенний ветер.

Те дни, ушедшие в небытие, как сон,
Как ненаписанные книг страницы,
Дарованных Творцом, как птицы —
Душе, оставшейся пустым гнездом.

“Я” — разум и душа, “Мое” — есть плоть.
“Я” и “Мое” — неравные понятия,
Для “Я” начертаны Всевышнего объятия,
“Мое” — лишь Время обмануть резон.

Все ваши помыслы устремлены в “Мое”
Услад для плоти ищите, шатаясь,
А справедливость, совесть и любовь —
Для вас страшнее чем обман и зависть.

И мир спешите запихнуть под пах,
“Своим” считая то, что Он дарует,
Но коли душу призовет Аллах,
“Мое” — останется, но пахнет дурно.

Так оглянись, что — не болит душа?!
Униженных и обделенных толпы.
Твори добро, дай страждущим тепла,
И станешь сам ты ближе к Богу.

Но и толпа бывает как беда.
Оскаленную алчною стаей,
Терзает, бьет до смерти вожака,
Я к милосердию взываю!

Как донести “Я” до “Мое”?!
Всевышний, путаясь в толпе и масках,
Как истину и веру сохранить,
Не потерявшись в греховодных плясках?!

1898

* * *

Қуаты оттай бұрқырап,
Үезінге* өлшеп тізілген.
Жаңбырлы жайдай сырқырап,
Көк бұлттан үзілген.

Қайран тіл, қайран сөз —
Наданға қадірсіз.

Тәуекел мен батыр ой
Өткір тілді найза етіп,
Сайысып-ақ бақты ғой,
Неше түрлі айла етіп.

Оянбай, қайран жұрт,
Ұялмай қал жым-жырт!

Ақылмен ойлап білген сөз
Бойыңа жұқпас, сырғанар.
Ынталы жүрек сезген сөз
Бар тамырды қуалар.

Ән салар, жатқа алар,
Түбінде құр қалар.

---

* Уәзін (арабша) — وَزْنٌ — өлшеуіш.

Бушующие, как огонь
Подобранные на подбор,
Словно струящийся в грозной дени-
мивель из-под облаков.
Могучий язык, добрые слова —
Тяжину вас не помять.

Риск и глубокая мысль,
Преобразив в суровые острый язык,
Сражались между собой,
Не жалея друг друга.
Не простуча темный лод,
Не стыдясь, в неведении!

Осмысленные ушом слова
Не заденут тебя, не взволнуют.
Услышанные чуткими сердцем слова
Взбодраят кровь, пройдут по жилам.
Ваукай, запоют,
Вател останутся ни с чем.

Подстрочный перевод
С. Миезбаева

* * *

О порыв души огневой,
Твой отточен и меток луч,
Словно молния перед грозой,
Что прорвалась из черных туч.
О язык мой, о пыл стихов,
Непонятен ты для глупцов!

Дерзновенных помыслов пыл
Превратил мой язык в копье,
Чтоб в бою он сил не щадил
И явил искусство свое.
Но по-прежнему спит народ,
И ничто его не проймет.

Слово, понятое умом,
Ускользает, как звук пустой,
Но по жилам течет огнем,
Коль берешь его всей душой.
Люди учат, поют мой стих,
Но он темен еще для них.

*Перевод
Вс. Рождественского*

* * *

Бушующее пламя –
Лавы ток,
Язык – как ураган,
Как бешеный поток.

В нем страсти взрыв и нежные слова,
Глупцу вас не понять, я знаю – никогда.

Лукавый ум и мысли глубина,
В великой битве тьмы – добра,
В сталь обратили жало языка –
Скрестили в битве два клинка.

Но не проснулся темный люд,
В невежестве позорных пут!

Холодный ум –
Словами равнодушие сеет,
Лишь сердца зов
Взволнует в жилах кровь.

Язык без сердца, что пустое эхо –
Как будто имя есть, но нет там человека.

Перевод М. Адибаева

* * *

*Сұм дүние тонап жатыр, ісің бар ма?
Баяғы күш, баяғы түсің бар ма?
Алды үміт, арты өкініш алдамышы өмір,
Желігін жерге тықпас кісің бар ма?!*

*Дәмі қайтпас, бұзылмас тәтті бар ма?
Бір бес күннің орны жоқ аптығарға.
Қай қызығы татиды қу өмірдің
Татуды араз, жақынды жат қыларға?*

*Ет жүрексіз ерніңнің айтпа сөзін,
Тіл үйренген нәпсінің қу мінезін.
Тілде сүйек, ерінде жиек бар ма,
Шымылдық боп көрсетпес шынның жүзін.*

* * *

Несчастное время крадёт, что за дело
Есть у тебя прежняя сила, прежний вид?
Впереди надежды, позади горечи, обманчивая жизнь,
Есть ли кто, кого бы ты не втоптала в землю?

Есть ли сладость, не теряющая вкуса и не портящаяся?
Нет места отчаянию на короткий срок.
Какая сладость несчастной жизни сможет стоять
Раздора между несчастной жизнью и отчуждённого
родных?

Не произноси глупых слов, слетающих с трусливых губ,
Сдерживай себя от привычных ошибок.
Разве есть у языка кости, у губ — грани,
Которые могли бы заслонить вид на уютес?

Подстрочный перевод
С. Мусебаева

* * *

Проклятый мир обирает нас. Как поладить с ним?
Где былые силы твои? Ты стал иным!
В надежде горечь таится. Коварна жизнь!
А мы в своем злополучье других виним.

Любая радость твоя перейдет в печаль.
Что суетиться ради немногих дней?
Ты не найдешь того, из-за чего не жаль
Блиzkих своих забыть и оттолкнуть друзей.

Если речь не от сердца — слова придержи!
Язык привычен лукавить, послушен лжи.
Ты разве знаешь предел желаньям твоим?
Они скрывают завесой истину от души.

Перевод М. Петровых

* * *

Посмотри, этот мир тебя грабит, жесток.
Прежних сил в тебе нет, и лицом ты поблек.
С жизнью, где за надеждой стоит сожаленье,
Состязаться в задоре, признай, ты не смог.

Есть ли сладость, чей вкус никогда не пройдет?
Если жизни скупой так недолог полет,
Разве стоит в ней что-то, чтоб ссориться с ближним,
Или с другом расстаться, спеша лишь вперед?

Пусть губами в тебе не глаголет язык,
Лицемерию плоти служить он привык,
Где язык — без костей, губы виснут без края,
Закрывая, как пологом, истины лик.

Перевод А. Кодара

* * *

Что можешь ты? Лихое Время грабит.
Нет прежних сил и зубы уж не те.
Каких тузов Ты в землю загоняло?!
Надежда тащится по жизненной стезе.

Какое лакомство не потеряет вкуса?
Неделя в спешке, что решит она?
Проклятое, ты чем их накормило,
Раздор посеяла и близких развела?

Похотливый язык обученный притворству,
Он без костей, в изгибах скользких губ,
Как будто бы за свадебной завесой – скрывают истину,
Без сердца Слово убивает слух.

Перевод М. Адибаева

*Өлсем, орным қара жер сыз болмай ма?
Өткір тіл бір ұялшақ қыз болмай ма?
Махаббат, гадауат * пен майдандасқан,
Қайран менің жүрегім мұз болмай ма?*

*Амалсыз тағдыр бір күн кез болмай ма?
Біреуге жай, біреуге тез болмай ма?
Асау жүрек аяғын шалыс басқан
Жерін тауып артқыға сөз болмай ма?*

*Сонда жауап бере алман мен бишара,
Сіздерге еркін тиер, байқап қара.
Екі күймек бір жанға әділет пе?
Қаны қара бір жанмын, жаны жара.*

*Жүрегіңнің түбіне терең бойла,
Мен бір жұмбақ адаммын, оны да ойла.
Соқтықпалы, соқпақсыз жерде өстім,
Мыңмен жалғыз алыстым, кінә қойма!*

*Жасымда албырт өстім, ойдан жырақ,
Айлаға, ашуға да жақтым шырақ.
Ерте ояндым, ойландым, жете алмадым,
Етекбасты көп көрдім елден бірақ.*

*Ой кіргелі тимеді ерік өзіме,
Сандалмамен күн кешкен түспе ізіме.
Өзі ермей, ерік бермей, жұрт қор етті,
Сен есірке, тыныш ұйықтат, бақ сөзіме!*

*Ішім толған у мен өрт, сыртым дүрдей,
Мен келмеске кетермін түк өндірмей.
Өлең шіркін - өсекші, жұртқа жаяр,
Сырымды тоқтатайын айта бермей.*

---

* Гадауат (арабша) – عداوة – дұшпандық, ашу, жек көру

Уиру — место мое разве не сырая земля?
 Острый язык — разве не скрошенная девушка?
 Любовь и вражда бьются /волноот/ меж собой
 Разве сердце от этого не леденеет?

Настанет поневоле и последний день
 Для одного поздно, для другого очень рано.
 Строптивое сердце могло где-то остуниться
 Не может ли это стать темой разговора после тебя?

Тогда я, бедный, ничем ответить не смогу.
 Вы будете волны, как поступить, но прошу быть
 снисходительными.

Разве справедливо одному гореть дважды?
 А человек с исторченной кровью и раненой душой.

Сердцем своим подушай поглубже,
 Вспомни и о том, что человек — загадка.
 Рос я в беспоконных и без труп местах,
 Не обессуди, что я один боролся против тысяч.

В молодости я рос бесшабашным, далеким от мыслей,
 Был не прочь схитрить или вспылить.

Сталнился рано, задумался, а осилить все не смог,
Однако на пути своем много встречал от людей
преград.

С появлением мысли не пришла свобода действий
Не следуй моим путем — метавшегося.
Не слушая меня и не следуя за мной,
люди оскорбляли меня,
Ты посочувствуй, спи спокойно, послушай меня.

Внутри — огонь и ад, внешне нормален.
Иду я в вечность, ничего не добившись.
Стихи, словно плащатой, сообщают всем,
Довольно, кончат на этом исповедь.

Подстрочный перевод
С. Млеубаева

Когда умру, не стану ль я землей?
Язык мой дерзкий — девушкой немой?
Бездушным льдом — пылающее сердце,
Что за любовь боролась с жизнью злой?..

Не станет ли последним этот год?
Ведь рано ль, поздно, а мой час пробьет!
И станешь ли судить меня, потомок,
За каждый мой нечаянный просчет?!

Суди!.. Меж нами — немоты стена.
Суди, но помни: пусть страшна вина, —
За грех один карать не нужно дважды,
А я живой, за все платил сполна!

Души измученной постигни суть!
Тяжелым и тернистым был мой путь.
Я — человек с загадкой, помни это!
Боролся с тьмой, как мог... Не обессудь!

Задирю в земной явившись дол,
Порой хитрил я, был порою зол.
Прозрел с годами, сделался разумней,
Но все ж до совершенства не дошел.

Мешали мне... Никто мне не помог.
Свободы я не знал... Спаси вас бог
От этой доли... Пожалей, потомок,
Того, кто скорбен был и одинок!

Мое довольство — призрачно оно.
Как горько мне, что мало свершено!
Но каяться в стихах — не стоит боле:
Стихам хранить секреты не дано.

Перевод Ю. Нейман

* * *

Умру. И стану вновь землей,
И мой язык насмешкой злой
Не тронет ледяным коварством
Сердец, обиженных судьбой.
Но рок судьбы нагрянет в срок
На твой порог и мой порог
И пересудит все ошибки
На перекрестках всех дорог.
Я, бедолага, в том кругу,
На том открытом берегу
За все, что не было и было,
Ответить дважды не смогу.
Ты в глубину мою взгляни,
В мои загадочные дни.
Там ныне светят всем, запомни,
Оставленные мной огни.
Я рос, и мой упрямый пыл
Костры в седой ночи палил
И путеводною звездой
Проводником в дороге был.
Я там с собою принял бой
Своею волей и судьбой.
А за беду и униженья,
Потомок, сжался надо мной.
Нутро мое — огонь и яд,
В нем все терзанья догорят.
А песня — сплетница-чертовка —
Все миру выложит подряд.

Перевод М. Дудина

Когда я умру, то с землей смешается прах.
Умолкнет мой острый язык, словно дева в слезах.
И бедное сердце, любя, ненавидя и мучась.
Растает, как льдинка у Господа в теплых руках.

Всех смертных настигнет в пути неминуемый рок.
То рано, то поздно, то ровно в положенный срок.
О, глупое сердце, не раз ты в пути ошибалось!
Быть может, потомки заучат твой путь назубок!

Тогда мне злосчастному нечего будет сказать!
Ты можешь свободно о жизни моей рассуждать.
Но дважды гореть одному — справедливо ли это?
Темна моя кровь, и душа перестала дышать.

Когда ты заглянешь в меня, то заплачешь навзрыд.
Но помни, душа моя много загадок таит.
Я вырос в глухой стороне, на пустом бездорожье,
И тысячи вражеских стрел принимал на свой щит.

От пристальных дум был далек как беспечный юнец.
Но сметка и гнев возжигали во мне свой светец.
Я рано задумался, но ничего не достигнул.
Хватали меня за рукав: погоди, удалец!

Когда поумнел, своей волей владеть перестал.
Не будь ко мне строг, что так долго по свету блуждал.
Людей за собой не увлек, но познал униженья.
Удачи желаю тебе! Но не все я сказал!

Внутри меня глеет отравы, как жар под золой.
Уйду на тот свет, ничего не свершив под луной.
Стихи мои, сплетники, все разболтают по миру.
Нет, лучше молчать! Пусть останутся тайны со мной.

Перевод Ю. Кузнецова

Не в земле ли сырой обрету я приют, умерев?
Не станет ли нрав мой скромнее стыдливейших дев?
Мое сердце, в котором боролись любовь и вражда,
Не станет ли льдом, где не властны ни радость, ни гнев?!

Всех однажды судьба призовет, бесполезны мольбы.
Кого-то позднее, кого-то пораньше, увь!
И тогда своевольное гордое сердце мое,
Навек успокоясь, не станет ли жертвой молвы?

Из могилы своей не смогу возразить я в ответ.
О, судьи мои, пусть сойдет к вам прозрения свет!
Справедливо ли дважды гореть мне на том же огне,
Если болен душой я и кровь почернела от бед?!

Постарайтесь во мне разобраться поглубже, всерьез.
Я — некто с загадкой не в этом ли, друг мой, вопрос?!
Не корите меня, я боролся один против тьмы,
Без троп продираясь, в опасностях всяческих рос.

Дерзким в юности был я, от долгих раздумий далек.
И гнева, и хитрости факел возжечь уже мог.
Пробудился я рано, но мысли глубин не достиг,
Тянули обратно, едва я шагну за порог.

Суеюю опутан, не знал я свободы ни в чем.
Не смейте считать, бедолагу, меня, образцом!
Вы за мной не пошли и меня не пустили в мой путь,
Так дайте покоя в приюте последнем моем!

Весь я — горечь и мука, обманчив цветущий мой вид.
Я так и уйду ничего не успевши свершить.
Но поэзия — сплетница, всем она весть разнесет.
Пожалуй, закончу, мне боли своей не избыть.

Перевод А. Кодара

Когда умру — не пухом мне могила,
В сырой и мрачной глубине,
Язык мой острый и строптивый,
Оледенев, не возразит тебе.

И в сердце яростном сражаясь,
Любовь и ненависть, мечты, обман —
Все разом обратиться в камень,
В холодно-скользящий и дурной туман.

В невольном-неминуемом лете
Моей невыбранной судьбы
Не станет ли больное сердце
Добычей озлобленной толпы?!

И видя все сквозь толщу плит могильных,
Сквозь толщу лет, сквозь толщу ваших душ,
Объятый сном, я не смогу ответить,
Казненный дважды — братом и отцом.

И в жилах кровь отравленным ручьем
Не исцелит сердечной раны.
Как вы легки на встречу с подлецом,
И как страшны души изъяны!

Вглядитесь же в меня и глубже,
В жестокой искореженной среде
Из мрачной тьмы Загадочной Звездой
На этой появился я земле.

Я был горяч, боролся против тысяч,
Я ненавидел корысть, ложь, обман.
Высвечивая подлости и низость —
Врагов безжалостных без счета наживал.

Я возмужал, но не имея власти,
Извилистыми тропами кружа.
Искал я правды, спотыкался, падал...
Не вам, мучители, судить меня!

Я сам судья пред Высшею Судиею!
Внутри меня — пожар и хлад,
Быть может, кану без следа зарею,
Стихами укрывая тайн сад...

Перевод М. Адибаева

* * *

*Жүректе қайрат болмаса,
Ұйықтаған ойды кім тұртпек?
Ақылға сәуле қонбаса,
Хайуанша жүріп күнелтпек.*

*Аспаса ақыл қайраттан,
Тереңге бармас, үстірттер.
Қартыңның ойы шар тартқан
Әдеті жеңіп күңгірттер.*

*Тән сүйгенін бермесе,
Жан шыдамас жаны ашып.
Бере берсең бер десе,
Үміт етер таласып.*

*Малда да бар жан мен тән,
Ақыл, сезім болмаса.
Тіршіліктің несі сән,
Тереңге бет қоймаса?*

*Атымды адам қойған соң,
Қайтіп надан болайын?
Халқым надан болған соң,
Қайда барып оңайын?!*

Когда нет в сердце стойкости,
 Кто возбудит стальные мысли /души!/?
 Если уму не придет просветление,
 Будешь существовать как животное.

Если разум не возобладает над всем,
 Не достигнешь желанного.
 А мысли стареют с каждым днем
 Тускнеют все больше и больше.

Если тело не отдаст душе любимое,
 Она не стерпит и не поможет.
 Если получит желанное,
 Но с надеждой просит еще и еще.

У животных есть душа и тело,
 Хотя нет ни разума, ни чувств.
 Какой может смысл быть в жизни,
 Если не мыслить глубоко?

Как назван я человеком,
 Как я могу стать глупцом?
 Как народ мой такой темный /отсталый!/
 Откуда мне быть мудрым?

Подстрочный перевод С. Мюльбаева

* * *

Если мысль за волею вслед
Оскудеет в сердце пустом,
Ты, утратив разума свет,
Станешь тварью, темным скотом.

Мой безвольный разум, скользя
По верхам, нейдет в глубину.
И душа устала, друзья!
Одрыхлел я, тянет ко сну...

Коль смиришь ты жадную плоть, —
Жаль ее, беднягу, тебе.
А не сможешь плоть побороть,
Одолееет она в борьбе.

Ведь у тварей душа темна,
И не знают мыслей скоты.
Вовсе красок жизнь лишена,
Если вглубь на стремишься ты.

Человеком назваться я
Не могу, окруженный тьмой.
Как найти мне смысл бытия,
Коль народ невежествен мой?

Перевод А. Штейнберга

* * *

Коли в сердце нет воли, ничто
Не разбудит уснувшую мысль.
Коли света нет в разуме, то
Суждена тебе скотская жизнь.

Коли разум твой воли слабей,
То ему не постичь глубины.
Старца ум с каждым днем все грубей
От привычек, что пуще вины.

Жажду плоти душа утолит,
Но сама же ослабнет потом.
Плоть надеется и не скорбит,
И не знает отказа ни в чем.

У животных душа есть и плоть,
Но без разума, чувства и слов.
Что за радость прожить, о Господь,
Не вникая в глубины основ.

Коль сльвешь человеком, тогда
Быть невеждой тебе не в чести,
Коль народ мой невежда, куда
Мне пойти, чтобы честь обрести?

Перевод Ю. Кузнецова

* * *

Если волей в себе не силен,
К спящей мысли пробьешься ли в дверь?
Если светом ума обделен,
Будешь дни ты влачить, словно зверь.

Если воли не выше твой ум,
Он не сможет дойти до глубин.
Разум старца – бескрыл и угрюм,
Он поблек под покровом седин.

Если что-то потребует плоть,
Ей не в силах душа отказать.
Если плоть эту слабость проймет,
Будет вечно желать и желать.

И животным даны дух и плоть,
Правда, нет в них ни чувств, ни ума.
Если мысль до глубин не дойдет,
Разве дрогнет невежества тьма?

Если я человеком зовусь,
Как невеждою темным мне быть?
Раз народ мой внушает мне грусть,
Где я славу могу заслужить?..

Перевод А. Кодара

* * *

Коль сердце вялое в груди,
Кто мысли сонные пробудит?
Коль свет ума не озарил,
Как у скотины дни пребудут.

Коль воля разумом вершит,
Глубины не постигнешь ты.
Так, медленные масла старца,
Бегут неотвратимой тьмы.

Коль день любимого лишит,
Душа от боли закричит.
Хоть с головы до пят одаришь,
Беснуясь, требует еще их ненасытное нутро.

Пусть разума и чувства лишены,
Но и животные имеют душу.
Постигнуть жизни красоту,
Не каждому дано из сущих.

Раз назван был я человеком,
Могу ли я невеждой слыть?
Но коль народ дремуч мой темный,
Везде мне проклятому быть!

Перевод М. Адибаева

* * *

*Жүрегім менің қырық жамау
Қиянатшыл дүниеден.
Қайтып аман қалсын сау,
Қайтқаннан соң әрнеден.*

*Өлді кейі, кейі – жау,
Кімді сүйсе бұл жүрек.
Кімі – қастық, кімі – дау,
Сүйенерге жоқ тірек.*

*Кәрілік те тұр тақау,
Алдымызда айла жоқ.
Қайғысыздың бәрі – асау,
Бізге онан пайда жоқ.*

*Қан жүректі қайғылы-ау,
Қайырыла кет сен маған.
Қасиетін ойлан-ау,
Қам көңілдің тынбаған.*

1. Сердце мое — из серока заплаток
От мучительной (тяжелой) фризмы
Как оно будет целым,
Если это вероду обиды.

2. Кто-то умер, кто-то враг,
Кого помобит это сердце.
Кто — враг, кто — скандалист,
Опереться не на кого.

3. Старость урфе близка
Перед нами хитрости нет (не перегибайте ее)
У кого горя нет, они строптивы
От них нам помозы никакой

4. Окровавленное сердце печально,
Обернись ко мне, (обрати внимание)
Подумай о его свойствах
Важность в душе не затихала.

Подстрочный перевод
С. Тюебаева

* * *

На сорок лоскутов тоскою
Растерзано ты — каждым днем...
Как же сердцу дожить в покое,
Изверившемуся во всем!

Те — взяты землей, те — враждою,
А как их любило ты!
Вражда и беда шли чредою,
И вот — ты среди пустоты.

Лишь старость одна пред тобою
Во мраке, и выхода нет.
Беспечных утешит любое.
А где нам с тобою ответ?

А как ты горишь болью злою!..
Мечты! оглянись на них
И вспомни величье бывшее
Желаний бесплодных твоих.

Перевод М. Петровых

* * *

На сорок лоскутьев печалей
Разорвано сердце врагами.
Оно уцелело б едва ли,
Во всем разуверься с годами.

Из тех, кого сердце любило,
Тот умер, тот сеет раздоры,
А та даже помнить забыла...
И нету ни в ком мне опоры.

Уж старость в упор подступает,
И выхода нет никакого.
Строптивый про горе не знает,
Но проку ведь нет никакого!

Эй ты, кто в крови и печали!
Побудь хоть немного со мною.
Душа понимает едва ли
Величье свое под луною.

Перевод Ю. Кузнецова

* * *

Толпа безумно-похотливо,
Разрушив сердца Божий Храм,
Бежит, позорным и блудливым,
Внимая грязным их речам.

О, подлый мир, такого сердца
Не видел ты, не пощадил.
И вырвав из живого веру,
Еще трепещущим зарыл.

Из тех, кого оно любило –
Иных уж нет, другие во вражде!
О, бедное, кого вскормило?!
Коль нет опоры на земле.

И старость подошла вплотную,
Нет выхода и света впереди.
Те, беззаботны и строптивы,
Идут, не ведая пути.

Несчастное, в лоскутках сердце,
Как сирота, бредешь во тьме.
Ужель, не знавшее покоя,
Ты, как проклятье на челе?!

Перевод М. Адибаева

1899

* * *

*Нұрлы аспанға тырысып өскенсің сен,
Менмен, кердең, қайғысыз ер көңілмен,
Жазғытұрым жасырып жердің бетін,
Жасыл шөппен, бой жеткен егінмен тең*

*Сонан бері рахымсыз көп жыл өтті,
Орақ келер, орылар мезгіл жетті.
Жылы менен суықтың бәрін көріп,
Қайран көңіл қайыспай қайрат етті.*

*Ауыр ойды көтеріп ауырған жан,
Қайғы, қасірет жүзіңе белгі салған.
Дәні толық, басы үлкен егіндей-ақ
Сенің де басың имек жерге таман.*

*Өлейін деп өлмейді өлерлік жан,
Әсте өлмесін білгендей қылық қылған.
Ажал келіп бас салса, жанды ұрласа,
Өмір қайда, сен қайда, соны да ойлан.*

*Адамзат — бүгін адам, ертең топырақ,
Бүгінгі өмір жарқылдап алдар бірақ.
Ертең өзің қайдасың, білемісің,
Өлмек үшін тугансың, ойла, шырақ.*

Ты рос, стремишься к ясному небу,
 Гордый, капризный, веселый и беззаботный,
 Наравне с зеленой травой и высокими посевами,
 Покрывающими весной поверхность земли.

С тех пор прошло много безжалостных лет
 Прошло время жатвы, пора быть убранным.
 Ты испытал и жару и холод,
 Но ты не согнулся, ты боролся.

Несившая тяжкие думы болящая душа
 Терести и несчастья оставили следы на твоем челе,
 словно стебель с большими плодами (созревшими)
 Твоя голова клонится к земле.

Умирающий уходит из жизни не по желанию,
 Делает свои дела словно бессмертный.
 Когда придет смерть и возьмет твою душу
 (украдет)
 Где жизнь, где смерть, подумай об этом.

Человек сегодня жив, а завтра прах,
 Блеск сегодняшней жизни — просто обман.

*Знаешь ли ты что будет завтра с тобой?
Мы рождены, чтоб умереть, подумай, милый.*

*Поэтический перевод
С. Миеубаева*

* * *

Рос ты, к небу устремляясь головой,
Гордо, смело, без печали роковой.
Так весною к солнцу тянутся ростки,
Когда степи покрываются травой.

Отшумел давно суровых лет поток,
Наступил уже косьбы и жатвы срок.
Знало сердце зной и холод, но оно
Устояло пред лицом утрат, тревог.

От тревоги непрестанной ноет грудь,
На лице твоём — тоски и горя путь.
Как пшеницу, чьи колосья налились,
Замышляют и тебя к земле пригнуть.

Не сдаётся обреченная душа,
Будто вечно жить ей в мире, но, спеша,
Смерть приходит, похищает душу вмиг.
Сам подумай ты — где жизнь и где душа?

Нынче — дышишь, завтра — прах, таков закон.
Нашей жизни блеск обманчив, словно сон.
Разве знаешь, где назавтра будешь ты?
Помни, друг мой, что для смерти ты рожден!

Перевод Д. Бродского

* * *

Ты рос. Ты вверх тянулся смело
Всем мужеством души и тела.
Ты рос, как вешняя трава,
Как злак, не знающий предела.

Трудом немилосердных лет
Ты проложил по жизни след.
И вот настало время жатвы —
Держать пред будущим ответ.

Что видишь ты в седой золе
Костра, горевшего во мгле?..
А голова твоя, как колос,
Все ниже клонится к земле.

Не ради смерти, человек,
В бессмертье веря, кончишь век,
Не рысаком, а старой клячей
Судьба твоя закончит бег.

Многообразен путь земной.
Смерть не обходит стороной
Загадку жизни человека.
Ты это помни, милый мой...

Перевод М. Дудина

* * *

Рос ты быстро, стремясь в небосвод голубой,
С гордой, смелой, беспечной и вольной душой.
Как широкий зеленый ковер спелой жатвы,
Ты привольно покрыл твердь равнины земной.

Много пагубных лет миновало с тех пор.
Вот и время серпа начинает свой сбор.
Все сполна испытав: зной и стужу, и слякоть.
Не сломился ты духом, и молод твой взор.

Истомилась душа: все труды и труды.
На лице твоём страшные знаки беды.
Словно во поле колос налитый, тяжелый,
Твою голову клонит в твои же следы.

Человек умирает, уж так суждено,
Но — творит, будто смерти ему не дано.
Вот покажется смерть, украдет твою душу.
Где окажется жизнь и с ней ты заодно?

Нынче живы народы, а завтра их нет.
Блеском краткого дня обольщаться не след.
Угадаешь ли ты, где очутишься завтра?
Ты пришел, чтоб уйти, вот и думай, мой свет.

Перевод Ю. Кузнецова

* * *

Ты рос в небесный устремляясь свет,
Веселый баловень, беспечный, гордый,
Как зелень чистая, пробившимся зерном,
В весеннем буйстве покрывает горы.

С тех пор прошло немало тяжких лет,
Уж время жатвы убежало в Лету.
Пора быть убранным, я замерзаю летом,
Грехи согнуться перед смертью не дают.

Гнет тяжких дум больною душу сделал.
Несчастья, боль оставили на лбу печать.
Как будто стебель с перезрелым плодом,
Качаясь, голова торопится упасть.

Живешь, как будто бы бессмертный,
Кому же хочется так просто умирать?
Но коль “холодная” тебя коснется,
Вряд ли придется что-то выбирать.

Жизнь — это лишь сверкающий обман,
Что завтра будет, то сплошной туман.
Сегодня, человек, ты жив, а завтра — прах,
Рожден, чтоб умереть, подумай — как?

Перевод М. Адибаева

(ليرمونتوف)

بورلى آصباحه ظريفصا اوسگان سيمك سين - من من كريدنك قابيسر ايركوككنى مين
 حار عيظوريم حاصريب حردسك نيش حاصد چوس بوى جىسگان ايگىن مين سيمك
 صوبان نرى راحم سر كوت جىل اوبدى * اوراق كندر اورى زور مر كيل حيتدى
 حلى مسان صوبعدنك نارىس كوريب * قايران كوكك قايصبلى قايراط ايتدى
 آوير اوبدى كوتارىب آوبرعان خان قابعى حسرات بورىبكه نلكى صالحان
 دابى طويى ناصى اولسگان ايگدايان سيننكده باصينك ايماك چركه طامان
 اولايديب اولمايدى اولارليك حان آسته اولماس نككاداي قلىق قلعه
 آجال كلس ناصاصه جاندى اورلاصد اومر قايدى سن صوبده اوسلان
 آدامزات بوكون آدام آيرنانك طوقراي بوكونككى اومر جار قيمداق آلدار بىران
 ايرنانك اورىبك قايداسنك دلاميسيك اولماك اوحوون طوعان صينك اويلا چراي

*Поэзия Абая настолько отличалась своей глубиной и формой
 от национальных канонов и традиций, что даже в посмертном сборнике
 некоторые его оригинальные произведения были представлены как переводы.
 В частности, “Нұрлы аспанға тырысып өскенсің сен...” –
 как перевод из Лермонтова (на фото).*

ВЛАСТИТЕЛЬ – СЛОВО Почему трудно переводить Абая?

*Абай вечен Абай бесконечен
Он стоит в ряду гигантов духа.
Он олицетворяет целый народ
Бесконечно его постижение
И путь к нему долг и тернист.*

I

Дотошные лингвисты могут меня поправить, однако мне кажется, что в поэзии Абая наиболее употребляемое слово – СӨЗ. Убедиться в этом несложно

Возьмем его знаменитое стихотворение “Поэзия – властитель языка” Слово “сөз” автор употребил пятнадцать раз – “сөздің патшасы” (“царь слова”), “сөз сарасы” (“отборное слово”), “бөтен сөз” (“чужое, чуждое слово”), “сөздің басы” (“начало слова”), “сөз жақсысы” (“избранное слово”), “сөз қадірі” (“достоинство слова”), “ақыл сөз” (“умное слово”) и т д

Читаем другое стихотворение – “Науки не освоив, не кичись” Слово “сөз” встречается здесь двенадцать раз “шын сөз” (“истинное слово”), “сөз мәнісі” (“значение слова”), “көптің сөзі” (“слово большинства”), “жақынның сөзі” (“слово близкого”) и т д

Далее можно не считать на “сөз” вы наталкиваетесь едва ли не в каждом стихотворении – “өлең сөз” (“стихотворное, поэтическое слово”), “сөзі тәтті” (“слово сладкое”), “сөз ұғарлық” (“понимающий слово”) и т д

“Сөз” по-русски означает СЛОВО

Абай восхищается Словом, без устали обыгрывает его, раскрывает его глубинную суть, призывает ценить его, не употреблять всуе, не забавляться им, познать его истину, отличать от слова ложного, пустого не засорять речь неуместным, чужим словом, сетует на то, что ныне слово упало в цене, его не понимают, ему не внимают, убеждает читателя вслушиваться в слово разума, проникнуться словом мудрых

Нетрудно также понять, что у Абая – как почти все его слова – оно объемное, многоликое, многозначное Оно не просто слово Это и язык, и речь, и назидание, и речение, и наставление, и молва, и стих, и мудрость Слово плоское, серое, однозначное, бытовое Абая не прельщает Чужды ему и витиеватые, высоко-

парные, напыщенные, велеречивые, цветистые, как лоскутное одеяло, пенящиеся, как перебродивший айран, “красные слова”. Он без конца напоминает: его слово — “без блеска-сверка”, с первого раза на слух, его не каждый воспримет, не каждый поймет; просит: не брезгуйте моими словами; подчеркивает: всего дороже те, в которых заключен глубокий смысл; внушает: его слова спесивцам недоступны, их поймет только прозорливый, лишь тот, кто сердцем жив, душой открыт.

Почитание поэтического слова, в котором заключены потаенные суть, достоинство и мудрость — один из главных мотивов поэзии Абая.

Он знал: его стихи не всем по нутру, они необычны, непривычны. Степь за многие века выработала свои поэтические каноны, свой эстетический вкус, свои прочные традиции, своеобразный культ устной речи, ритмизированной, с устойчивыми рифмами, густо перемешанной пословицами, поговорками, ловко или не очень сплетенной из псевдовозвышенных, мнимокрасивых словес. Абай сознательно разрушает эти каноны, ломает сложившиеся традиции, отвергает былые, тысячекратно воспетые на все лады “восточные” темы, привносит в казахскую поэзию свежие краски, новые слова, насыщает их многозначным глубинным смыслом.

Абай говорит — передаю его слова в подстрочном прозаическом переводе:

*Мои стихи не о драконах, не об Али-Хазрете,
В них “дев прелестных, луноликих” не найдешь.
И старость не кляню, и смерть не воспеваю,
И жигитов к бесстыдству не зову.*

Здесь Абай высмеивает старых акынов и их основную тематику: сказы о сподвижниках Пророка, о мифических существах — “айдахарах-драконах”, о гуриях, “девах со золотым подбородком”, о загробной жизни, а также их страсть к неумеренному пышнословью и высокопарности.

Не унижать достоинства искусства, ибо поэзия — властительница языка. Таково поэтическое, эстетическое кредо Абая. Значимость творчества Абая для своего народа лучшие его представители “с чутким сердцем и душой” подметили прозорливо. В некрологе, помещенном в “Записках Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского Русского

географического общества” (1907), Алихан Букейханов сказал удивительно точно и емко: “Абай был самородок, вынесенный судьбою в безвременье его родины...”.

Философы утверждают: процесс творения – самоограничение от Бога. Гете уточняет: “В умении себя ограничить проявляется мастер”. Самоограничение в этом смысле свойственно и Абая. Оно проявляется в подборе и отборе поэтических средств, в жесткой экономии словесного материала, в уплотнении мысли, в густоте метафорической образности. И именно потому, полагаю, у читателя создается устойчивое ощущение, что Абаям написано значительно больше того, что вместилось в два скромных томика. Читателя Абая каждый раз неизменно охватывает чувство новизны. Магия его поэзии в ее многомерности и полифоничности. С творчеством Абая я, например, знаком со школьных лет, читал его стихи бесчисленное количество раз, писал о нем, цитировал, сравнивал и сопоставлял, делал подстрочные переводы, конспектировал его гаклии – философские эссе, и все равно каждый раз открываю его для себя заново, невольно поражаюсь глубиной той или иной строчки, свежестью слова, метафоричностью, образностью. И потому кажется, что Абай бездонен, безграничен, огромен, всеобъемлющ.

Не кажется – так оно и есть.

В 1913 году ученый, литератор, просветитель Ахмет Байтурсынов опубликовал в газете “Казах” статью об Абаяе, в которой он, пожалуй, один из первых раскрыл всю духовную значимость казахского поэта – “главного, ведущего”. Ахмета Байтурсынова, прочитавшего стихи Абая впервые в рукописи еще в 1903 году, больше всего поразили их новизна, их отличие от всего созданного казахскими поэтами до него. “Слов мало, а значение их многомерно, глубоко”, – писал он. Без предварительной подготовки или без специального комментария – читай хоть тысячу раз – некоторых слов не понять. Да, слова Абая трудны для понятия рядового, простого читателя, но это не вина Абая, не недостаток его, а беда читателя, не доросшего до восприятия его поэзии.

Таков Абай. Такова его муза, сложная, далеко не всегда и всем доступная, загадочная. Таково его Слово, многоликое, многоплановое, многокрасочное.

И говорю об этом подробно лишь потому, что пытаюсь объяснить, почему поэзию Абая так трудно переводить на другие языки, почему она *до сих пор не звучала достойно по-русски*, в чем

причина переводческих неудач, чем вызвана бескрылость его поэтических переложений.

II

И в самом деле, что небыло до сих пор Абая, достойно звучащего по-русски, — прописная истина. О том говорим и на то жалуемся на всех перекрестках добрых полвека. И каждый раз, когда разговор заходит об очередном сборнике стихов Абая на русском языке, издатели и редакторы хватаются за головы: на каком переводе остановить выбор, из чего выбирать, чьему переводу отдать предпочтение. И на переводчиков сетовать вроде нельзя. Есть старательные, бережные, аккуратные поэтические переводы М. Петровых, Вс. Рождественского, М. Тарловского, Л. Озерова, Ю. Нейман, О Румера. Читашь их — вполне прилично, весьма близко, похоже, узнаваемо. Начинаешь вникать в перевод, сравнивать с оригиналом — ай, не то, не Абай все же, чего-то не хватает, нет того обаяния, того поэтического шарма, той естественности и многослойности, того дыхания, той мудрости, что в подлиннике. Нет, и все. Хоть плачь! И даже слова вроде те, точно переведенные, и ритмомелодика сохранена, и рифмы подобраны, подогнаны, и намек на национальный колорит присутствует, и все же не то, не звучит, не играет, не влечет, не завораживает. Что-то невидимое, неосязаемое ускользает, уплывает, растворяется и, как говорит Абай, “изъяны всюду выпирают”.

Должно быть, по этой причине некоторые литераторы, философы, знатоки и почитатели Абая — я свидетель — отказываются писать предисловия к сборникам казахского поэта на русском языке. Понятно, хочется сказать о значимости, о своеобразии, о величии поэта, а переводы его стихов этого не подтверждают, скорее наоборот. Даже лучшие переводы — всего лишь тень, силуэт оригинала. Цитировать подстрочники — тоже не дело. Слишком далеки они от аула Поэзии.

На многочисленных встречах с читателем этот вопрос — “Почему нет Абая в русском переводе?” — задается непременно и неизменно. Бывало, и я задавался этим вопросом. Не имея ни малейших данных (кроме искреннего желания) для воссоздания Абая на русском языке, я в разные годы пытался — сделать — хотя бы — подстрочные переводы отдельных его стихотворений, и вскоре убедился, понял: почти безнадежное дело, напрасные

потуги, мука мученическая. Едва ли не каждое слово Абая противится, сопротивляется, не —поддается толмачеству, вызывает уйму синонимов, которые даже все вместе не создают адекват оригинала, поневоле сбиваешься на косноязычный, многословный пересказ, на бледный, громоздкий комментарий, а подстрочник обретает столь неудобочитаемый вид, что от стыда горят уши и от бессилия впадаешь в тоску и уныние.

Вот знакомые мне с детства строки:

<i>Бойы бұлғаң</i>	<i>а4</i>
<i>Сөзі жылмаң</i>	<i>а4</i>
<i>Кімді көрсем, мен сонан,</i>	<i>67</i>
<i>Бетті бастым</i>	<i>64</i>
<i>Қатты састым</i>	<i>64</i>
<i>Тұра қаптым жалма-жан.</i>	<i>67</i>

Прочтите, взгляните в одну лишь строфу этого язвительно- остро сатирического стихотворения. Обратите внимание на ритмомелодику, на схему рифмовки. Для знающего казахский язык здесь все ясно, понятно, благозвучно, мелодично. Образно. Запоминающе.

Итак, начнем переводить строку за строкой.

Бойы бұлғаң... Хм-м... как же это передать по-русски? **Бой** — рост, статья. **Бұлғаң** — нечто такое, что качается, шатается, вихляет. Да-а... труднопереводимый словесный образ. Характеристика с отрицательным оттенком. Едко. Язвительно. Насмешливо. Ну, просто неприятный тип этот “**бойы бұлғаң**”. Та-ак... Как же, однако, это сказать по-русски? Прямой перевод — “телом изгибающийся... шатающийся...”. Понятно, Абай намекает на довольно распространенный аульный типаж того времени — хвостун, ловкач, наглец, вертопрах, шатун, гуляка. Смысл, оттенок — праздный, выхваляющийся, слоняющийся, воображала, кривляка, задавака, бездельник с претензиями. Все верно. Но я же не могу нанизывать все эти определения на одну куцую строчку. Нельзя же к одному слову писать страничный комментарий. Так можно сходу отпугнуть переводчика-поэта. Надо на чем-то остановиться. На чем? Какое определение предпочесть? Какие слова оставить в тексте, а каким — место в сноске, чтобы гипотетическому поэту-переводчику было ясней, чтобы что-то подсказать, намекнуть на что-то. Пожалуй, праздношатающийся. Да, очень близко. Подходит. Но какое неуклюжее слово! Не-

благозвучное. Громоздкое. Не представляю, как его можно втиснуть в поэтическую строку. Ладно, напишу-ка “праздный гуляка”. По крайней мере, смысл такой. Написать-то написал, а на душе нехорошо, беспокойно, кошки скребут. Ну, какой же это “**бойы бұлғаң**”? Разве “праздный гуляка” – адекват?

Вздохнешь и начинаешь толмачить” дальше. Утешаешь себя: в конце концов это ведь не художественный, не поэтический перевод, а всего лишь корявый подстрочник. Небось, сойдет и так. Дам несколько дополнительных красок, оттенков, синонимов и пусть переводчик-поэт ломает себе голову.

Вторая строка – “**сөзі жылмаң**”. Ясно, **сөзі** – его слова, его речь. **Жылмаң** – нечто скользкое, маслянистое, не ухватишься, не удержишь. Такова речь праздного гуляки – пустая, скользкая, неопределенная, трепливая. Да, этот тип, слоняющийся по аулам, юрок, болтлив, проворен, скользок, словоблуд, пустобай, пустомеля, склонен к сплетне. А как хорошо, ловко эти две рифмующиеся строчки – **бойы бұлғаң, сөзі жылмаң** – сочетаются, рифмуются! Как они крепко пригнаны друг к другу! Всего четыре слова, две коротенькие строчки, а уже сотворен, вылеплен образ, типаж, дана характеристика, ты зримо представляешь его, шатуна-трепача, оболтуса, праздного гуляку со скользкой речью. Если бы по-русски можно было сказать “скользкоречивый” или “скользкословный”, я был бы совсем недалеко от “**сөзі жылмаң**”. Но “скользкословный” я пишу в сноске, а в текст подстрочника ставлю “пустой трепач”, ощущая при этом ожог неудовлетворения.

Далее чуть проще, понятней. Абай говорит: как только он видит праздных гуляк, пустых трепачей, то он сильно теряется (конфузится, смущается), закрыв лицо (ладонями) бежит от них куда глаза глядят. Но сказано это в стихах, в стройных строках, в стро-гом ритме, в рифмах. А подстрочник этой строфы выглядит так:

*Праздных гуляк,
Пустых трепачей,
Если увижу их, я от них,
Лицо закрыв,
Сильно теряясь,
Бегу немедля, тотчас.*

И я, автор подстрочника, смотреть на это уродство не могу. Мне самому противно от этого убогого монстра. Правда, я снаб-

дил эти шесть строчек комментариями, указал на какие-то нюансы и варианты, определил размер, схему рифмовки, даже количество слогов в каждой строке сосчитал, и все же не могу себе представить, как, каким образом, каким чудом неведомый мне поэт-переводчик, не владеющий казахским языком, не чувствующий ментальность оригинала, может из этой нелепости вылепить стих, вдохнуть в эти строки жизнь, воссоздать, возродить на другом языке разъятую, расчлененную, умерщвленную поэзию. Это ведь все равно, что из пепла (о, ужас!) воссоздать живой облик человека.

И так слово за словом, строка за строкой, строфа за строфой, стихотворение за стихотворением добросовестный “подстрочник” толмачит, “буквалит”, объясняет, толкует абаевский речестрой, досадуя на свое бессилие и испытывая брезгливость к своему же уродливому творению. А что может сотворить на основе такого, с позволения сказать, материала поэт-переводчик? Пусть самый чуткий, самый талантливый. Будь он хоть семи пядей во лбу... А мы еще удивляемся: почему нет Абая на русском языке. Почему его поэзия не звучит по-русски.

Образы Абая пронизаны национальным мироощущением, национальным мировосприятием. Их бессмысленно воссоздавать буквально, их можно только транспонировать, трансформировать в другой языковой лад, в иную плоскость восприятия, в иную сферу представлений.

Берем строку:

И выправит их Творец.

Но если быть точным, у Абая сказано: “попадутся в ТЕЗ Создателя”. Тез — архаизм. Так называется станок, в котором выпрямляют, придают нужные формы унинам, жердям юрты. Абай говорит о том, что Создатель всех поставит на путь истины, всех выпрямит в своем “тезе”. Обычно такими деталями при переводе сплошь и рядом жертвуют.

Едва ли не к каждой строке Абая приходится давать объяснения. Подстрочно переводишь: “У бая лошадку себе вымогает”, а в сноске разжевываешь “склоками, сутяжничеством он добился того, чтобы заново пересчитали (инвентаризировали) дома (юрты, кибитки, очаг) для обложения налогом, и тем самым высудил себе у бая коняшку”.

Абай пишет “мал”, и подстрочник “буквалит” — скот, однако поэт-переводчик обязан помнить, что скот в казахском языке

— нередко синоним богатства, достатка, состояния, благополучия.

В обличительных стихах Абая часто встречается слово “**пысық**”. Означает оно: шустрый, ловкий, оборотистый, бывалый, проныра, пройдоха, плут, мошенник, верткий и т.д.

Такое же объемное слово “**тасыр**” — чванливый, кичливый, самоуверенный, тупой, глухой, грохотун и т.д.

То же самое с нежным, коротким словом “**жар**” — любимая, возлюбленная, супруга, невеста, жена или — поскольку в казахском языке отсутствует категория рода — любимый, желанный, супруг, жених, муж.

Абай пишет “**күпілдектер**”, а переводчик начинает перебирать четки синонимов: пустозвоны, трепачи, горлопаны, горлохваты, шушуны, самодовольные, спесивые, чванливые, пустобаи.

Даже маленькая частица у Абая. и та функциональна, требует к себе внимания, иначе смысл слова не будет раскрыт полностью.

— *Мұның қалай, батыр-ау!*

Означает эта строка:

— *Что же случилось батыр?*

— *Как понять тебя, батыр?*

— *Что это значит, батыр?*

— *Ну, что же с тобой, батыр?*

Все дело, однако, в частице “**ау**”. Она придает фразе, обращению к батыру доверительную, с легкой усмешкой, интонацию — смельчак, храбрец, герой, приятель, дружище, друг мой. И пренебречь этой частицей при переводе нельзя.

Нередки у Абая фразеологизмы. Для переводчика это всегда камень преткновения.

Ограничусь лишь двумя примерами:

*Из тех ты, что пять отдавая,
Шесть умеют взять обратно.*

Это своеобразная парафраза известной казахской поговорки “**Бермегенге бесеу көп, аларманға алтау аз**” — “Пять — много да-

ющему, шесть — мало берушему”. А. Гатов перевел, на мой взгляд, находчиво:

— Умеешь, уплатив пятак,
С него взять сдачи пять целковых.

Еще одна проблема при переводе Абая — это множество заимствованных, “иностраных” слов, искусно и художественно оправданно вкрапленных в поэтическую ткань. Что это за слова? Во-первых, архаизмы, ныне почти повсеместно вышедшие из употребления: **бергек, жыға, тез, өлекші, райыс, кән, көйт, күрбәт, дөндәку** и др. Во-вторых, арабизмы: **ғиззәт, сұхбат, нәфритлі, ғибратлі, ақыл-мизан, аят, хадис, мехнат, ғадауат** и т.д. (сюда, видимо, следует отнести и ряд религиозных терминов и наименований: **махұк, мәқан, махшар, фәни, баки, дәһрі**). В-третьих, фарсизмы: **бадалык, шаһбаз, баж**. В-четвертых, русизмы: **закон, виноват, адвокат, интернат, прошение, самородный, счет, судья, военный, коренной, здравомыслящий** и другие.

В оригинале все эти заимствованные слова совсем не случайны, у них своя художественная функция, определенная нагрузка, они то возвышают речь, придают ей своеобразную изысканность, торжественность, то окутывают стих в соответствии с темой в религиозно-мистический флер, то конкретизируют, иллюстрируют сугубо современную мысль. Но как быть при переводе? Оставить их в русско-арабско-персидском облики? В исконной форме вплетать их в русский перевод и давать объяснения в сносках? Или перевести их на современный русский язык, придать им общедоступное звучание и тем самым нивелировать абаевские строки?

У меня нет однозначного ответа.

В своей поэзии Абай нередко говорит об очень сложных философских абстрациях, нравственно-этических категориях. Такие стихи и прозой перевести мудрено, а в подстрочнике не сразу-то и разберешься, что к чему. Вот, к примеру, в стихотворении (своеобразный поэтико-философский трактат) “Сизый туман-грядущие времена” Абай рассуждает о соотношении понятий “я” и “мое”, о душе, о разуме, о плоти, о бессмертии. И свои думы поэт излагает в классически отточенных стихах в форме традиционного казахского одиннадцатисложника с рифмовкой а-а-б-а. Я долго колдовал над подстрочником.

*“Я” – разум и душа, “Мое” есть плоть.
“Я” и “Мое” – понятия разноразмерные.
Для “Я” судьбой предначертано бессмертие.
“Мое” обречено, и пусть, с тем согласись.*

Думаю, смысл вполне ясен. Но как это изложить стихами, да еще максимально близко к оригиналу? В. Звягинцевой это удалось в большей степени.

*“Я” – разум промолвит. Плоть скажет: “Мое!” –
Различно у плоти с душой бытие.
Бессмертное “Я” никогда не умрет.
“Мое” – это только земное жилище.*

Да, Абай трудно поддается воссозданию на другом языке. Иногда кажется, он вообще непереволим. Неподступный. Недоступный. Неприступный. Непостижимый. Невыразимый. Руки опускаются. Отчаяние берет. Даже самый старательный подстрочный перевод, с вариантами, комментариями, историко-бытовым экскурсом, – отвращает. Ибо убивает поэзию. Остается искаженная – при неверном свете – уродливая тень, кощунственное отражение в кривом зеркале. Упорному, дотошному “подстрочнику” лишь изредка удается воссоздать смысл и общий рисунок, графический облик той или иной строфы Абая. Например:

*Коль бедняк – смутьян,
Гордыней обуян –
Несчастнее на свете бая нет.
От прихлебателей,
От вымогателей,
От захребетников спасу нет.*

Эти буквально переведенные строки, на мой взгляд, передают не только содержание оригинала, они намекают на форму, на размер, на ритм, на схему рифмовки. В таких случаях мне кажется, что автор подстрочника выполнил свою функцию. В определенной степени облегчил задачу поэта-переводчика, которому предстоит теперь в эти строчки вдохнуть жизнь, озарить живым огнем поэзии. Однако кто знает, может, это только мне. “подстрочнику”, так кажется, на самом же деле я вовсе не

облегчил задачу поэта-переводчика, а, наоборот, усложнил ее, невольно загнав его в жесткую структуру и ограничив его возможности для вольной фантазии. Может, поэт-переводчик предпочитает организованному, упорядоченному, максимально приближенному к оригиналу подстрочнику обыкновенную грубую, сырую глину, из которой ему сподручнее лепить все, что только ему заблагорассудится?..

Не знаю. Спор давний, старый. Я же пишу о своих впечатлениях, о своем опыте подстрочного перевода тридцати стихотворений Абая.

Так, резюмируя, в чем заключаются трудности при переводе Абая на русский язык? Какие подводные камни подстерегают переводчика на каждом шагу?

Это, по моему разумению:

– насыщенность, густота, спрессованность мысли в абаевской поэзии, образность, метафоричность, афористичность;

– сугубо национальный дух, ментальность;

– многозначность, многоплановость почти каждого абаевского слова;

– обилие историко-бытовых реалий;

– созерцательная, назидательная, степенно-возвышенная тональность, обращенность к собеседнику с чутким сердцем и душой;

– загадочность, трагизм одинокой, непонятой окружающим и оттого страдающей души.

Можно, конечно, назвать и другие камни преткновения. У меня же сложилось ощущение, что зазвучит Абай по-русски еще не скоро.

Ш

Так как же быть? Сидеть сложа руки? Смириться? Есть ли вообще выход? Или так и останется Абай – национальная гордость, национальная святыня – в узких национальных рамках?

Академик Д.С. Лихачев как-то сказал, что Пушкин до сих пор изучен слабо, осмысление Пушкина, мол, только начинается.

И это при беспредельной всемирной пушкиниане!

Весь мир и поныне изучает Гете. Едва ли не во всех уголках земного шара исправно функционируют гетевские общества. Гетеаны – целый Монблан. И исследование этих высот не прекращается ни на миг.

Что же тогда говорить о нашем Абае?

По сути дела, мы находимся лишь у подножия горной вершины. *У нас до сих пор даже нет по-настоящему канонического абаевского текста. Диву даешься разночтениям в его текстах разных изданий.*

Да, Абай велик. Абай — титан. О том сказано и написано немало. В восторгах недостатка нет. Нельзя, однако, десятилетиями стоять у подножия и благоговейно взирать на горную вершину. Надо настойчиво одолевать перевал за перевалом, гряды за грядой и подняться на вершину. Тогда лишь откроется нам ее величие во времени и пространстве.

Думаю, когда-нибудь зазвучит Абай, как ныне говорят, адекватно и на русском, и на других языках мира. Само Время позаботится о своих гигантах. Забвение им не грозит.

Имеются многие пути для постижения Абая. И ни от одного нельзя отрешиваться. В том числе и от постижения его поэзии на русском языке через подстрочник. На мой взгляд, это наименее благотворный и плодотворный путь, мудрено расслышать Абая через косноязычного посредника, трудно по зыбким ориентирам, по сомнительным вешкам добраться на ощупь до сокровенной тайны его смуглоликой музыки, однако и на этом пути не исключены открытия. Кое-какой опыт уже накоплен.

И все же... Трюизм: поэзия переводится поэзией, судьба отражается в судьбе. Душа переливается в душу. И лишь так достигается высшая гармония. Значит, нужен равновеликий талант. Или. скромнее, созвучный, соразмерный. Талант, способный услышать, понять, почувствовать и прочувствовать душу абаевской поэзии в оригинале, пропустить ее через свое сердце и воспроизвести ее на другом языке, в облиции другой словесной оболочки. Это, пожалуй, единственный, идеальный путь. Воссоздал же Абай, облекая в безупречную казахскую форму, стихи Пушкина и Лермонтова. Я не исключаю, что именно русскоязычный казахский поэт, дерзкий и бесстрашный, преодолев робость, воссоздаст когда-нибудь достойно Абая на русском языке.

Р.С. Основные положения моей статьи были сформулированы более десятка лет назад. И вот, кажется, предчувствия мои оправдались. Хороший шаг в освоении, воссоздании поэзии Абая на русском языке сделан.

Герольд Бельгер

ХАКИМ АБАЙ

Если бы не родился Абай Кунанбаев, мог бы им стать кто-то другой? Случайность — это проявление исторической закономерности. Поэтому, не будет преувеличением, если мы скажем, что творчество Абая — это этап в духовной культуре народа. Абай велик не только как поэт, мастер художественного слова, он занимает также высокое место в истории мировой философии как выдающийся мыслитель, отразивший в своих произведениях результаты общечеловеческих общественных противоречий.

Стихи для Абая были не просто искусством, но и орудием для назиданий молодых, сердца которых открыты для разумного слова. Поэт не скрывает и прямо говорит об этом. Он стремится, чтобы Слово его дошло до сознания народа, будило его и давало толчок новой мысли.

Именно в силу того, что Абай родился в полное противоречий, переходное время, он, осмысливая это время, его нравы, человеческую сущность, стал не только поэтом, но и величайшим мыслителем, гуманистом.

Невиданного прежде расцвета достигает устная литература, поэзия. В условиях, когда появилась городская культура, прежние измерения, представления, рожденные кочевым бытом, не соответствовали новому образу жизни, и появилась потребность в новых формах. Это было веление времени и создателем новых форм был Абай.

Зная только казахскую поэзию, невозможно было достичь высоких результатов, потому Абай глубоко изучив творчество Гете, Байрона, Пушкина, Лермонтова, проникся их мыслями и образами, творчески переработал их и создал мировые шедевры классической поэзии. Абай не только творчески перерабатывал произведения современных ему западно-европейских поэтов, но и развивал прежде существовавшие традиции, особенно традиции Востока. Главный литературоведческий принцип Абая — новаторство и сохранение традиций.

Говорить об Абае, крупнейшей фигуре казахского Ренессанса, можно бесконечно и не надо думать, что можно когда-либо подвести черту, уверив себя в том, что мы до конца познали его. Чем выше будет подыматься уровень сознания, тем более будут расширяться наши представления и понятия о нем, у каждого поколения будет свой Абай, свое понимание и осознание его

величия. Поэтому, познавая Абая, мы познаем свой народ, постигаем его духовное богатство, его потенциал.

Мы только теперь имеем полную возможность познакомиться с истинным духовным наследием народа. Начиная с двадцатых годов в общественном сознании преобладала вульгарная социология, когда нельзя было и мечтать о том, что будет дана правдивая оценка творчества Абая и других видных представителей культуры того времени.

Противоречия в творчестве великого мыслителя и поэта закономерны, и для того, чтобы понять их, осмыслить их причину, необходимо иметь высокие помыслы, глубокие знания.

Абай не придерживался строго очерченных монистических философских взглядов, мировоззрение его как бы инкрустировано художественными образами.

Это было свойственно поэтам и доабаяевского времени. Но Абай не только изучил глубоко художественный мир народа (терме, жыр, толгау и др.) и внес новые понятия и представления новой эпохи, но и оказал существенное влияние на духовное обогащение народа.

Абай видел, что для духовного обновления народа нужны коренные изменения в его сознании. Он изучал европейских философов Г. Спенсера, О. Конга, чьи труды были переведены на русский язык и их можно было приобрести в книжных лавках Семипалатинска. Это выдающиеся мыслители, которые заложили основы одного из популярных в Европе философских течений — позитивизма.

Он был знаком с книгой энциклопедического характера “Духовное развитие Европы” Дреппера. В этой книге нет какой-то определенной системы философских принципов, но есть философские и научные сведения. Поэт воспользовался этой книгой как учебником.

Сейчас легко можно познакомиться с книгами, которые Абай читал на русском языке, все они хранятся в библиотеках. Книги же на арабском, персидском, тюркском языках, которые читал Абай, нам не удалось определить. Среди них для нас особенно не достигаемы книги по суфизму. В годы полного отрицания религии мы отказывались признавать суфизм как философское течение. В силу этого многие понятия и термины, которые бы могли дать нам ясное представление о философских взглядах Абая, остались для нас как бы за семью замками.

Но как бы то ни было, Абай — поэт Востока, точнее, выдающийся мыслитель мусульманского Востока. С этой точки зрения уместно напомнить здесь слова знатока суфизма Е. Бертельса: “Без изучения суфистской литературы получить ясное представление о культурной жизни средневекового мусульманского Востока нельзя. Ее классики продолжали оказывать влияние на целый ряд восточных литератур вплоть до начала XX в. Все это и заставляет нас уделять этому такое значительное внимание, тем более почти все крупнейшие авторы мусульманского Востока, за редкими исключениями, так или иначе связаны с суфизмом и без знакомства с этой литературой в полной мере поняты и быть не могут” (Бертельс Е.Э. Суфизм и суфистская литература. М. 1965. С. 54).

Абай высоко оценивал представителей суфизма, таких, как аль-Ансари, аль-Халладж, аль-Харакани, аль-Газали, аль-Хамадани, Санаи, Аттар, Руми, которые имели огромное влияние на формирование мировоззрения Фиули, Шамси, Сайхали, Навои, Сагди, Фирдоуси, Хафиза. Иными словами, если Абай первоначально воспринял суфизм через творчество вышеназванных поэтов, то как с учением он познакомился с суфизмом через сочинения такого видного мыслителя, как Ахмед Яссауи.

Абай во многом соглашается и не соглашается с суфизмом. Абай говорит, что он на пути Аллаха, пророка, но его высказывания об Аллахе очень часто идут вразрез с основными принципами и положениями ислама, которое он употребляет в трех значениях: онтологическом, космогоническом, гносеологическом.

Аллах, истина, достоверность: это реальность, которая существует вне сознания воли человека. Правду невозможно отрицать. Слова Абая “Правда в том, что Аллах существует и слова его истинная правда, а правда никогда не может быть ложью”, являются подтверждением того, что Аллах в понимании Абая есть действительность. Эту свою точку зрения он излагает в тридцать восьмом Слове: “Аллах бесконечен, человеческий разум ограничен. Разве возможно ограниченным измерить бесконечное?”

Аллах — создатель всего сущего, божество. Смысл любви к Аллаху в том, что он творец всего живого, любить возможно лишь Аллаха. “Если сердце любит, то любит во имя Бога”, — говорит поэт. Но Абай, призывая любить бога, не ударяется в мистику, как в философии суфизма, а подходит к этому с гума-

нистических позиций. Абай не отрекается подобно суфистам от земных радостей во имя поклонения Аллаху. “Нужно любить все человечество, брат, это истинный путь к справедливости”, — эти слова Абая, как нельзя более показывают, что поэт был против разделения людей на социальные группы, по национальности, вероисповеданию.

В религии ислама познание Аллаха возможно только через его посла-пророка. Но Абай не призывает постичь пророка, ибо, по его словам, все в мире, кроме Аллаха, меняется, и пророки тоже сменяются. В религии ислама познание Аллаха идет через его посланника. Страшным грехом считается неверие в пророка. В творчестве Абая нет ни одной строчки, где он бы воспевал пророка. О своем критическом отношении к религии ислама поэт открыто говорит в тридцать восьмом Слове. Человек, внимательно прочитавший Абая, без труда догадается, что Абай был знаком со многими философскими положениями религий: буддизма, зороастризма, христианства.

В представлении Абая любовь к богу — это рождение духовной силы. Через любовь к богу человек становится убежденным и стойким гуманистом. Аллах, будучи создателем, творцом, все-таки является силой, служащей человеку. Аллах и человек друг без друга теряют значение. Аллах — это действительность, и потому род человеческий вечен. Если Аллах вечен, то вечна и истина о человеке, и если даже не станет его самого, то дух его будет переселяться от потомков к потомкам. Истина об Аллахе и человеке вечна.

Огромное значение предавал Абай просветительству, образованности, знаниям, но обязательно пропущенным через сердце, т.е. человеколюбию.

Просветительство — это процесс развития культуры, закон общественного бытия, это движущая сила — национальная идея. Поскольку просветительство зародилось на Западе, скажем для примера, что главной целью английских, французских, немецких просветителей была идея национального духа.

В Казахстане, к сожалению, распространялось вывернутое наружу миссионерское просветительство. По сути, здесь имело место проявление двух вышеупомянутых направлений. Первое — стремление к традициям культуры, проведение соответствующих духу времени прогрессивных реформ, способствующих изменению народного сознания. Это были действия, необходимые в системе культуры. Просветители призывали народ к знаниям,

овладению искусством, к избавлению от пороков, пробуждали в людях стремление к цивилизованной жизни.

Но с потерей государственности, с тех пор, как казахская земля стала колонией, просветительство приняло другую форму - миссионерскую.

В годы советской власти миссионерство было предано осуждению, но по сути, оно осталось, изменив только форму – теперь это называлось интернационализмом. Таким образом, два упомянутых направления в просветительском движении после октябрьского переворота слились воедино. Исчезло название, разрабатывались новые установки, но прежняя суть осталась без изменений. Новые установки были сплошь идеологизированы. Просветительство, не имеющее ничего общего с революционным течением, стало составной частью революционной программы. Шокан. Ибрай. Абай были превознесены как деятели, основной заслугой которых была пропаганда знаний, агитационная работа, их значение как поэтов, ученых всячески умалялась. Создавалось впечатление, что все выдающиеся люди занимались подготовкой к революции и переходу к социализму.

Абая называют просветителем, но он никогда не говорил, что надо отречься от привычного казахского быта, стать другим народом, уничтожить свою религию, язык.

“Освободись от пороков, исправляйся, совершенствуйся, глядя на другие народы”, – вот о чем говорил Абай.

Мы должны быть снисходительны к интеллигенции, которая не уяснив до конца подлинный смысл так называемого просветительства, встала на путь заблуждений и ошибок. Не каждому дано пройти наперекор своему времени, найти иную правду и следовать ей, несмотря ни на что.

Время – суровый и строгий судья – многое проясняет и многое прощает. Но мы должны понять, что если не признать своих ошибок сегодня, не освободиться от них, то путь в будущее с таким грузом заказан.

Абай говорил: “Можно ошибаться впереди идущему, но все последствия испытает на себе идущий следом”. Хочется верить, что мы, участь, на ошибках и заблуждениях, отыщем верную дорогу, по которой потом пойдут наши потомки.

Абай никогда не изрекал легковесных истин относительно науки, бытия, человека. **У него больше вопросов, чем ответов. У него богатство – далеко не всегда зло и знания – не только свет.** Он ставил под сомнение даже разум, указывая, что, если разум

не беспределен, познать вселенную невозможно. Это и есть, говоря европейским языком, философия сомнения, скептицизм. Но Абай приходит к этому путем долгих размышлений и раздумий. Только разумный человек может определить границы разума.

За всю историю человечества не было и не может быть четкой теории об истине. Зачастую мы принимаем за теорию аксиому. Время ставит все на свои места, высвечивая наши ошибки и заблуждения. Поэтому, прикасаясь к Космосу Слова Абая мы открываем часть его поэтической Вселенной, которую невозможно охватить, что и подтверждают переводы двадцати представленных в книге произведений Поэта.

В следующем разделе “Понятие о понятиях или философия Слова” мы представляем ряд важнейших понятий (тем), которые содержатся, пронизывают, буквально переплетаются в каждом произведении Поэта* .

ПОНЯТИЕ О ПОНЯТИЯХ ИЛИ ФИЛОСОФИЯ СЛОВА

“И Аллах, и слово его сущи”
 (“Алланың өзі де рас, сөзі де рас”)

В этом стихотворении Абай говорит о познании Аллаха. На казахской земле до Абая не было мыслителя, который бы занимался исследованием этого вопроса. Даже святые, отдавшие свою жизнь служению аллаху, не поднимались выше утверждения: “Аллах един и Мухаммед пророк его”. Словом, не было различия между верой и познанием. А в представлении Абая вера и познание – это различные понятия.

Вера – богословский термин, познание – гносеологическое понятие. Если первое можно назвать основной богословской идеологией, последнее – категория философии религий.

Но оба эти понятия, – и вера в бога, и познание его, – являются признаками религиозного сознания. Поэтому людей, занимающихся этой проблемой, мы называем сейчас философа-

---

* Можно сказать, что “Таклия” – “Слова назидания” стали в большой степени и первым исследованием, ключом к собственному поэтическому наследию Абая (С.К.)

ми-богословами. Тогда и Абай — философ-богослов, и это не восхваление, и не хула в его адрес, а объективная оценка его деятельности.

Абай — не проповедник, а исследователь учения Аллаха, мыслитель, стремящийся познать его.

“И аллах, и слово его сущи. А суть не может быть обманом”, — говорит Абай, рассматривая проблему в богословском аспекте, но вере в правдивость аллаха он уделяет особое внимание.

Задумаемся и мы над тем, какой смысл вкладывает Абай в слово “сущий”. И естественным образом возникает вопрос: что же он подразумевает, когда говорит, что слово его сущее. Это измерение, определяющее содержание и качество любой вещи, явления. Вещь может существовать, но ее может и не быть. То, что было истинно, в конце концов, в течение времени может обернуться несущественным. Значит, сущность имеет один единственный признак, — она должна быть действительной. Это одна грань понятия сущности.

Вторая грань — проблема познания этой сущности. Это философский вопрос. Если мы не познаем суть истины, тогда говорить не о чем, и надо довольствоваться только слепой верой в Аллаха.

Но Абай, говоря о действительном существовании Аллаха, не утверждает это в виде абсолютной истины, а рассматривает как объект возможного познания, как одну из сущностей бытия.

“Подумай, поразмышляй, попробуй докопаться до истины сам”, — как бы советует Абай, и подходит к вопросу о сущности Аллаха с третьей стороны — исторической его значимости.

“Аллах сущ” — это было и в прошлые времена, это так и сейчас, это будет и в будущем. Сущее в данном случае есть измерение вечности. Аллах сущ — это вечная истина.

Четвертая грань сущности. Мы сказали, что сущее — это измерение вечности, но ведь в нашей жизни есть и преходящее. И то, что оно есть — истина. Значит, говоря о вечности сущего, мы в то же время должны признать и его непостоянство во времени. Значит, сущее сегодня завтра может обратиться в ничто? Нет, настоящее сущее не может обернуться ничем, просто люди называют истиной то, что на самом деле таковой не является.

Сущее всегда остается сущим. И потому Аллах сущ, и он вечен. Абай предостерегает своих современников, да и нас от легкомысленного отношения к Аллаху, от легковесных сужде-

ний о нем. В представлении Абая, Аллах — это истина, которую нельзя объять разумом, и потому он пришел к выводу, что связующая нить между Аллахом и человеком — любовь.

Сущность Аллаха Абай хотел доказать любовью, и не случайны его слова о том, что “без любви жизнь пуста”.

Итак, когда Абай задается вопросом, что может быть неизменной сущностью, он отвечает, что Аллах и слово его суши. В этом значении сущее является синонимом бытия. Сущее во вселенной — это бытие. Бытие никогда не может быть обманом. В мировоззрении Абая Аллах — это истина. Значит, если истина существует, сущ и Аллах. И если истиной мы называем, говоря обыденным языком, нашу жизнь, тогда и Аллах, и слово его тоже суши. Короче, если мы признаем это, значит мы признаем и Аллаха.

Это взгляд Абая-гуманиста.

Требование, которое предъясвляет Абай к истинному мусульманину — сострадание к человеку.

В третьей строфе слова Абая “Не оспаривай того, что сущее”, надо понимать в том значении, что нет нужды сомневаться в слове Аллаха, ибо вступивший на путь божий никогда не потеряет своей человечности. Таким образом, Абай представляет Аллаха как абсолютную истину, но вот о тех, кто доносит слово божье, он иного мнения. “Меняются времена и люди, их нравы и занятия, чередой сменяются пророки”. В этих словах Абая четко выражено его желание разделить путь Аллаха и путь его пророков.

Главное в том, что Аллах — вечен, а пророки приходят и уходят, и Абай поясняет это с диалектической точки зрения. Меняются времена, люди, их нравы, занятия и меняются их пророки.

По образному выражению Мукагали, “меняют лик земли все-ильные, в надежде, что наступят времена еще прекраснее”. Не меняется только Аллах, он Абсолют. Меняются только люди, познающие его, преклоняющиеся перед его могуществом. Впадают в грех заблуждения человек, а не Аллах.

Когда Абай говорит о вечности, о смысле жизни, он пользуется общими категориями и понятиями: Аллах и Человек. Пророки тоже люди. Поэтому философия Абая не традиционной связки, какая была у богословов: Аллах — пророк — человек. Абай говорит об Аллахе и человеке. Это демократизм в богословии, ибо Абай дает возможность человеку познать себя. Аллах

бесконечен, и если хочешь познать его, развивайся сам бесконечно, тогда ты не просто будешь человеком с большой буквы, но и истинным мусульманином.

Абай говорит, что Аллах каждому рабу своему дарует разум, стремление и благодеяние определенной мерой, взвешенно.

Но Аллах не ограничивается только тем, что он передает эти качества, он еще дает возможность человеку увеличить размеры божьих даров.

Как использует эту возможность, данную богом, человек? За кем он должен последовать, свято веря в Аллаха и его непогрешимость? Тех, кто может повести толпу за собой, трое: пророки, святые и хакимы.

Если пророки и святые на самом деле будут правдой и верой служить Аллаху, презрев все земные заботы и утехи, тогда все в мире придет в запустение, ибо некому будет пасти скот, сеять хлеб, искать сокровища в недрах земли.

Поэтому настоящие мусульмане нуждаются в хакимах, они хоть и не являются духовными пастырями, но как сказал пророк Мухаммед: “Хороший человек тот, кто творит благо человеку”.

Эти мысли Абая выходят за пределы ортодоксального ислама. В познании Аллаха он усматривает прежде всего решение общечеловеческих, гуманистических проблем.

Любовь к Аллаху для Абая означает самосовершенствование, одним из главных принципов которого поэт считает человечность. Чтобы достичь этого необходимо прежде всего очиститься от грехов. Нельзя любить Аллаха, пребывая в грехе, ибо любовь к нему прежде всего требует очищения. Смой с себя всю грязь совершенных грехов и тогда ты встанешь на истинный путь, и тогда укрепятся твои воля, разум и чувства, прояснится сознание.

Призыв Абая стать любимым рабом Аллаха звучит не фаталистически. Поэт видит в этом возможность обрести истинную свободу.

Личная свобода для Абая заключается в совершенствовании человеческих качеств.

В познании Аллаха Абай особое значение придавал понятию “воля”.

Поэт, говоря “Воля Аллаха неизменна, и она не зависит от твоих желаний”, имеет в виду неизбежность и объективность законов земного бытия. А с законами бытия человека знакомят

хакиды. и именно за это их ценит Абай, хотя они и не являются духовными пастырями.

К Аллаху ведет много путей, утверждает поэт. Человечество в конце концов, несмотря на различия вероисповедания, должно прийти к согласию. В этом ему подмогой должно стать слово хакима. Люди обретут покой и благоденствие, познав могущество Аллаха тогда, когда народом управлять будут хакиды.

**“Творца любовью создан человек”
 (“Махаббатпен жаратқан адамзатты”)**

Абай, размышляя о смысле жизни, в пятой строфе стихотворения “Аллах и слово его суши” говорит: “Творца любовью создан человек, и потому возлюби Аллаха больше, чем себя”. Абай призывает любить Аллаха за то, что он вселил в сердца людей любовь, что люди порождены любовью. Если это так, то любовь существовала до человека, и субъект любви – Аллах.

Это его сила, его могущество, его дух. Но это сила, которая и для него является загадкой, непознанным явлением (тылсым), некой истиной, смутно осознаваемой самим творцом.

Познавая Аллаха, его могущественную силу при сотворении мира и человека, мы должны осознавать любовь как форму проявления самой сути Аллаха, его воли и могущества.

Если это так, то наш долг – возлюбить Аллаха больше, чем себя. Возлюбив его так, мы сможем отдать ему наш долг.

Таким образом, мы доказали, что поклоняться Аллаху, любить его – это наша обязанность, прямой долг.

В мировоззрении Абая на пути познания Аллаха особое место занимает любовь. Возникает вопрос: как он пришел к этому? Прежде чем ответить на него, остановимся на проблеме любви в богословской философии.

Не надо удивляться тому, что в богословских учениях понятия о любви могут соприкасаться, скрещиваться, ведь любовь – это мерило человеческих качеств. И не случайны слова Абая: “Без любви жизнь пуста”.

Размышления о любви – это непременно размышления о смысле жизни, о сути бытия. Очень много работ, связанных с проблемой любви, было в самой молодой религии мира – исламе. Основательницей теории познания Аллаха через любовь была Рабийя – Адавийя (713-801).

Рабийя – (Рабига), имя которой стало легендой, всю свою жизнь была аскетом. С детства оставшись сиротой, она рано начала зарабатывать на хлеб. Хозяева ее, заметив фанатичное устремление к богу и аскетизму, дали свободу своей рабыне. Получившая свободу Рабига, до конца своих дней проповедовала любовь к богу. Ее последователи и ученики: аль-Бистами, аль-Халладж, ибн-Араби и др. подняли на высокий уровень философию любви.

В X–XI веках философия любви трансформировалась в искусстве, особенно в литературе.

Певцами любви были знаменитые поэты Фирдоуси, Низами, Руми и другие, в основе сказок “Тысячи и одной ночи” также заложена тема любви.

Сказание о Лейли и Меджнуне было формой проявления богословской философии любви в поэзии. Говорю это потому, что один из известных востоковедов Е. Бертельс как-то заметил, что у одного из авторов описывается любовь Меджнуна не только к Лейли. Для Меджнуна все, что окружает его, означает Лейли: горы, камни, стены, дома, вещи. Значит, Меджнун любит жизнь вообще, его любовь – любовь к миру, бытию. Жизнь сделала Меджнуна влюбленным. Его любовь к Лейли – это метафористический образ. Здесь можно почувствовать влияние философии Рабиги.

Появление учения Рабиги, популярность ее философии объясняется несколькими причинами.

Во времена Рабиги ислам существовал уже более века. В этот период проповедники ислама, отдалившись от народа, стали превращать религию в политику. Философское учение Рабиги, появившееся в это время, стало как бы формой протеста.

Проповедники ислама убеждали людей в том, что тяжелая работа на земле обеспечит райскую жизнь на небесах. Рабига выступила против такой теории, утверждая, что любовь к богу должна быть бескорыстной. Согласно учению Рабиги, Аллах и человек едины. Человек должен любить Аллаха от чистого сердца, не требуя ничего взамен, не ожидая каких-то благ.

В учении Рабиги преобладает аскетическое направление. Человек не может заниматься ничем иным, кроме проявления доказательств своей любви к Аллаху. Абай воспринимает ее учение как ступень на пути познания бога. Сам же он был за прагматическую философию, которая отстаивала жизненные интересы. Аскетизм он не признавал.

С течением времени учение Рабиги стало ведущим в философии ислама. Если разобраться, то основа мировоззрения суфистов – “философия любви” Рабиги.

“Философия любви” оказала огромное влияние на арабо-персидскую культуру, поэзию Средней Азии и Казахстана. Поскольку тема любви в искусстве и литературе давала возможность мыслить демократически, свободно. Поэтому, должно быть, с арабо-персидской поэзией любви средних веков не может стать вровень ни одна литература.

Этот расцвет, как ни парадоксально, был в рамках ислама. В свое время “философия любви” оказалась как бы целительным средством для зараженного болезнью политизации ислама и вдохнула в него свежие силы.

Абай понимал, что теории ислама необходимо обновление, и выдвинул новый взгляд на пути познания Аллаха. Познание Аллаха, по Абаю – это путь познания самого себя.

Абай верил, что любовь может очистить душу человека от скверны, и в казахской степи “философия любви” распространилась в другой форме – поэзии любви.

Любовь человека к Аллаху трансформировалась в любовь мужчины к женщине, но суть оставалась прежней: любовь должна быть бескорыстной, она не должна быть предметом купли-продажи. Беззаветная преданность влюбленных, их верность – это путь божий.

Сказания и легенды на тему любви приходили и с Востока. Поэты слагали песни о любви, народ их заучивал. Таким образом, “философия любви” вошла в сознание народа через поэзию. Но форма выражения любви в любовной поэзии была несколько иной, чем в “философии любви”. Если Рабига, годами сидя в одиночестве, говорила о своей любви, то в поэзии о любви говорили двое – юноша и девушка. Любовь стала человеческим чувством.

Но аскетизм, то есть жертвенность в любви остались. В поэзии о любви очень мало истории со счастливым концом. Чаше возлюбленные погибают. Например: Баян-Слу и Козы-Корпеш, Кыз-Жибек и Толеген.

Мировоззрение, народное сознание – это исторические понятия. Слова Абая “Творца любовью создан человек” были поняты и приняты всеми его современниками, ибо у всех на слуху была знаменитая притча, пришедшая из литературы суфизма.

Вот краткое ее содержание. Было время, когда во всем мире существовал только один Аллах. Не было ни животных, ни людей. И подумал Аллах: “Некому почувствовать мою мощь и силу, потому что никого нет в мире, кроме меня”. Опечалился он, и мир окутался мглой. Так во мгле прошло несколько эпох.

И однажды Аллах создал птиц, и разбросал по всему свету зерна, чтобы была им пища. Когда не осталось ни одного зерна, птицы погибли. Опечалился Аллах, ибо птицы довольствовались тем, что есть, не пытались что-то предпринять и погибли, не завладев миром. Причина была в том, что господь, дав птицам жизнь, не дал им чувство любви к жизни, жажду ее, готовность бороться за нее.

Потом Аллах поступил иначе. Сделав из глины тело, он дал ему имя “человек”. Вдохнув в тело душу, дал ему разум. Человек должен был поклоняться своему создателю за то, что тот даровал ему жизнь и разум, ибо Аллах наделил его стремлением к жизни, то есть тем, что мы называем любовью.

Поэтому мы говорим, что Бог создал человека любовью. Любовь родилась тогда, когда Аллах не смог жить в одиночестве, затосковал. Рожденный от тоски и печали, Человек должен непременно доказать свою любовь к создателю, поклоняясь ему в знак благодарности и моля его о милостях. Так заканчивается легенда, суть которой в том, что Аллах создал людей любовью.

Любовь Аллаха беспредельна, святая истина. Значит, и познание этой любви беспредельно. Любовь — это вечная тема. Смысл жизнь — в любви.

**“Любовь к трем благоухает в вашем сердце священным цветком”
 (“Осы уш сүю болады имани гүл”)**

Абай — мыслитель, который глубоко проанализировал понятия “быть мусульманином”, “святость”. Рассмотрим их через толкование выражения “любовь к трем”.

Человек, во-первых, должен возлюбить Аллаха: “Возлюби Аллаха всей душой”. (Об этом говорилось нами в строчке “творца любовью создан человек”). Во-вторых: “Возлюби все человечество, как своих братьев”. То есть, надо любить всех людей, без различия вероисповедания, языка, рас. В-третьих: считая любовь к человечеству божьим делом, справедливым, надо любить справедливость.

Называя любовь к этим трем священным чувствам благоуханным цветком, Абай заключает: “Подумай, и пытайся всюду

сеять семена этого цветка. Не жалея для этого не богатства, ни жизни своей”. Построив жизнь таким образом, можешь считать себя религиозным человеком, истинным мусульманином. Если не осознаешь этого и ограничишься лишь соблюдением постов, чтением молитв и других внешних обрядов, то истинным мусульманином тебе не быть. Эту мысль поэт высказывает в следующих строчках: “Дело нужное — намаз, зекет, ораза, хадж. И все их нужно соблюдать. Но если не закрепил в своем сердце любовь к трем, все твои благие дела будут пустыми усилиями”.

Абай не обмолвился ни одним словом упрека в адрес других народов или религий, он как гуманист мечтал о взаимопонимании народов, об их мирном сосуществовании и подходил к толкованию мусульманства и религии с общечеловеческих измерений. Мусульманин в его представлении тот, кто все делает во благо человека, его потребностей и нужд. Богопротивными называют он деяния, совершаемые во вред человеку.

“Вот и старость. Свершится мечтам не дано...”
(“Қартайдық, қайғы ойладық, ұлғайды арман”)

В слове “старость” заложены целых три понятия — старение, сожаление, мечтания. Старость неизбежна, и ее появление никого не может удивить, поскольку она, равно как и рождение, и смерть не зависит от желания и воли человека. Человек может лишь чувствовать, угадывать, осознавать и приспособляться к ним, ибо его мировосприятие в разные периоды его жизни меняется. С возрастом чувства остывают и уступают место холодному рассудку. “Золотым веком” можно считать время, когда “ум с сердцем в ладу”. Сал и сері, представители века рыцарства в казахской поэзии, определяли наступление этого периода понятием “жиырма бес” (двадцать пять), в философском аспекте использовали термин “даурен”. Состояние, которое испытывает человек в возрасте “мұн”, это грусть, печаль, неосознанная тайная неудовлетворенность. Как приходит она к человеку и завладевает им в это время — неразрешимая загадка. Это результат беспрестанной работы ума и сердца. В основе вечной неудовлетворенности лежат страсть и жажда жизни, жгучий, неподдельный интерес к ней. Так, в поэзии Востока, казахской поэзии, любовь — не страдания и тоска, а светлая грусть.

Итак, сознание неудовлетворенности рождает страсть, страдания же приносят разочарование. Это первое отличие между

грустью и страданием. Во-вторых, грусть призрачна, неясна, выражает состояние неопределенности, смутных порывов. Скорбя и страдая, человек мыслит холодным рассудком, все вырисовывается очень четко, находясь в подчинении острого разума. Но холодная рассудочная скорбь не может привести к истине, ибо страдание ограничивает ее. Она не может выйти за пределы своих переживаний, и поэтому вынуждена поклониться творцу или “беспредельному великому разуму”. Следовательно, имея существенное различие, грусть и скорбь (мун, кайгы) в определенные моменты взаимно дополняют друг друга, сливаясь в одно целое.

Абай говорит в своем стихотворении не о грусти, а о скорби.

Пытаюсь найти, ишу подлинный смысл слова “картайдык”, которым начинается поэтическая строка. Абай был всегда придирчив в выборе слова, и потому, думается, что поэт использовал слово “старость” не в биологическом, а в философском смысле. Люди переживают старость по-разному. Можно прожить долгую жизнь, но пустую, несодержательную, бесполезную. Абай считает, что настоящая старость должна обладать богатым житейским опытом, который почтенный старец передает идущему на смену поколению. И вполне закономерно, что человек, проживший большую содержательную жизнь, предается на склоне своих лет скорби. Но иногда такая скорбь захватывает человека очень рано, в молодые годы. Например, Султанмахмудом Торайгыровым мировая скорбь завладела в возрасте до 30 лет. То же можно сказать о Байроне, Лермонтове. Многие же люди, напротив, дожив до глубокой старости, могут и не изведать этого чувства. Но если вы все время сожалеете о прошедшем, все время оглядываетесь назад, мечтая о том, чтобы золотые времена настали вновь, нельзя эти чувства назвать скорбью. Это невежество, ибо сознание скорби обращено к будущему, а не к прошлому. Когда Абай говорит: “Постарели, сердца наши тронула скорбь”, он имеет в виду такую скорбь, которая не убивает мечту, а, наоборот, возвращает ее, помогает ей подняться ввысь.

Скорбь – понятие философское, мировоззренческое, занимающее в мировосприятии человека высокое место. Абай использует это слово не в личностном, а общечеловеческом аспекте.

В древности суфий Абу Назид сказал: “Когда в сердце приходит печаль, считай это удачей, ибо мужи благодаря печали достигают чего-либо”. Когда человек скорбит, это означает, что

он, думая о смысле жизни, стремится разгадать тайны Вселенной, познает истину. В таком состоянии он мучается, ищет, мечта его становится светлой, возвышенной и не знает преград. Мы привыкли мечтательность считать свойством юных. Абай утверждает всей своей жизнью, каждой строчкой своих стихов, что человек, проживший долгую жизнь, умом и сердцем которого завладела скорбь, может иметь в душе высокую мечту, которая составит смысл жизни, ибо рождается из высоких порывов и служит высоким целям.

**“Печаль твоя – твой щит, верный признак ума”
 (“Уайым – ер қорғаны, есі барлық”)**

Печаль, скорбь – понятия сходные, но печаль не всегда приводит к скорби. Опечаленный, грустный человек не всегда должен скорбеть, но иногда печаль доводит человека до глубокой скорби. Тогда, что же такое печаль?

По Абаю, печаль – щит, верный признак ума. Значит печаль – проявление твоих раздумий, если ты можешь печалиться о чем-либо, значит, ты чувствуешь сложность этого мира. Печаль (грусть) была присуща всем мудрецам, мыслителям, она будит сознание, заставляет задуматься о сущем.

Слово “печаль” казахи употребляли в двух значениях. Первое значение раскрывается в содержании пословицы “Печаль глубока, в ней можно утонуть. в лодке надежды спасение. сядешь и выплывешь”. В этом смысле печаль выражает беспомощность, бездеятельность человека, вместе с тем показывает способность человека к глубоким раздумьям. Говоря кратко, печаль связана с думами, и эти думы рождаются только у человека, чувствующего ответственность за себя, за свой народ. Абай, говоря “Печаль – твой щит”, подразумевает именно это.

Человек разумный не жалеет о прошедшем, не рвет на себе в исступлении волосы, для него ошибки прошлого служат уроком для будущего. Он печалится, чувствуя свою ответственность перед потомками, размышляя о дне сегодняшнем, пытается предугадать, что ждет его впереди, делает какие-то выводы. Люди должны отличать такую печаль от сожаления по каким-то житейским будничным проблемам, ибо сожаление касается непосредственно самого человека, его конкретных дел, состояния души, настроения, печаль же выше этого, она содержит в себе мысли о человечестве, об ответственности за его судьбу, о единстве лич-

ности и народа, о просвещении его. У легкомысленного человека других забот и мыслей, кроме как о собственном благе, нет. Он не может быть ни защитником, ни мудрецом.

**“Заблуждения правомерны, ибо они выводят на верную тропу”
 (“Адасқанның алды – жөн, арты – соқпақ”)**

Эти слова Абая, на первый взгляд, могут показаться ошибочными, вызвать недоумение, ибо в нашем представлении понятие “заблуждение” несет в себе отрицательный смысл.

Издревле человек заблуждался. В истории нет ни одного геня, ни одного пророка, который бы не заблуждался. Все их попытки найти верную дорогу, освободить человечество заканчивались неудачей. Но не значит ли это, что заблуждение правомерно?

Человеку разумному, способному к глубоким чувствам, свойственно заблуждаться, и удивляться этому не приходится, ибо такой человек обычно бывает одержимым.

Одержимостью мы называем стремление к познанию, безудержное желание познать тайны мироздания. И естественно, человек может ошибаться и заблуждаться на пути познания истины.

“Однажды один мудрец спросил у шейха: “ Кто познавший?” Шейх ответил: “Познавший подобен птице, вылетевшей из гнезда в поисках пищи и не нашедшей ее, устремившейся (обратно) к гнезду и не нашедшей дороги. Она в смятении, хочет направиться домой и не может”. (Бертельс Е.Э. Суфизм и суфийская литература” М., 1965. С. 257).

Тот, кто вступил на путь познания, как та птица, что не может, однажды вылетев, вернуться в свое гнездо.

Человек заблуждается, но нужно учесть, что само осознание заблуждения – это знание. Тот, кто этого не осознает, не обладает знаниями. Человек знающий должен осознавать свои заблуждения.

Первыми заблудившимися в истории можно назвать Адама и Еву. Ева, движимая страстью узнать неведомое ей, отведала запретного плода, и была изгнана из рая на многострадальную, грешную землю, где в поте лица своего должна была добывать хлеб. Адам, раскаявшись в своих ошибках, всю жизнь искупал грехи. И с тех пор потомки Адама продолжают путь заблуждений, по которому шел их предок.

В конце концов человечество, уподобясь младенцу, делающему первые шаги, спотыкаясь и падая, найдет свою дорогу, но со временем выяснится, что это был путь заблуждений и надо искать другой. Человек, осознающий “заблуждения”, способен отыскать правильный выход. У него хватит на это сил.

Тех же, кто не чувствует этого, большинство. Поэт вводит к обиход слово “единица”, понимая под этим словом человека, который способен воздействовать на это большинство.

Заблуждение в основе своей связано с верой. Вера и познание несовместимы. По Абаю, признание изменчивости бытия означает разрушение границ веры. Если пролистать страницы истории, то мы увидим, что заблуждался не только Адам, но и последующие пророки.

Фридрих Ницше в своем произведении “Так говорил Заратустра” высказывает следующее мнение о вере.

“Верите ли вы Заратустре? Но причем тут Заратустра! Вы верите мне, но что сказать о других, имеющих другую веру? Найдя меня, вы еще не обрели себя. Все верующие таковы, и поэтому все религии слабы в смысле содержания. Прошу вас теперь потерять меня и обрести себя, и только в том случае я возвращусь к вам”.

Ницше, приписывая эти мысли Заратустре, использует авторитет персидского философа. На самом деле, это мысли самого Ницше. Надо стыдиться своей веры в Заратустру, говорит он. Уповать на кого-то в безоглядной вере, пусть даже и на бога, не столь уж благое дело. Предпочтительнее всего, что именно такая вера спасет человека от заблуждения. Находясь в толпе, преданной одной вере, человек не может почувствовать, что он заблудился. Абай много говорит об Аллахе, но призывает не к слепой вере в него.

В стихотворении “Разным людям не верь, что тебя вознесут” Абай говорит так: “Верь себе! И опора, и счастье твое — это лишь неразлучные разум и труд”.

Взгляды Абая и Ницше на веру в данном случае совпадают. Оба они солидарны в том, что вера должна рождаться в сердце.

**“Стих — царь слов, блестящая вершина их...”
 (“Өлең — сөздің патшасы, сөз сарасы”)**

К месту и не к месту используя эту поэтическую строку из наследия великого Абая, мы часто даже не задумываемся над подлинной ее сутью.

А между тем, сколько самых разнообразных мыслей рождает она при внимательном и неторопливом прочтении. Попробуем и мы, читатель, последовать за этими мыслями. Прочтем первую часть строки: “Стих – царь слов”, и попытаемся определить, какое из трех понятий (стих, слово, царь) является определяющим, связующим.

Мне думается, что эта функция лежит на “слове”, ибо есть слово – и существует стих, его царство. Что же есть “слово”?

Сказать свое слово о словах – задача многотрудная. Слово многозначно, и рассматривать его нужно во всех значениях. Во-первых, надо признать, что вся наша деятельность связана со словом, в нем отражаются наши поступки и чаяния.

Во-вторых, сама идея тесно связана с нашим определяющим понятием, ибо только посредством слова любая идея находит свое выражение. Традиция облекать идею в слово идет еще со времен Платона.

В-третьих, слово – результат нашего мышления, с другой стороны, слово есть начало мысли. В любом слове содержится итог мысли, ее система, целостность. Вместе с тем, когда зреет новая мысль, предыдущая тускнеет и отходит на второй план. Следовательно, всему начало – слово.

В-четвертых, слово не нуждается в субъекте, но объективно существует само по себе.

Казахи, надо думать, понимали абстрактную природу слова, если с давних времен сохранились выражения: “Слово, завещанное нам предками”, “Так говорили древние”. В этом случае субъектом, произносящим слово, является народ, и стало быть, в основе понятия фольклор лежит именно это значение слова.

В-пятых, есть понятие авторства, и существует порядок установления этого авторства. Следуя этому принципу, мы делим слова на 2 группы (в зависимости от того, кому они принадлежат) – слово божье и слово человека.

Слово божье воспринимается как аксиома, а слово человека противоречиво и требует доказательств. Здесь мы подходим к трудной и неразрешимой проблеме: необходимо выяснить, что первично, а что следует назвать вторичным. Известная идея о том, что вначале было слово. Но автор этой идеи неизвестен. Если согласиться с тем, что первое слово сказал Господь, тогда мы бы не смогли выйти за границы богословского мышления. Следуя второму утверждению, приходим к необходимости решить две проблемы.

Первая: есть ли связь между словом божьим и словом человека. Вторая: если слово возникло само по себе, без помощи творца, без его чудотворной силы, тогда что было причиной его появления? Разрешение этой проблемы по-разному решают религия и наука, философия и атеизм.

Будучи не в состоянии раскрыть истину, мы в своих рассуждениях будем основываться на первой версии (особенно не углубляться в суть этого представления), попробуем остановиться на природе человеческого слова. Говоря об этом, нельзя обойти молчанием мистическую ее сторону, так как это проблема из проблем. Отчего, скажем, одни слова, воздействуя больше на чувства, нежели на сознание, связывают волю человека, заставляя следовать зову сердца, а не разума? Бесспорно, что слово, так же, как и музыка, обладает некоей магической силой. Тех же, кто отрицает это, рассматривая слово с позиций рационализма, нельзя считать в полной мере постигшими великую тайну слова. Постигание слова, правильное его понятие, восприятие и использование - признак не только культуры, но и в какой-то степени гениальности. Именно в этом значении использовал его Абай. **Слово — не единица сознания, не разум, не чувство, не мысль, а все вместе взятое.** Какая из этих величин преобладает, является ведущей, а что менее значимо — определение этого есть определение сути слова.

Философия слова — категория меняющаяся, ибо слова подобны речному потоку, который невозможно ни остановить, ни слержать. Вода теряет без движения свои достоинства. Таковую же участь постигнет и слово. В науке такое состояние слова называется “догмой”. Процесс превращения слова в догму - признак “обмеления разума”, но однако усилий в этом направлении делается много, так как движение слова вызывает беспокойство, состояние неопределенности, и люди пытаются избежать этого дискомфорта. Но вместе с тем, в нашу жизнь приходят новые слова, сменяя старые, и это означает изменение в социальной жизни, в сознании людей. Но в любой реформе, нововведении есть определенная доля ответственности. Любое изменение вызывает чувство страха, боязни неопределенности. Человек стремится изначально к ясности, но парадокс в том, что он всегда способен совершать непредсказуемые поступки. Путь от неизвестности к истине, поиск этого пути и есть познание. Слово же представляет ступень к нему.

Итак, мы уяснили для себя в некоторой степени понятие слова в основных его значениях. Обратимся ко второму поня-

тию “царь”. Мы должны учесть, что это слово употреблено Абаем не в буквальном смысле. Абай имеет в виду понятие “царь” в сознании общечеловеческом, общемировом. Это более широкое понятие, нежели толкование его в обычном, житейском плане. Чтобы быть царем, нужно обладать качествами, общими для всех царей и прежде всего, общечеловеческими. Абай называет стих царем, так как предполагает, что в истинной поэзии должны быть заложены эти достоинства. Если мир слов – царство, стих – царь в нем. Царям присущи общие качества, и в то же время каждый из них обладает особыми, индивидуальными чертами. Это характерно и для стиха.

В словесном искусстве без стиха невозможно представить ни одно творение. Мы называем этот жанр поэтикой или лирикой. Абай определяет стих царем слов и потому должен он быть совершенным во всех видах словесного искусства. Завершая наши рассуждения о понятиях “стих”, “царь”, “слово”, перейдем теперь ко второй части абаевской строки.

“Сөз сарасы” – “Вершина слова”, самое высокое ее проявление. Что таит в себе это сочетание? В казахском языке есть понятие “сара бағыт”, “сара жол” в значении правильное направление, путь справедливости. Верно ли это значение использовано Абаем? Изучая наследие поэта – мыслителя, мы для себя установили одну непреложную истину: любое его слово несет в себе определенную задачу и не может быть вставлено в строку для красоты слога. Взаимодополняя друг друга, эти словосочетания чаще всего рожают новые мысли, понятия. Так, стих, слово, царь, вершина выстроены в одной строке. С одной стороны, каждое из них представляет самостоятельное понятие, достойное темы отдельного разговора. Но объединяясь, они рожают новое понятие, являются как бы кирпичиками при закладке определенной генеральной идеи. Эти четыре слова в стихотворении Абая несут в себе идею о назначении слова. Проблема эта решается поэтом в двух аспектах: первый – стих – царь слов, второй – вершина, совершенство. Абай не ограничивается только первым постулатом, вносит существенное дополнение во второй части строки, ибо считает, что невозможно раскрыть природу слова, пользуясь только первой частью определения.

Слово слову рознь, и нужно уметь отделять истинное слово от словесной шелухи. Так же, как и все в природе, слово может быть поражено болезнью, и Абай говорит об этом: “словесной шелухой не оскорбляя слух”. Словесная шелуха, пустые, ни к

чему не обязывающие слова, пышное нагромождение фраз без мысли, без чувства не могут быть отнесены к разряду сара сөз. Из тысячи слов найти единственно нужное слово – это долгий и кропотливый труд. Слово, найденное таким трудом – настоящее высокое слово, истинная поэзия.

Таким образом, слово – это высшее проявление человеческого духа, его совершенство, именно поэтому Абай называет поэта, владеющего таким словом, гением человечества (ер да-насы).

В отличие от нас, твердящих постоянно навсегда заученное слово “культура”, Абай ни разу не использовал этого понятия. Но он, вынося идею о назначении слова, говорит о назначении человека, необходимых его достоинствах и подводит нас к мысли, что истинным культурным человеком можно назвать того, кто умеет отличать высокое слово от словесной шелухи.

**“Острый разум чист, словно пласт ледяной...”
 (“Әуелде бір суық мұз – ақыл зерек”)**

О разуме Абай говорил много. Пользуясь терминологией западно-европейской философии, можно сказать, что рационализм Абая имеет глубокие корни, что он очень содержателен. Сравнение разума с ледяным пластом не случайно. Острый разум должен быть рассудочным, холодным. Разум присущ только человеку, и с этим спорить не приходится. Им определяется уровень человека, ибо познание – это удел человека. И Абай эту функцию разума выделяет особо. Без разума не существует ни одной отрасли науки, образования. Сила человека – в познании истины посредством разума. Аллах наделил человека разумом, и право человека развивать, совершенствовать этот дар. В этом заключается назначение его, его миссия на земле. Разумный человек обладает знаниями, способе многое воспринимать, чувствовать. В мире было много светлых разумом людей, они есть и сейчас, пребудут они и в будущем. Исторически закономерно, что число из увеличивается. Связано это с наступлением цивилизации. Но мысль эта не нова, о этом говорили многие мыслители. Абай в своих рассуждениях идет дальше. Он ставит проблему шире. Говоря “острый разум чист, словно пласт ледяной”, во второй строке создает неожиданный противоположный образ сердца: “а горячее сердце со-

греет тебя”. Возникает вопрос: зачем к ледяному разуму мы добавляем горячее сердце?

Для науки, для исследования важен результат поиска, момент истины, ибо это является главной целью. Но ведь может случиться так, что результат поиска — гениальное открытие — не принесет счастья человечеству, посеяв страдания, смерти. Но исследователю, обладателю холодного разума, нет дела до этих сентиментов. В этом случае его разум представляет опасность для человечества. Именно поэтому Абай считает, что холодный разум непременно должен соседствовать с горячим сердцем, которое дает разуму свет и направляет его на путь благих деяний.

Абай, утверждая единство разума и сердца, продолжает развивать тему дальше. Холодному разуму и горячему сердцу, по глубокому убеждению поэта, “нужны рассудочность, взвешенность, терпение, которые исходят от воли” (подстр.). Таким образом, установлен союз трех, создано триединство: разум+сердце+воля. Воля делает разум уравновешенным, рассудочным, и это предполагает в человеке такие черты, как прозорливость, гениальность.

Читаем у Абая:

*“Только тот, кто сердце и разум сует
Непреклонной волей — достигнет высот.”*

В этих строках великие истины о смысле и назначении человека, о его сущности. Но, как сказал поэт, в жизни так, к сожалению, получается не всегда. Умный часто не обладает терпением, волей, он вспыльчив, раздражителен. Другой, владея железной волей, высказывая острый, пронизательный ум, имеет жестокое сердце, совершает бесчеловечные поступки, причиняя страдания другим. Да, люди разные, и нравы, и привычки их не могут быть одинаковыми. Иной человек и общителен, и сердце имеет доброе, открытое, но жизнь его пуста и бесцельна, ибо он безволен, вял и пассивен, и силы свои тратит на бесполезную суету и хлопоты.

Абай же говорит о том идеальном случае, когда все три качества соединяются в одном человеке. По Абаю, это хакимы, истинные мусульмане. Их прихода нужно ждать, ибо они — воплощение вечной мечты человека об идеале, его стремлении к совершенству.

**“Кровь моя черна, в язвах сердце мое”
 (“Қаны қара бір жанмын жаны жара”)**

Абай оставил очень много откровенных мыслей о своем времени, о себе, своих современниках. Поэт говорит, что только в юности человек по настоящему счастлив, потому что юность бездумна и легкомысленна. Но как только человек осознает сам себя в этом мире, для него начинаются мучения. Гореть в огне собственных мыслей — удел великих. Разумный человек не может прожить беспечную жизнь. Кроме того, ученый не только гений, но и поэт, стоящий на службе ангелов. Абай и мыслитель, и философ одновременно, и потому, видя испытания и лишения народные, предчувствуя мрачное будущее, он не мог быть романтиком, певцом возвышенных чувств. Но в этом стихотворении Абай говорит не об обществе, а о себе, своей личности.

Конечно, это размышления человека о своем взгляде на жизнь, и тем более человека известного — Абая, его философские размышления. Ни на кого не оглядываясь, ничего не опасаясь, он выражает свои самые сокровенные мысли. Потом он почувствует неловкость, и стихотворение заканчивает словами: “На этом завершу рассказ о своих тайнах”. Если бы дело касалось непосредственно одного поэта, то печаль его не была бы так глубока и безысходна. Поэт кручинится от того, что окружающие люди не понимают тяжести скорбных времен, не следуют за ним, не дают возможности до конца выразить свои мысли.

Что же это за сила, сковывающая волю поэта, сдерживающая его мысли? Мне представляется, что имя этой силы — судьба, рок.

Человек может победить себя, но уйти от своей судьбы не в силах. Мы ошибались, понимая под словом судьба какую-то внешнюю энергию. Да, судьба — выражение фаталистической силы, но это один элемент ее, есть другие компоненты, из которых она состоит. Абай хотел сказать об этом, но чувствуя свое бессилие, мучается и от того страдает и тоскует. Конечно, если бы Абай разложил по полочкам понятие судьбы, тогда бы и нам было легче.

Но судьба — более серьезная вещь, она испытывает человека, то приводя его в радость, то в уныние, заставляя размышлять, раздумывать. Невозможно объяснить одним словом, почему так происходит.

Разумный человек пытается, стремится к полной ясности во всем, он понимает ограниченность своих возможностей в познании и потому скорбит, осознавая, что не может вникнуть до конца в суть бытия. Это закономерно. Разумный человек понимает, что мир — это загадка, он хочет найти свое место в нем. Тайна мироздания — тайна Аллаха, говоря объективно, тайна природы. Аллах наделил человека страстью к познанию. Но страсть эта беспредельна, тогда как познание ограничено, и потому часто страсть к познанию вступает в противоречие со знаниями человека, его возможностями.

Абай зачастую сдерживает эту страсть, ибо понимает, что когда-нибудь остановится сердце, оскудеет речь, и что от судьбы не убежать. Поэт стремится определить свое место в этой жизни. Со стороны может показаться, что он не разочарован в жизни, но рассуждая о ее бренности, поэт пишет: “Яд и ад во мне — пусть я с виду иной. В жизни мало успев, кончу путь земной”. Эти мысли сходны с рассуждениями западноевропейских экзистенциалистов. Хорошо это или плохо, осуждать нам поэта или восхвалять? Думаю, ни то, ни другое. Ведь суть наших размышлений — в мировоззрении Абая, и эти мысли ценны самой постановкой проблемы — смотреть на мир глазами поэта и посредством этого познать, понять его.

Понять стихи Абая сложно, объяснить их, дать им толкование еще сложнее, тем более, что сказанное нами не всегда может быть пониманием самого Абая, ибо, мы придя в жизнь после поэта, читали иные книги, знакомы более подробно с историей философии. Естественна в связи с этим вероятность использования более поздних мыслей при анализе творчества поэта. В одних случаях они помогают лучше понять Абая, в других же, напротив, затрудняют, мешают. Например, в толковании абаяевского “кровь моя черна, в язвах сердце мое”, совсем не обязательно использовать современную философию. Выражение бытует с давних времен. Суть его в том, что это признак скорби, выпавшей на долю человека. Эту скорбь делят с ним все, кто находится рядом. Но Абай говорит о своем одиночестве в этой скорби.

Одиночество — удел мудрых, осененных печатью гениальности людей. Быть одиноким среди множества людей, чувствовать себя неприкайным — значит, не иметь себе равных, уйти далеко в своем развитии от толпы.

**“Природа смертна, вечен человек”
 (“Өлсө өлөр табиғат, адам өлмес”)**

Со времен Адама существует много легенд и преданий, истин о человеке. Для того, чтобы познать тайну человеческой сути, сколько было придумано пророками и их заместителями на земле религий. Познание человека через религию, т.е. попытка узнать его тайну через внешнюю силу, дало свои плоды.

Было создано много религиозных течений, суть которых заключалась в утверждении, что человека создал бог, и ключ к тайне человеческой сути находится у него.

Таким образом, тайна человека превратилась во внешнюю абстракцию, которую стал исследовать сам человек, используя известные ему истины.

И здесь он столкнулся с такими понятиями, как “вечная жизнь” и “бренная”. Тогда что же бренно, а что вечно? Жизнь коротка, это только миг в мироздании.

Значит, что мгновение призрачно, обманчиво, что же такое вечность? Абай искал ответы на этот вопрос. Как понимать его слова “природа смертна”, “вечен человек”?

Еще до Абая было известно мнение, что человек – дитя природы, порождение ее. Поэт признает это, считая, что человек – часть природы, значит, смертна его плоть. Природа человека, его плоть бренны в этом мире. Так же, как зима сменяет лето, человек рождается и в свой черед умирает. В народе есть выражения: “Время родиться и время умирать”, “Каждый человек смертен”, которые свидетельствуют о том, что люди издревле сознавали и принимали эту закономерность.

Абаю, конечно, были известны эти поговорки. Но он говорит об этой закономерности по-другому. В представлении Абая, умирает не сам человек, а его плоть, его природа. Вот в этом значении Абай принимал бренность бытия. Умирает природа человека, и ему уже нет места среди живых. Вместо него приходят другие. Это закон Вселенной, и раскрыть тайну ее не дано никому. Человеческое сознание, разум не способны проникнуть в эту тайну, и по незнанию, как говорит Абай, переселение человека в другой мир люди называли словом “смерть”. Умерщвление плоти, выход души из тела человека не означает смерти его духа. Поэт говорит, что разъединение природы человека с его “я” не означает его смерти. Аллах не дал людям возможность познать все тайны бытия, сути человека. Это достояние немногих. Абай пишет:

*“Я” и “мое” - меж нами расставање
невежды смертью нарекли навек”.*

Для того, чтобы вникнуть в эти слова, уясним для начала, что же такое “я” в представлении поэта. Абаевское “я” - это плоть человека, его природа. Но здесь есть одно гносеологическое затруднение. Остановимся на нем. Понятие “я” используется только по отношению к человеку. Другие живые существа не имеют своего “я”. В силу законов природы “я” — это не только природа, но и мера сознания, его проявление. Каждое “я” — это ступенька к познанию субъекта. Например, трудно что-либо сказать определенное о “я” сумасшедших, лишенных разума. Это тема другого важного разговора.

Я говорю о “я” людей, которые стремятся познать Аллаха или бытие, природу.

Абай вкладывает в понятие “я” три значения плоть, душа, дух. Плоть тленна, она основывается на биологических законах. Религия ислама придавала большое значение чистоте плоти. Если человек чист телом, он чист и душой. Дух также требует чистоты плоти. В здоровом теле здоровый дух. Человек ответственен за себя, эта ответственность выражается в его “я”.

“Я” — это философская категория, характеризующая суть человека, значит оно связано не только с телом и душой, но и с духом. Когда умертвляется плоть, душа и дух переходят в другие формы. “Я” разделяется со своей природой.

После смерти тела душа и дух покидают его и начинают искать иные формы существования. Лишившись материального воплощения, они не теряют своей объективной сути. Напротив, приобретая вечное содержание, объединяются с вечной истиной. Но в какой форме они воплощаются после умерщвления плоти, для человека остается загадкой. Люди высказывают предположение, что душа после смерти человека становится духом предков.

В каждом народе, религии есть сложенные на этот счет мифы и предания, которые не идут дальше предположения. Человеку не дано познать дух, поэтому Платон призывал признать дух в виде некой Идеи. Значение идеи в том, что она является движущей силой познания, первопричиной ее. Искать первопричину, рождающую идею, бесполезно, ибо она заключается внутри самой идеи.

В понимании Абая Аллах — это идея, значит отыскать причину, истоки его появления нет необходимости. А вот познать

слово божье для человека возможно. Но познание человека не может выйти за пределы понятия Аллаха, оно ограничивается этим пределом. Такое понимание в Западной Европе называется мистикой.

Но истинная суть различия между природой человека и его “я” именно в этом, ибо с умертвлением плоти человека, его природы, не умирает его “я”. В противном случае станет бессмысленным человеческое существование, все наши благие дела, прожитая жизнь, оставшиеся после нас потомки. Тлен господствует только над плотью, дух же человека бессмертен.

Познание сути человека послужило основой для создания многих религий, мировых схем философии, систем. Разделение плоти и души люди чувствовали, осознавали с давних времен, но понять до конца истинное положение вещей, дойти до сути вопроса не удалось до сих пор никому. Абая постигла эта же участь. То, о чем он говорит, не ново, но заслуга поэта в том, что он проанализировал существующие представления, укрепившиеся в народном сознании, и высказал на этот счет свои критические замечания.

Поэт затрагивает глубинную суть проблемы. О разделении плоти и души было известно казахам еще до проникновения ислама.

Понятие “духи предков” было основным в мировоззрении тюркских народов. В песне о Культегине — не говорится, что человек умер, а “душа отлетела”, т.к. человек, воплотившись в другую форму, улетел на небеса.

Понятие “Тенгри” у тюрков означает неделимый цельный мир. Оно не существует вне человека, является его мировым измерением.

В понимании Абая невежественен тот, кто говорит — человек умер. И вправду, забвение человека после его смерти, исключение из списков живых рождает противоречивые понятия и представления об общественных принципах. Это неуважение к человеку, ибо во всем мире уважаем только он.

Это понятие используется только человеком и для человека, и оно не должно теряться, когда душа расстается с телом. Какой почет и уважение оказываем мы человеку при жизни, такое же отношение должно остаться и после того, как душа его воспарит в небо, расставшись с плотью. Об этом так говорит Абай в своем стихотворении:

*“Природа смертна. Вечен человек.
Но где же он? Где жизнь его? Где век?
“Я” и “мое” — меж нами расставаньё
Невежды смертью нарекли навек”.*

**“Достаток украшает жизнь”
 (“Адамзаттық көркі — мал”)**

Мудрость Абая в том, что он употребляет каждое слово в истинном, первоначальном значении.

Свидетельством тому может быть слово “мал”. Известно, что в обиходной речи казахи используют слово “мал” в значении скот. Абай в своих произведениях использует его не только в этом значении. Например, в стихотворении “Голодное брюхо чем хочешь набей”, есть такие строки:

*“Не бойся внаем на чужбину ийти,
Вернувшись с достатком — ты будешь в чести”.*

Замечаете ли вы, что Абай, говоря “мал тап” (букв. — найти скот), не имеет в виду приобретение коров, баранов, лошадей. Он использует слово “мал” в значении “достаток”, “богатство”. Возьмем для примера еще одно четверостишье:

*“Лишь риск и дерзанье несут торжество,
Ленивец вовек не создаст ничего.
Нет грязной работы! Ходи за ослом, —
Ни руки, ни честь не грязны от того!”*

В этом стихотворении слово “мал” повторяется семь раз, и всякий раз Абай использует это слово в значении “богатство”, “достаток”, т.е. как экономическое понятие, что характеризует поэта, как мыслителя-реалиста.

Итак, слово “мал” сродни понятиям “богатство”, “капитал”. Лингвисты мучаются в переводе слова “капитал” на казахский язык, тогда как Абай еще на заре расцвета капиталистических отношений нашел его, и есть все основания использовать слово “мал” как экономический термин. В переводе с арабского “мал” — “собственность”, “капитал”. Чтобы убедиться в достоверности моего утверждения, обратимся к вышедшему в 1991 г. в Москве “Универсальному словарю ислама”. Конечно, было бы ошибкой утверждать, что Абай не в этом значении понимал слово “скот”. При встрече казахи

говорят “Мал-жан Аман ба?” И здесь понимается слово “мал” не в буквальном смысле, а в более широком философском значении.

Абай связывает богатство не только с трудом. Он рассматривает это слово как путь, ведущий к прогрессу, раскрепощению человека, проявлению сострадания, милосердия, т.е. общечеловеческих качеств.

*“Обманом, уверткой добра не обрести
Приучишься сладко и пить ты, и есть.
А как отвыкать, когда все проживешь
Лишившись покоя, утративши честь?”*

В этих строчках Абай прославляет честный, благородный труд.

*“Заброшен, пустынен твой дом,
И в поисках пищи ты рыщешь кругом.
Кто кость тебе даст, иль кумыса глоток,
За все отработать заставит потом”.*

Если нет у тебя богатства, говорит Абай, ты не свободный человек, и ты не сможешь уважать себя, потому что живешь подачками с чужого стола.

Хочешь быть независимым, не ленись, не гнушайся любой работы. Вот именно такой, высказанный Абаем, экономический прагматизм необходим нашему народу.

Мы, казахи, не готовы еще к такому подходу, в нас еще живет, как говорил Абай: “чистоплюйство”. Но это быстро пройдет, ибо экономический прагматизм все больше проникает в наше сознание.

**“Тем, кто испытывает жажду познаний”
(Слово тридцать второе)**

Слово “устремление” Абай рассматривает как философскую категорию. Тем, кто стремится к свершению открытий в науке, надо помнить несколько условий.

Рассмотрим каждое из них в отдельности. Во-первых, устремление — это и жажда познания, и страсть к овладению науками. Условие: “Если страстно полюбишь науку, и само знание будешь считать подарком, то оно дает тебе высшее блажен-

ство”. Есть люди, которые стремление к наукам предпочитают богатству. В науке видят они смысл своего существования. Если же ты не испытываешь к науке и знаниям настоящей страсти и любви, если же твои чувства обращены к другим вещам, тогда “твое отношение к науке подобно отношению мачехи к пасынку. “Науку надо любить, как мать любит своего сына”. Человек, преданный науке и знаниям, не должен отвлекаться на иные дела.

Во-вторых, твои знания должны быть нацелены на постижение тайн мира, а если тебе нужны знания только для того, чтобы победить соперника в споре, — это может принести вред науке и обществу, потому, что рождает завистников, спесивцев и бахвалов.

Хотя надо сказать, что спор в науке необходим, если он содержателен и оттачивает ум. Но излишняя приверженность к нему губит человека. Наука остается в стороне, говорит Абай, и призывает к умеренности в спорах. Есть в науке люди, безраздельно преданные ей, они не знают зависти, мстительности, в занятиях наукой для них главный смысл, жизнь свою они посвятили открытию и постижению мира. Их Абай называет хакимами.

В-третьих, говорит Абай, не отступай от истины, открытой тобой, даже под угрозой смерти. Какой прок от истины, если ты сам не предан ей? В противном случае и люди не примут ее. Конечно, если ты безволен и слаб и завтра легко отречешься от слов, которые ты произносишь сегодня, о каком постоянстве и убежденности может идти речь.

Но считать сказанное тобой догмой, не прислушиваться к чужому мнению, которое может быть единственной истиной, не открывшейся тебе, но необходимой — это тоже не украшает ученого мужа. Узнать от других то, чего не знаешь, не считать для себя зазорным — это одно из условий, поставленных Абаем перед людьми науки.

В-четвертых, у науки есть два оружия, говорит Абай. Это обмен мнениями или дискуссия и — защита, спасение. Подробно на этом поэт не останавливается. Поскольку эти понятия взяты из арабской философии, при толковании их надо внимательно изучить место и роль этих категорий именно в арабской философии.

В-пятых, поэт предостерегает от пророков, болезней ума*, о чем он уже упоминал в тридцать первом Слове. Сам Абай гово-

---

* У Абая ничто неоднозначно, неоднородно, что является одним из ключевых моментов, определяющих глубину его поэзии (С. К.)

рит, что об этом сказано в девятнадцатом Слове, где он рассуждает о равнодушии.

Последнее, о чем говорит Абай, — это о том, что необходим характер, чтобы сохранить свои познания и разум. “Твердость духа и воли — основа настоящего характера”.

Поэтому если достиг чего-нибудь в жизни, ты должен надеяться только на себя, на свой разум и волю, твоя судьба зависит от тебя, и ты должен крепко держаться за ее поводья.

Гарифолла Есим

КРАТКИЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ ПОЭТОВ-ПЕРЕВОДЧИКОВ АБАЯ

БЕЛЬГЕР ГЕРОЛЬД КАРЛОВИЧ [28.10.1934, (Энгельс, Саратовская область)] – писатель, переводчик, публицист, критик.

Г. Бельгер родился в семье военного фельдшера. В 1941 г. семья была депортирована в Казахстан в казахскую глубинку. Учился в казахской школе.

Писатель-шестидесятник, переводчик, блистательно владеющий и пишущий на трех языках. С начала литературного творчества находится в гуще литературных и культурных событий республики, формируя и оказывая значительное влияние на эти процессы.

Первая книга “Сосновый дом на краю аула” вышла в 1973 г. Г. Бельгер – “Заслуженный работник культуры КазССР”, Лауреат Президентской премии мира и духовного согласия (1992), кавалер ордена “Парасат” №1 (1992), премия казахского ПЕН-клуба (1996), платиновый “Тарлан” (2002).

Автор книг: “Чайки над степью” (1976, на нем. яз.), “За шестью перевалами” (1977), “Брат среди братьев” (1981), “Каменный брод” (1987), “Завтра будет солнце” (1992), “Земные избранники (Гете, Абай)” (1995) “Тихие беседы на шумных перекрестках” (2001), “Этюды о переводах Ильяса Джансугурова” (2002).

БРОДСКИЙ ДАВИД ГРИГОРЬЕВИЧ [15.03.1899 (Аккерман (ныне Белгород), Бессарабия) – 07.12.1966 (Москва)] – поэт, переводчик.

Учился в Одесском медицинском институте. Печатался с 1921 г. В 1950 г. опубликовал перевод поэмы “Герман и Доротея”. Активно выступал как переводчик и пропагандист литературы братских республик (Г. Шевченко, И. Франко, П. Тычина, А. Акопян и др.). Труды Д. Бродского отмечены высокой поэтической культурой, умением передать национальное своеобразие оригинала.

БУГАЕВСКИЙ ВЛАДИМИР АЛЕКСЕЕВИЧ [27.04.1905 (Украина) – 21.11.1964] – поэт-переводчик.

ГАТОВ АЛЕКСАНДР БОРИСОВИЧ [14.11.1899 (Харьков) – ?] – поэт, переводчик, литературовед.

Начал печататься с 1916 года в Петрограде. Первая книга А.Б. Гатова “Барельеф из воска”. Автор нескольких сборников лирических стихов и книги “Эжен Потье. Жизнь и творчество” (1933). Плодотворно работал как переводчик: сборники “Революционная поэзия Запада XIX века” (1930), “Поэты Америки” (1934), “Поэты парижских баррикад” (1935), “Эжен Потье. Песни. Стихи. Поэмы” (1966), “Болгарские поэты” (1969) и др.

Награжден болгарским орденом Кирилла и Мефодия, медалями.

ДЛИГАЧ ЛЕВ МИХАЙЛОВИЧ [28.02.1904 – 30.09.1949] – поэт-переводчик.

Переводил с украинского и еврейского языков.

ДУДИН МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ [17.11.1916 (дер. Клевнево, Ивановская губ.) – 31.12.1993 (С.-Петербург)] – поэт.

Точкой отсчета поэтического пути считал тетрадь стихотворений “Жестокий снег” (1939-1940). Впервые стихотворения М. Дудина выбрал из потока почты и опубликовал в журнале “Звезда” (1941) Н. Тихонов.

М. Дудин много послужил сближению разных народов, культур, литератур как переводчик грузинской, калмыцкой, казахской поэзии.

Лауреат Государственной премии СССР (1981); Герой Социалистического труда (1976); Премия Пенклуба Казахстана 1994 (посмертно) и др.

ЗВЯГИНЦЕВА ВЕРА КЛАВДИЕВНА [31.10.1894 – 10.09.1972 (Москва)] – поэтесса, переводчица.

Окончив гимназию в 1912 году, поступает в драматическую школу и в 1917 году становится артисткой театра “Комедия”, затем “Второго Передвижного” театра, позже театра Вс. Мейерхольда. Участвует в спектакле “Мистерия-Буфф” по пьесе В. Маяковского. Посещает литературные кружки и собрания, пишет стихи, выступает с ними, в т.ч. в кафе “Музыкальная табакерка”, где она получила одобрение В. Брюсова. В 1922 г. выходит ее первая книга стихов “На мосту”.

С середины 30 гг. В. Звягинцева интенсивно занялась переводами. Широко известны ее переводы произведений Н. Кучака, А. Исаакяна, Г. Боряна, Н. Зарьяна, С. Капуктиян, Г. Эмина, Т. Шевченко, П. Тычины, еврейских поэтов, главы из

кабардинского эпоса “Нарты” и др. Общение и сотрудничество с М. Цветаевой, Б. Пастернаком, П. Антокольским, Н. Асеевым, Л. Леоновым, с деятелями театра, живописи, музыки, горячее участие на протяжении нескольких десятилетий в художественной жизни столицы определили вкусы и симпатии поэтессы.

Один из самых известных афоризмов В. Звягинцевой – “В жизни кроме несчастья – все счастье”.

КАРАБАН ПАВЕЛ СОЛОМОНОВИЧ (ШЛЕЙМАН) [14.01.1910 (Кишинев) – 1950 (Москва)] – поэт-переводчик, литературовед.

В 1935 г. окончил юридический факультет Молдавского Государственного университета. Детский писатель, переводчик с молдавского, один из авторитетнейших критиков среди молдавских писателей своего времени. Его статья о молдавской литературе вошла в Большую Советскую Энциклопедию.

КОДАР АУЭЗХАН АБДИРАИМОВИЧ [12.07.1958 (сов. Кармакчинский, Кармакчинский район, Кзыл-Ординская обл.)] – поэт, переводчик.

Несмотря на тяжелую болезнь А. Кодар активно реализует себя как двуязычный поэт-переводчик, культуролог.

Первый поэтический сборник “Крылатый узор” на русском языке выходит в 1990 г. С 1999 г. издает альманах “Тамыр”.

КУЗНЕЦОВ ЮРИЙ ПОЛИКАРПОВИЧ [11.02.1941 (станция Ленинградская, Краснодарский край)] – поэт.

В 1965 поступил в Литературный институт им. М. Горького, в следующем году издал в Краснодаре свой первый сборник “Гроза”.

Ю. Кузнецов – поэт своеобразного дарования, склонный к фольклорной образности и неожиданным экспериментам с особой силой отразившихся в книге “Край света – за первым углом. Стихи и поэмы” (1976).

Книге Ю. Кузнецова “Душа верна неведомым пределам” присуждена Государственная премия РСФСР (1990).

ЛУКОНИН МИХАИЛ КУЗЬМИЧ [29.10.1918 (с Клинички близ Астрахани) – 04.08.1976 (Москва)] – поэт, публицист.

Первая книга стихотворений “Сердцебиение” (1947) поставила М. Луконина прочно в ряды “военного поколения”, поэтов “фронтowej лирики”.

Поэзия М. Луконина с самого начала ориентирована на социальное целое, от которого отрываться в принципе нельзя. За книгу “Необходимость” удостоен Государственной премии СССР (1973).

МОМЫШУЛЫ БАХЫТЖАН БАУРЖАНОВИЧ [03.10.1941 (Алма-Ата)] – прозаик, переводчик.

Закончил Институт иностранных языков. Литературную деятельность начал в качестве переводчика казахских авторов на русский язык: Ш. Муртазаева “Молнии безоблачных дней” (1965), Ж. Молдагалиева “История одной любви” (1968), К. Токаева “Выстрел на закате” (1970).

Б. Момышулы создает и свои оригинальные произведения: “Добрые мосты” (1971), “Прозрачные льдины” (1976), “Тихие голоса” (1978) и др.

НЕЙМАН ЮЛИЯ МОИСЕЕВНА (НОВИКОВА) [09.07.1907 (Уфа) – 1993 (Москва)] – поэтесса, переводчик.

Окончила МГУ им. М.В. Ломоносова в 1930 г. Награждена медалями. Член СП СССР с 1963 г. Печататься начала с 1934 г. Вместе с Р.Ю. Радловым написала пьесы “Дело в Эврике” (1947), “Зеленая палочка” (1955). Писала об А.И. Полежаеве, Е.Л. Шварце, В.А. Фаворском и др.

Собственные соч.: Поэзия: “Костер на снегу”, Стихи. М., 1974; “Мысли в пути”, Стихи. Элиста, 1976.

Переводила Кугультинова Д., Раджаба У., поэму Гамзатова Р. “Берегите матерей” и др.

НЕЧАЙ МИХАИЛ ПОТАПОВИЧ [08.11.1919 (с. Владимировка Днепропетровской обл.) – ?] – прозаик, переводчик.

Окончил Днепропетровский университет. Самая известная повесть “Дети земли”. Член СП с 1959 г.

ПЕТРОВЫХ МАРИЯ СЕРГЕЕВНА [13(26).03.1908 (пос. Норский Посад, Ярославская губерния) – 01.06.1979 (Москва)] – русская поэтесса.

В ее лирике (сборники “Дальнее дерево”, 1968, “Предназначение”, 1983, “Черта горизонта”, 1986) преобладает исповедальная интонация, поэтизация нравственной чистоты, душевной стойкости. Занималась переводами национальных, в том числе армянских поэтов.

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ВСЕВОЛОД АЛЕКСАНДРОВИЧ [29.03.1895 (Царское Село) — 30.08.1977 (Ленинград)] — поэт, переводчик, литературовед.

Квартира Рождественских находилась в здании Царскосельской гимназии (отец, Александр Васильевич, был законоучителем в гимназии), директором которой в то время был И. Анненский, а одним из учеников Н. Гумилев. Среди царскосельских ровесников Вс. Рождественского была также А. Ахматова.

В 30-е гг. Рождественский с бригадой ленинградских писателей приезжает в Казахстан, навсегда связав свою творческую судьбу с казахской литературой и, в первую очередь, с поэзией Абая, став одним из первых переводчиков произведений Поэта на русский язык.

РУСТ ЛИДИЯ (ТАРЛОВСКАЯ ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА) [29.12.1898 (Москва) — 1953] — русская поэтесса, переводчица.

Окончила Московские Высшие женские курсы (историко-филологический факультет). Переводила с языков народов СССР, в том числе с еврейского. Член СП с 1944 г.

Перевела на русский и опубликовала в Москве пьесу Мухтара Ауэзова “Кобланды”.

ТАРЛОВСКИЙ МАРК АРИЕВИЧ [20.07.1902 (Елисаветград (позднее — Кировоград) — 15.07.1952 (Москва)] — поэт, переводчик.

После рождения мальчика спустя пятнадцать лет, семья переехала в Одессу. Здесь М. Тарловский окончил гимназию. Писать стихи начал рано — тринадцатилетний поэт явно переживает увлечение Некрасовым.

В двадцать первом году М. Тарловский поступил на отделение литературы и языка факультета общественных наук Московского университета.

Следует упомянуть и о изяшно-сложной, не бросающейся в глаза связи между балладой-поэмой Шенгели “Искусство” (1926) и стихотворением М. Тарловского “Я — черный крыс, потомок древних рас...” (1929). И то и другое — вариации на традиционную в европейской поэзии разработку темы “Гаммельнского крысолова”.

Первая книга стихов “Иронический сад” (1928) отмечена влиянием акмеизма, в 1931 г. выпустил книгу “Бумеранг”.

Сразу после появления “Бумеранга”, надеясь “подготовить почву” для третьей и последней книги, вышедшей в 1935 г., “Рождение Родины” М. Тарловский написал письмо в Главлит, в цензуру, осложнив и без того подозрительное отношение к своему творчеству.

Переводил с европейских языков и языков народов СССР. Один из переводчиков Джамбула.

М. Тарловский умер, не дожив до пятидесяти. Упал среди бела дня на улице Горького (Тверской), в ста метрах от памятника Пушкину.

ТЛЕУБАЕВ СЕЙЛЬБЕК ХАМИТОВИЧ [19.11.1921 (с. Косколь, Кокчетавская обл.) – 17.10.1996 (Алматы)] – переводчик.

Один из старейших казахских переводчиков. Всю жизнь проработал в Алматинском Институте иностранных языков. Переводил с русского на казахский язык и с казахского на русский. Книги в его переводах: И. Вазов “Под игом”, А. Гайдар “Рассказы”, И. Василенко “Рассказы”, З. Шашкин “Токаш Бокин” и “Темиртау”, Ж. Тлеков “В степях Джунгарии”.

УЛЬЯНОВ АНАТОЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ, литературные псевдонимы **М. Касаткин, А. Волгин** [1937 (Якутия) – 1996 (Сызрань)] – поэт, журналист.

Родился в Якутии, но его жизнь, творческая судьба связаны с Сызранью. Здесь он закончил десятилетку. Работал в вагонном депо станции Сызрань-1 помощником машиниста мотовоза, затем токарем. В 1959 г., после службы в армии, пришел в редакцию сызранской районной газеты “Красное Приволжье”, где и проработал всю жизнь, вначале журналистом, затем зав. отделом сельского хозяйства, заместителем редактора.

В 1964 г. выходит первая книга М. Касаткина (Ульянова) “Стрижи”. В Куйбышевском книжном издательстве выходят книги: “Перед рассветом” (1975), “Рожь зацвела” (1981). Книга “Осенние колокола” (1989) – последнее прижизненное издание М. Касаткина (Ульянова).

ШТЕЙНБЕРГ АРКАДИЙ АКИМОВИЧ [декабрь 1907 (Одесса) – 1984 (Москва)] – поэт, переводчик, художник.

Учился в Одесском реальном училище св. Павла, окончил среднюю школу после переезда в Москву, в 1923 г. В 1925 г.

поступил во ВХУТЕМАС. Живопись считал своей второй профессией. Член Союза писателей СССР с 1940 г.

Дважды репрессирован и дважды реабилитирован. Участник Великой Отечественной войны. Награды: “За боевые заслуги” (1941), орден “Отечественная война I степени” (1944).

Опубликовал переложение стихов великого китайского поэта и художника Ван Вэя (8-е столетие), 1979 г. Переводил якутский эпос.

Издание оригинальных стихотворений наталкивается на трудности из-за принципиальных разногласий с редакцией издательства “Советский писатель” по составу книги.

В свое время он был одним из инициаторов, составителей и редакторов сборника “Тарусские страницы”, в котором опубликовано около 1000 строк его стихов.

ОСНОВНЫЕ ИЗДАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ АБАЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Абай Кунанбаев. Избранные стихи. Перевод с казахского Вс. Рождественского, Алма-Ата, 1936.

Абай Кунанбаев. Лирика и поэмы. Под ред. Л. Соболева, М., 1940.

Абай Кунанбаев. Избранное. М., Гослитиздат, 1945.

Абай Кунанбаев. Стихотворения. Поэмы. Проза. М., 1954.

Абай Кунанбаев. Избранное. Алма-Ата, Казгослитиздат, 1958.

Абай. Стихотворения и поэмы. Под ред. Вс. Рождественского, М.-Л., 1966.

Абай Кунанбаев. Избранное. Составитель М. Магауин. М., 1981.

Назидания Абая. Пер. С. Санбаева. Алма-Ата, 1983.

Абай (Ибрагим) Кунанбаев. Избранное. Переводы с казахского и комментарии Ауэзхана Кодара. Алма-Ата, 1996.

Абай. Қара сөз. Книга слов. Перевод с казахского Юрия Кузнецова. Библиотека журнала “Аманат”. Алматы, 2002.

Абай. Слово седьмое. Стихи, поэмы, проза. Алматы, 2002.

Иллюстративным материалом послужили*: а) первое посмертное издание произведений Ибрагима (Абая) Кунанбаева, подготовленное Алиханом Букейхановым, двоюродным братом Абая Какитаем и сыном поэта Турагулом, напечатанное в “Восточной электро-печатне И. Бораганского” С.-Петербург, 1909 г. (экземпляр принадлежит фонду НКЦ “Дом Ауэзова” – КПр 1. № 603); б) известные работы Евгения Сидоркина гениально отразившие время и дух абаевской поэзии, в том числе, редкие гравюры художника той же серии, не вошедшие в иллюстрации романа “Путь Абая” (Библиотека Всемирной литературы. М., 1971 г.), которые также принадлежат Дому-музею Ауэзова — главный хранитель А. К. Куанышбаев.

Оригинальные произведения Поэта взяты из полного академического издания собрания сочинений Абая в двух томах (Абай. Шығармаларының екі томдық толық жинағы. Алматы, 1995).

Подстрочные переводы Герольда Бельгера, Бахытжана Момыш-улы, Сейльбека Глеубаева послужили значительным подспорьем автору-составителю, но главный смысл введения подстрочника в контекст издания — возможность сравнительного анализа вариантов художественного перевода с оригиналом.

Благодарю Оразбаеву Турсынай консультанта по Казахской литературе Международного Сообщества писательских Союзов (правопреемник Союза писателей СССР) оказавшую помощь в поиске нескольких забытых имен русских переводчиков в архивах и библиотеках Москвы, всех, чьи имена вошли в эту книгу.

Возможно какие-либо переводы других авторов из двадцати представленных произведений Абая не вошли в орбиту внимания автора-составителя, заранее приношу извинения. Но, думаю, если таковые имеются они найдут свое место в последующих изданиях книги.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Марат Адибаев. Абай</i>	3
<i>Раушан Кайшибаева. Восхождение к Абаю</i>	4

1884

<i>Қақтаган ақ күмістей кең маңдайлы</i>	19
<i>Лоб словно серебро, расплавленное над огнем...</i>	
<i>Подстр. пер. К. Досжан</i>	20
<i>Словно месяц, изогнутый в небе ночном...</i>	
<i>Пер. Вс. Рождественского</i>	22
<i>Подобен серебру чеканному широкий лоб резной...</i>	
<i>Пер. М. Луконина</i>	24
<i>Белый лоб – серебро, чей тонок чекан...</i>	
<i>Пер М. Тарловского</i>	25
<i>Высокий лоб – живое серебро...</i>	
<i>Пер. М. Адибаева</i>	27

1886

<i>Қартайдық, қайғы ойладық, ұйқы сергек</i>	31
<i>Постарели, печали душам, сон чуток...</i>	
<i>Подстр. пер. Бахытжана Момыш-ұлы</i>	33
<i>Вот и старость. Скорбны думы, чуток сон...</i>	
<i>Пер. Д. Бродского</i>	37
<i>Старость, тяжкие думы, стал чуток твой сон...</i>	
<i>Пер. Ю. Кузнецова</i>	39
<i>Где старость, там скорбь, там тревожнее сон...</i>	
<i>Пер. А. Кодара</i>	41
<i>Сон чуток, думы старость гложет...</i>	
<i>Пер. М. Адибаева</i>	43
<i>Қартайдық, қайрат қайтты, ұлғайды арман</i>	45
<i>Постарели, душам и печали, выросли мечты...</i>	
<i>Подстр. пер. Бахытжана Момыш-ұлы</i>	47
<i>Хоть мы уже старцы, хоть мысли печальны –</i> <i>в нас жадность сильна... Пер. Л. Длигача</i>	51

Вот и старость... Свершиться мечтам не дано!	
<i>Пер. А. Гатова (I вар.)</i>	53
Жизнь уходит, и сбьются мечтам не дано...	
<i>Пер. А. Гатова (II вар.)</i>	55
Где старость, там скорбь, там мученья одни...	
<i>Пер. А. Кодара</i>	57
Уходят силы, старость, уж мечты иные...	
<i>Пер. М. Адипбаева</i>	59
<i>Қыран бұркіт не алмайды, салса баптап</i>	61
<i>Чего только не возьмет орел, если его обучить...</i>	
<i>Подстр. пер. Бахытжана Момыш-улы</i>	62
Хоть любую добычу беркут берет...	
<i>Пер. А. Штейнберга</i>	63
Быстрый беркут любую добычу возьмет...	
<i>Пер. Ю. Кузнецова</i>	64
Орел-кыран везде возьмет добычу...	
<i>Пер. М. Адипбаева</i>	65
<i>Бір дәурен кемді күнге – бозбалалық</i>	66
<i>Одна пора скудеет с каждым днем – это юность...</i>	
<i>Подстр. пер. Бахытжана Момыш-улы</i>	68
Только юность одна – жизни счастливый цвет...	
<i>Пер. Вс. Рождественского</i>	71
Мир целый – юности мгновенье краткой...	
<i>Пер. М. Адипбаева</i>	73
<i>Патша құдай, сыйындым</i>	75
<i>Владыка бог, к тебе взываю...</i> <i>Подстр. пер. Г. Бельгера</i>	76
О, помоги к стопам твоим... <i>Пер. В. Бугаевского</i>	78
Тебе я вверился, мой бог. <i>Пер. А. Кодара</i>	79
Владыка наш, к Тебе взываю... <i>Пер. М. Адипбаева</i>	80
<i>Өкінішті көп өмір кеткен өтіп</i>	81
<i>Многие годы жизни прощай, достойные сожаления...</i>	
<i>Подстр. пер. Бахытжана Момыш-улы</i>	82
Бестолково учась, я жизнь прозевал. <i>Пер. А. Штейнберга</i>	85
Ушли тьмы жизней, канув в сожаленья... <i>Пер. М. Адипбаева</i> .	86

1887

Өлең – сөздің патшасы, сөз сарасы	89
<i>Стихи – падишах слова, основа слова...</i>	
Подстр. пер. Бахытжана Момыш-улы	91
Стих – это вождь среди слов, ценнейший их убор...	
Пер. Вс. Рождественского	96
Стихи – жемчужины меж слов, в них блеск владык...	
Пер. Л. Руст	98
Поэзия – властитель языка... Пер. В Звягинцевой	100
Поэзия – царица языка... Пер. Ю. Кузнецова	102
Поэзия – слов благороднейших царь... Пер. А. Кодара	104
Поэзия – властитель слов, ее глубины... Пер. М. Адибаева	106

1888

Біреудің кісісі өлсе, қаралы – ол	111
<i>Если у кого-то умирает человек, в трауре он...</i>	
Подстр. пер. Бахытжана Момыш-улы	113
Родич умрет у кого, траур по нем глубок... Пер. Л. Руст	117
Если умер близкий – скорбен человек... Пер. П. Карабана	119
Уйдет ли близкий – скорбь заточит... Пер. М. Адибаева	121

1892

Не іздейсің, көңілім, не іздейсің?	125
<i>Чего ты ищешь, душа, чего ты ищешь?</i>	
Подстр. пер. А. Кодара	126
Душа! Что ты ищешь? Что с тобою? Пер. А. Штейнберга	128
Что ты ждешь. душа, что ты ищешь? Пер. М. Касаткина	129
О чем душа моя томишься? Пер. Ю. Кузнецова	130
Что ищешь, душа, кого ищешь? Пер. М. Адибаева	131
Жүрегім, ойбай, соқпа енді!	133
<i>Сердце, не бойся, приостановись!</i>	
Подстр. пер. С. Тлеубаева	134
О сердце мое, замри, застынь! Пер. Л. Нечая	135
О сердце, не стучись ты в грудь... Пер. М. Луконина	136

Сердце, не бойся тяжело в груди! Пер. М. Касаткина	137
Не бойся сердце, чересчур... Пер. М. Дудина	138
Боже, сердце, не бойся! Пер. М. Адипбаева	139

1894

<i>Әсемпаз болма әр неге</i>	143
<i>Не рисуйся попусту...</i> Подстр. пер. Г. Бельгера	144
Будь разборчив в пути своем... Пер. Вс. Рождественского....	146
Не упивайся праздной красотой... Пер. М. Адипбаева	147

1895

<i>Әбдірахманның әйелі Мағышқа Абай шығарып берген жоқтау</i>	151
<i>О, милостивый создатель...</i> Подстр. пер. Г. Бельгера	155
Создатель! Сколько горьких слез... Пер. В. Звягинцевой	162
Всевышний, Господи, Создатель! Пер. М. Адипбаева	166

1897

<i>Көк туман – алдыңдагы келер заман</i>	173
<i>Сиздей туман – грядущие времена...</i> Подстр. пер. Г. Бельгера	175
Грядущее скрыто туманом от нас... Пер. В. Звягинцевой	177
Время – пряди тумана вдоль гребней гор. Пер. А. Штейнберга	179
Грядущее скрыто в тумане сплошном... Пер. А. Кодара	181
Грудущие лета – неведомый туман... Пер. М. Адипбаева	183

1898

<i>Қуаты оттай бұрқырап</i>	187
<i>Бушующие, как огонь...</i> Подстр. пер. С. Тлеубаева	188
О порыв души огневой... Пер. Вс. Рождественского	189
Бушующее пламя... Пер. М. Адипбаева	190
<i>Сұм дүние тонап жатыр, ісің бар ма?</i>	191
<i>Несчастное время грабит, что за дело...</i> Подстр. пер. С. Тлеубаева	192

Проклятый мир обирает нас. Как поладить с ним?	
<i>Пер. М. Петровых</i>	193
Посмотри, этот мир тебя грабит, жесток.	
<i>Пер. А. Кодара</i>	194
Что можешь ты? Лихое Время грабит. <i>Пер. М. Адибаева</i>	195
<i>Өлсем, орным қара жер сыз болмай ма?</i>	196
<i>Уиру – место мое разве не сырая земля?</i>	
<i>Подстр. пер. С. Тлеубаева</i>	197
Когда умру, не стану ль я землей? <i>Пер. Ю. Нейман</i>	199
Умру. И стану вновь землей... <i>Пер. М. Дудина</i>	200
Когда я умру, то с землей смешается прах...	
<i>Пер. Ю. Кузнецова</i>	201
Не в земле ли сырой обрету я приют, умерев...	
<i>Пер. А. Кодара</i>	202
Когда умру – не пухом мне могила... <i>Пер. М. Адибаева</i>	203
<i>Жүректе қайрат болмаса</i>	205
<i>Когда в сердце нет стойкости...</i>	
<i>Подстр. пер. С. Тлеубаева</i>	206
Если мысль за волею вслед... <i>Пер. А. Штейнберга</i>	207
Коли в сердце нет воли, ничто... <i>Пер. Ю. Кузнецова</i>	208
Если волей в себе не силен... <i>Пер. А. Кодара</i>	209
Коль сердце вялое в груди... <i>Пер. М. Адибаева</i>	210
<i>Жүрегім менің қырық жамау</i>	211
<i>Сердце мое – из сорока заплаток...</i>	
<i>Подстр. пер. С. Тлеубаева</i>	212
На сорок лоскутов тоскою... <i>Пер. М. Петровых</i>	213
На сорок лоскутьев печалей... <i>Пер. Ю. Кузнецова</i>	214
Толпа безумно-похотливо... <i>Пер. М. Адибаева</i>	215

1899

<i>Нұрлы аспанға тырысып өскенсің сен</i>	219
<i>Мы рос, стремясь к ясному небу...</i>	
<i>Подстр. пер. С. Тлеубаева</i>	220
Рос ты, к небу устремляясь головой... <i>Пер. Д. Бродского</i>	222

Ты рос. Ты вверх тянулся смело... <i>Пер. М. Дудина</i>	223
Рос ты быстро, стремясь в небосвод голубой... <i>Пер. Ю. Кузнецова</i>	224
Ты рос в небесный устремляясь свет... <i>Пер. М. Адипбаева</i>	225
<i>Герольд Бельгер</i> . Властитель – Слово. Почему трудно переводить Абая?	229
<i>Гарифолла Есим</i> . Хаким Абай	241
Краткие биографические сведения поэтов-переводчиков Абая	273
Основные издания произведений Абая на русском языке	280

ДВУДЦАТЬ
СЛУХОПВОРЕНЦІ
ІБІЯ

Оформление Алмата *Басенова*
Технический редактор *А. Семенова*

Сдано в набор 10.02 05. Подписано в печать 19.03 05. Формат 60x84^{1/16}.
Бумага офсетная. Гарнитура "Таймс". Печать офсетная. Объем 18 п.л.
Тираж 2000 экз. Заказ № 1617.

Полиграфкомбинат ТОО «Корпорация Атамұра»
Республики Казахстан, 050002, г. Алматы, ул. М. Макатаева, 41